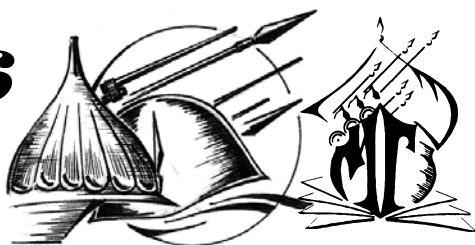

Россия, Русь! Храни себя, храни!

5-6
2021

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Станислав ЗОТОВ. Дар предвидения	3
Владимир ЮДИН. «Я не первый, я единственный!»	140
Игорь КАРПОВ. «Сталинград на Дону»	153
Валентин КАТАСОНОВ. Открытый заговор	184
Роман ИЛЮЩЕНКО. Такое вот кино	190

ПРОЗА

Юрий ВИСЬКИН. Ошибка Мойры . Роман	15
Татьяна ГРИБАНОВА. Серафима . Рассказ	159
Андрей ФРОЛОВ. Короткие рассказы	196
Надежда КНЯЗЕВА. Предновогодье в деревне . Рассказ	208

ПОЭЗИЯ

Анатолий АВРУТИН. После пожара . Стихи	132
Владимир СИЛКИН. Вечные незабудки . Стихи	171
Ирина УШАКОВА. Память о доме . Стихи	179
Александр ЛИСНЯК. Отражённый свет . Стихи	214
Андрей ГРУНТОВСКИЙ. Средь полей и облаков . Стихи	221
Стихи поэтов Приднестровья . Предисловие Алексея Полуботы	241

РУССКИЙ МИР

Сергей БАРАНОВ. Доктрина «Русский Донбасс» 226

СИМВОЛ ВЕРЫ

Станислав ЗОТОВ. Мученики за Россию 232

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

Людмила ТУРОВСКАЯ. Герой моего детства
Герман Титов 251

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Ирина УШАКОВА. Поколение, крестившееся огнём 260

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Валерий ГАБРУСЕНКО. 200-летнее
закрепощение народа 267

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Геннадий БЕЛОВОЛОВ. «Империя не может умереть» 271
Владимир БОЛЬШАКОВ. Роковая ошибка 276
Андрей СОШЕНКО. О «смешении кровей»... 278

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. Протуберанцы. Размышления
и воспоминания. Продолжение 283

ДАР ПРЕДВИДЕНИЯ

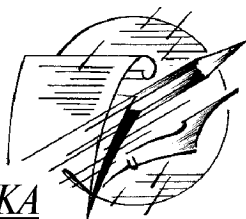
К 80-летию начала Великой Отечественной войны

Памяти моего деда Бориса Евдокимовича Зотова, лейтенанта Красной Армии, сражавшегося в июле 1941 г. в составе 388-го полка на Буйничском поле под Могилёвом в Белоруссии и погибшего при выходе из окружения. Памяти всех, кто встретил войну летом 1941 года.

5 июня 1941 года московский школьник Лев Федотов, заканчивавший тем летом школу и сдававший уже выпускные экзамены, записал в своём рукописном дневнике:

«Хотя сейчас Германия находится с нами в дружественных отношениях, но я твёрдо убеждён (и это известно также всем), что это только видимость. Эти мои догадки подтверждаются тем, что германские войска особенно усиленно оккупировали Болгарию и Румынию, послав туда свои дивизии. Когда же в мае немцы высадились в Финляндии, то я твердо приобрёл уверенность о скрытной подготовке немцами нападения на нашу страну со стороны не только бывшей Польши, но и со стороны Румынии, Болгарии и Финляндии.

То, что Германия задумала употребить территории Финляндии и Румынии как плацдарм для нападения на СССР, это очень умно и целесообразно с её стороны, к несчастью, конечно, нужно добавить, владея сильной военной машиной, она имеет полную возможность растянуть восточный фронт от льдов Ледовитого океана до черноморских волн.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Таким образом, дело только лишь в долготе концентрации войск. Ясно, что к лету концентрация окончится и, явно боясь выступить против нас зимой во избежание встречи с русскими морозами, фашисты попытаются втянуть нас в войну летом. Я думаю, что **война начнётся или 20 или 22 июня (!)**, но не позже, ибо ясно, что германцы будут стремиться окончить войну до морозов».

Эти размышления московского школьника о близящихся роковых событиях сейчас хорошо известны. Написаны книги о «советском Нострадамусе» Лёве Федотове, даже сняты фильмы. Всех поражает необычная точность предсказаний молодого человека, далёкого от государственных тайн и военных секретов. Тем более мы теперь хорошо знаем, что толки о скором начале войны с Германией тогда, мягко говоря, не одобрялись высшим руководством СССР. Сталин, рассчитывая перевооружить РККА (Рабоче-Крестьянскую Красную Армию) лишь к началу 1943 года, скрупулёзно точно стремился исполнять условия пакта о ненападении с Германией, заключённого в августе 1939 года. Но время было безнадёжно упущено и потрачено на затяжную войну с Финляндией 1939—1940 гг., когда более 200 тысяч жизней наших бойцов и командиров были положены при штурме чудовищных железобетонных укреплений знаменитой «линии Маннергейма», построенной старательными финнами. Армия сражалась, вооружённая трёхлинейными винтовками системы Мосина образца 1895 года, в тяжёлых шинелях, не рассчитанных на 40-градусные морозы той зимы, в брезентовых сапогах... Отсюда — невероятные потери. Победа в той войне не была достигнута в полной мере, так как все приобретённые территории финны летом 1941 года забрали назад без особого труда, и их снова пришлось отвоёвывать в 1944 году. Спешное перевооружение Красной Армии началось, по сути, лишь с началом 1941 года, после того, как стали очевидны успехи гитлеровских танковых армий на полях Европы, когда Германией в 1940 году была в две недели разгромлена Франция, захвачены Голландия и Бельгия, а затем Дания и Норвегия. Тогда начали спешно организовываться танковые корпуса, но массовый выпуск новых танков, таких, как Т-34 и КВ начался только в феврале 1941 года и их к началу войны было в войсках тысячи полторы, не больше, а гитлеровская армия имела три с половиной тысячи новейших танков. До сих пор можно прочитать в рассуждениях некоторых «историков», таких как В. Резун (Суворов), да и других, утверждение о том, что Сталин готовил «большой удар» по Гитлеру и танков в Красной Армии было не меньше, чем 20 тысяч! Да,

было, но в подавляющем большинстве это были устаревшие лёгкие танки БТ с такой бронёй, что их пуля пробивала, и все они, в основном, были разбиты в первые дни войны. У писателя Константина Симонова в его воспоминаниях сохранилась такая характерная и печальная зарисовка: немцы выставили наши разбитые танки БТ вдоль дорог и всякий раз громко смеялись, когда проезжали мимо. Но так было в 1941 году, а вот в 1944 году мимо этих покорёженных остовов шла на запад совсем другая Красная Армия, вооружённая другой техникой и другим оружием, и советские солдаты с уважением смотрели на наши погибшие танки 41-го года, они хоть и ненадолго, да задержали наступление сильного и опытного врага.

Итак, перед Сталиным в начале лета рокового 1941 года стояла задача на как можно более дальний срок оттянуть начало войны, приближение которой уже было очевидно всем, даже, как видим, мальчишке с замоскворецкого двора. Напомню, что Лёва Федотов был сыном старого большевика с дореволюционным стажем Фёдора Каллистратовича Федотова, умершего в припадке эпилепсии в 1933 году на Алтае, куда он был «послан партией» (как говорили тогда) проводить коллективизацию (надо полагать, что приёмы проведения этой коллективизации были таковы, что не выдержала психика даже старого большевика). Однако семья заслуженного члена партии, погибшего при исполнении своих трудных обязанностей, получила квартиру в знаменитом «Доме на набережной», на Берсеневской набережной, напротив Кремля, где, кстати, рос и будущий писатель Юрий Трифонов, хорошо знавший своего сверстника Лёву Федотова и отличавший его. По воспоминаниям друзей детства Лёва был несколько странным ребёнком, нелюдимым, болезненным, с головой погружённым в чтение книг самой разной тематики. От такого запойного чтения (из-за чего он стал близоруким) и при хорошей памяти у него сложились энциклопедические знания — он знал, казалось, всё и обо всём. Самое главное — книги научили его размышлять, а постоянное ведение дневников, чем Лёва стал заниматься с 1935 года, выработало в нём аналитический склад ума, приводило мысли его в систему, приучало к логике. Не раз потом Лёва оговаривался в своих дневниках, что пришёл к своим знаменитым историческим прогнозам путём «логических размышлений», а вовсе не через какое-то мистическое озарение, что приписывают ему, как некоему «пророку», теперь. Это подтверждают его собственные слова из дневника:

«Я, правда, не собираюсь быть пророком, я мог и ошибиться во всех этих моих предположениях и выводах, но все эти мысли возникли у меня в связи с международной обста-

новкой, а связать их и дополнить мне помогли логические рассуждения и догадки. Короче говоря, будущее покажет».

Вот вам и ответ на все рассуждения о «мистическом даре предвидения»!.. Да, этот дар у Льва Федотова был, но он не был принесён ему свыше некими потусторонними силами, а был выработан самим прилежным и начитанным мальчиком в ходе глубоких и серьёзных размышлений.

И возникает естественный вопрос: почему же эта логика не была присуща нашим вождям и вершителям судеб нашей страны? Где она была 14 июня 1941 года (спустя всего 9 дней после той удивительной пророческой записи в дневнике школьника Лёвы), когда появилось всем теперь известное заявление ТАСС, в котором говорилось, что «Германия неуклонно соблюдает все свои обязательства по пакту о ненападении», что слухи о надвигающейся войне ложные, а в пространстве этих слухов обвинялись британские дипломаты, и твёрдо заявлялось, что Германия не концентрирует свои войска у наших границ, и манёвры Красной Армии носят плановый и учебный характер? В общем, к войне ни СССР, ни Германия не готовятся. И это официальное сообщение советского руководства было сделано тогда, когда у границ СССР уже было сосредоточено до 170 немецких дивизий, считая и дивизии германских союзников, а также три с половиной тысячи танков! Причём, всё это было известно Сталину из донесений нашей агентуры за рубежом. Только даты начала вторжения всё время указывались разные (так как сам Гитлер колебался в определении точной даты начала вторжения). Однако к середине июня дата уже определилась достаточно чётко — 22 июня.

Так для чего же было нужно это «заявление ТАСС», в чём тут логика? Обычно говорят, что это был своего рода зондаж немецкой стороны. Дескать, поддержат немцы тезисы этого заявления о неуклонном соблюдении обязательств пакта — хорошо, войны не будет; не поддержат — значит, что-то задумали. Немецкая сторона никак не откликнулась на это заявление, полное молчание было ответом фюрера. По элементарной логике выходило, что «зондаж» (если это был зондаж) удался — немцы явно что-то задумали, вторжение уже скоро! Надо было принимать меры, надо было поднимать войска по тревоге и выводить в предпольные укрепления, то есть на боевые оборонительные позиции, надо было уводить самолёты с приграничных аэродромов, где их мог легко уничтожить противник, и уж, конечно, нужно было отменить все отпуска и увольнительные в войсках западных округов. Ничего этого сделано не было, а, значит, не было и никакого зондажа. А что же получилось? Получилась явная подножка своим же

собственным войскам. Вспомним, где застала весть о начале войны политрука Синцова, героя романа Константина Симонова «Живые и мёртвые»? — на крымском курорте. А как он туда попал из своей части, находившейся в районе Гродно на самом западном рубеже тогда, когда гансы уже заряжали свои орудия? — а был отпущен в очередной отпуск. И это произошло именно после того злополучного заявления ТАСС от 14 июня. И разве его одного отпустили? Вспомним, как в этом беспощадно правдивом повествовании Симонова описаны целые эшелоны советских офицеров и командиров разных чинов и рангов, возвращавшихся из отпусков, стремящихся попасть в свои части тогда, когда война уже не первый день гремела на западных рубежах, и танковые клинья немецких армاد глубоко вошли на нашу землю. Вспомним, что герой Симонова не смог добраться даже до Минска на шестой день войны, Минск уже был отрезан, и он вместе с нестройными толпами наших солдат и командиров из разбитых частей брёл под немецкими бомбами на восток до днепровского рубежа, где только и смогли остановить врага. Такова была «внезапность» немецкого удара, внезапность, которой на самом деле не было, ибо советскому руководству было в точности известна вся обстановка подготовки Германии к войне с СССР.

Из отчёта командования Северо-Западным фронтом: *«Мы имели массу сигналов бешеной подготовки к войне против нашей Родины. Агентурные данные показывали не только сосредоточение войск, но и создание огромных баз всевозможного боевого питания. Наша агентура и перебежчики указывали, что надо ожидать в ближайшее время вооружённого выступления Германии против нас. Почти точно указывались сроки начала наступления — 20—22 июня 1941 г.»*

Так что не только Рихард Зорге из японского далека сообщал дату начала войны, а буквально из всех приграничных округов указывали её. Школьник Лёва Федотов не имел, конечно, никаких «агентурных данных» и к секретным сообщениям допущен не был, но он из обычных материалов прессы и радиоизвестий мог составить достаточно чёткую картину стягивания враждебных СССР сил к нашим границам. Он читал в газетах и слышал по радио, что войска Германии занимают Болгарию и Румынию, оккупировали Югославию (союзницу СССР), перебрасываются в Финляндию, концентрируются в Польше... Для чего? Элементарная логика подсказывала — будет война. Но логика советского руководства, похоже, была приведена в ступор дешёвым гаерским приёмом заведомого лжеца и профессионального полицейского провокатора Адольфа Шикльгубера. Адольф в моло-

дые годы, отслужив в кайзеровской армии, пристроился в полиции в Мюнхене на должности шпика и внедряемого агента. Он внедрялся в разные политические группировки, которых немало было в Баварии в начале 20-х годов прошлого века, когда только что отгремела немецкая революция и была проиграна Первая мировая война. Мюнхенские пивные кишели всякими тёмными личностями и подозрительными компаниями. Шпик Адольф подслушивал их разговоры, потом доносил начальству. Однажды он обнаружил некую шайку, которая называла себя национал-социалистской рабочей партией. Члены этой группировки за кружками баварского пива ругали еврейских олигархов, коммунистов и проклятых веймарских демократов, «продавших Германию жидам». Эти разговоры очень понравились недавнему ефрейтору, и он встрял в их беседу. Речь, которую он тогда произнёс в пивной, поразила многих, и он сразу был принят в новую партию, где развернул бешеную деятельность. А дальше у него нашлись могущественные покровители из финансовых кругов. Так родился фюрер Германии.

И вот этот заведомый провокатор отсылает 14 мая 1941 года Сталину личное своё письмо следующего содержания:

«Я пишу это письмо в момент, когда я окончательно пришёл к выводу, что невозможно достичь долговременного мира в Европе — не только для нас, но и для будущих поколений без окончательного крушения Англии и разрушения её как государства. Как Вы уже хорошо знаете, я уже давно принял решение осуществить ряд военных мер с целью достичь этой цели. Чем ближе час решающей битвы, тем значительно число стоящих передо мной проблем. Для массы германского народа ни одна война не является популярной, а особенно война против Англии, потому что германский народ считает англичан братским народом, а войну между ними — трагическим событием. Не скрою от Вас, что я думал подобным же образом и несколько раз предлагал Англии условия мира. Однако оскорбительные ответы на мои предложения и расширяющаяся экспансия англичан в области военных операций — с явным желанием втянуть весь мир в войну убедили меня в том, что нет пути выхода из этой ситуации, кроме вторжения на Британские острова.

Английская разведка самым хитрым образом начала использовать концепцию «братоубийственной войны» для своих целей, используя её в своей пропаганде — и не без успеха. Оппозиция моему решению стала расти во многих элементах германского общества, включая представителей высокопоставленных кругов. Вы наверняка знаете, что один из

моих заместителей, герр Гесс, в припадке безумия вылетел в Лондон, чтобы пробудить в англичанах чувство единства. По моей информации подобные настроения разделяют несколько генералов моей армии, особенно те, у которых в Англии имеются родственники.

Эти обстоятельства требуют особых мер. Чтобы организовать войска вдали от английских глаз и в связи с недавними операциями на Балканах, значительное число моих войск, около 80 дивизий, расположены у границ Советского Союза. Возможно, это порождает слухи о возможности военного конфликта между нами.

Хочу заверить Вас и даю слово чести, что это неправда.

В этой ситуации невозможно исключить случайные эпизоды военных столкновений. Ввиду значительной концентрации войск, эти эпизоды могут достичь значительных размеров, делая трудным определение, кто начал первым.

Я хочу быть с Вами абсолютно честным. Я боюсь, что некоторые из моих генералов могут сознательно начать конфликт, чтобы спасти Англию от её грядущей судьбы и разрушить мои планы. Речь идёт о времени более месяца. Начиная, примерно с 15—20 июня я планирую начать массовый перевод войск от Ваших границ на Запад. В соответствии с этим я убедительно прошу Вас, насколько возможно, не поддаваться провокациям, которые могут стать делом рук тех моих генералов, которые забыли о своём долге. И, само собой, не придавать им особого значения. Стало почти невозможно избежать провокации моих генералов. Я прошу о сдержанности, не отвечать на провокации и связываться со мной немедленно по известным Вам каналам. Только таким образом мы сможем достичь общих целей, которые, как я полагаю, согласованы.

Ожидаю встречи в июле.

Искренне Ваш, Адольф Гитлер».

(Цитируется по тексту книги С.Рыбаса «Сталин». М.: Молодая гвардия, 2009. Серия «ЖЗЛ»).

Даже и не особенно учёному, а просто здравомыслящему человеку по прочтении этого текста сразу бросятся в глаза откровенные логические ляпы лживых объяснений фюрера. Он называет британцев «братским народом», а сам беспощадно бомбит Англию, убивая мирных людей, повергая в прах целые города, не считаясь ни с какими жертвами «братского народа». Он собирается напасть на Великобританию, начать серьёзную войну, а сам тут же признаётся в собственной слабости, что он не контролирует своих генералов, которые без его позволения, якобы, могут вот так взять — и атаковать

Советский Союз! Да всё письмо Гитлера составлено из сплошной дезинформации. Он якобы собирается десантировать свои войска на Британские острова, а как это он мог сделать, если английский флот втрое превышал флот Германии, и единственный действительно крупный и грозный силой своих чудовищных орудий броненосный германский линкор «Бисмарк» уже был благополучно потоплен британцами в первом же боевом походе. Британские ВВС успешно сражались с германскими асами в небе Англии, а налёты английских бомбардировщиков авиация Геринга не могла предотвратить. Все эти технические подробности Сталин знал, не мог не знать, не мог не понимать, что высадка немцев в Британию — это блеф, но... мог ли он поверить заведомому лжецу? Мог ли считать, что у Гитлера есть честь?.. Даже простой московский школьник Лёва Федотов так не считал и писал в своём дневнике в последние мирные дни июня 1941 года:

«Я лично твёрдо убеждён, что это будет последний наглый шаг германских деспотов, так как до зимы они нас не победят, а наша зима их полностью доконает. То, что немцы страшатся нашей зимы, — это я знаю так же, как и то, что победа будет за нами!

Победа-то победой, но вот то, что мы можем потерять в первую половину войны много территории, это возможно. Мы, как социалистическая страна, которая ставит жизнь человека превыше всего, сможем во избежание больших людских потерь, отступая, отдать немцам кое-какую часть своей территории, зная, что лучше пожертвовать частями земли, чем людьми, ведь та земля, в конце концов, может быть, и будет нами отвоевана и возвращена, а вот жизни наших погибших бойцов нам уже не вернуть. Германия же, наоборот, стремясь захватить побольше земель, будет бросать войска в наступление направо, не считаясь ни с чем. Но фашизм жаждет не сохранения жизни его солдат, а новых земель, ибо самая основа нацистских мыслей — это завоевание новых территорий и вражда к человеческим жизням».

Какая блестящая характеристика фашизма! — **вражда к человеческим жизням**. Гитлер бестрепетно уничтожал всех, кого считал посягающим на его личную власть — даже своих бывших друзей и соратников по нацистскому движению — штурмовиков из отрядов СА, тех самых коричневорубашечников, которые и расчистили ему путь к власти, разгромили немецких коммунистов, провозгласили его фюрером!.. В одну ночь с 21 на 22 июня (!) 1934 года они были вырезаны вновь сформированными отрядами СС. На место «коричневых» пришли «чёрные».

21 июня 1941 года в немецких войсках был зачитан приказ фюрера: *«Солдаты восточного фронта! Наступил час, когда я могу говорить с Вами открыто. Сейчас вы вступаете в упорнейшую и ответственнойшую борьбу, ибо судьба Европы, будущее германского рейха и нашего народа находится отныне полностью в ваших руках!»*

Солдатам обещали быстрое окончание войны, если они будут действовать также решительно, как в прежних походах, и ещё до окончания осени они смогут вернуться домой. Проведение операции «Барбаросса» планировалось в срок 3—4-х месяцев, так что зимнее обмундирование для войск не заказывалось германским командованием, оно не должно было пригодиться. Захват таких огромных территорий в столь короткий срок был бы возможен только при осуществлении «молниеносной войны». Это означало, что планировались массированные танковые удары с глубокими прорывами в тыл противника, использование механизированных колонн вместо обычных пехотных порядков, отказ от долговременного штурма городов, а вместо того — широкие охваты укреплённых районов и больших скоплений войск противника. Логика подсказывала, что только при использовании такой тактики было теоретически возможно представить, что гитлеровские войска смогут далеко войти на советскую территорию и оккупировать огромные пространства, включая города, находящиеся в глубоком тылу. Почему-то советская военная мысль перед началом той войны такого развития событий представить себе не могла, а вот рассудительный и начитанный московский школьник Лёва Федотов мог:

«Как это ни тяжело, но вполне возможно, что мы оставим немцам, по всей вероятности, даже такие центры, как Житомир, Винница, Витебск, Псков, Гомель и кое-какие другие. Что касается столиц наших старых республик, то Минск мы, очевидно, сдадим; Киев немцы также могут захватить, но с непомерно большими трудностями. О судьбах Ленинграда, Новгорода, Калинина, Смоленска, Брянска, Гомеля, Кривого Рога, Николаева и Одессы — городов, лежащих относительно недалеко от границы, я боюсь рассуждать. Правда, немцы, безусловно, настолько сильны, что не исключена возможность потерь и этих городов за исключением только Ленинграда.

Возможно, что немцы будут брать наши особенно крупные города путём обхода и окружения, но в это я верю лишь в пределах Украины, ибо, очевидно, главные удары противника будут обрушиваться на наш юг, чтобы лишить нас наиболее близких к границе залежей криворожского железа и донецкого угля.

Обходя, например, Киев, германские войска могут захватить по дороге даже Полтаву и Днепропетровск, а тем более Кременчуг и Чернигов. За Одессу как за крупный порт мы должны, по-моему, бороться интенсивнее, чем даже за Киев, ибо Одесса ценнее последнего, и я думаю, одесские моряки достойно всыпят германцам за вторжение в область их города.

Понятно, что немцы будут мечтать об окружении Москвы и Ленинграда, но, я думаю, они с этим не справятся; это им не Украина, где вполне возможна такая тактика. Здесь же дело касается жизни двух наших главнейших городов — Москвы как столицы и Ленинграда как жизненного промышленного и культурного центра.

Окружить Ленинград, но не взять его фашисты еще смогут, ибо он всё же сосед границы; окружить Москву они, если бы даже и были в силах, то просто не смогут это сделать в области времени, ибо они не успеют замкнуть кольцо к зиме — слишком большое тут расстояние. Зимой же для них районы Москвы и дальше будут просто могилой!»

Всё исполнилось — и даже предсказание, что район Москвы окажется для них могилой. А теперь обратим внимание: Лёва называет эти свои предсказания не пророчествами, а «рассуждениями»! И это характерно. Он вполне отдаёт себе отчёт, что к столь широкой и объективной картине хода немецкого вторжения в Россию он пришёл не через какое-то сверхестественное озарение, а путём логических рассуждений, просто сопоставляя известные ему факты хода войны в Европе, применяя их к возможной тактике немцев при их нападении на СССР, как бы экстраполируя (перенося) предыдущие события на будущее. Метод экстраполяции — обычный метод науки логики, которую, кстати говоря, преподавали тогда как предмет в советских школах (при Хрущёве запретили преподавать).

21 июня 1941 года Лёва Федотов сделал очередную запись в своем дневнике:

«Теперь я уже жду беды для всей нашей страны — войны. Ведь теперь, по моим расчётам, если только я действительно был прав в своих рассуждениях, т.е. если Германия действительно готовится напасть на нас, война должна возникнуть именно в эти числа этого месяца... Я чувствую тревожное биение сердца, когда подумаю, что вот-вот придёт весть о вспышке новой гитлеровской авантюры. Откровенно говоря, теперь, в последние дни, просыпаясь по утрам, я спрашиваю себя: «А может быть, на границе уже грянули первые залпы?» Теперь нужно ожидать начала войны со дня на день».

Уже дважды Сталину в этот день докладывали, что немецкие военнослужащие — один раз фельдфебель, другой раз

солдат немецкой армии — пересекли западную границу, сдались нашим пограничникам и объявили, что в немецких войсках зачитан приказ фюрера о начале войны, что всё готово, был даже назван час начала атаки — 4 часа утра 22 июня... Но Сталин не торопился. На него, возможно, по-прежнему магнетически влияли слова Гитлера из того письма, что провокации на границе могут организовать его беспокойные генералы и что поддаваться на эти провокации советской стороне не следует. Лишь только вечером 21 июня в кабинете Сталина в Кремле собралось узкое совещание в составе самого «хозяина», начальника генерального штаба Жукова, наркома обороны Тимошенко, ну и, конечно, Будённого, и начальника политуправления РККА Мехлиса. Жуков и Тимошенко предложили издать директиву о приведении всех войск приграничных округов в полную боевую готовность (до удара противника оставалось часов шесть...). Сталин предложил направить в войска короткое сообщение, что «со стороны противника ожидаются провокации», но отвечать на них не следует. Этим сообщением войскам предписывалось быть в боевой готовности, скрытно занять огневые точки и «перед рассветом (только перед рассветом, то есть тогда, когда уже первые снаряды врага полетели на нашу землю!) рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию и тщательно её замаскировать» (это означает, что наши боевые самолёты до того вообще не были замаскированы и соответственно в большинстве своём были уничтожены первым же огневым ударом противника!). Эту расплывчатую «директиву» подписали Жуков и Тимошенко. Но было уже слишком поздно.

Началась война, и в дело вступила другая логика, когда поздно было искать виновных, надо было воевать, а вести с Западного фронта приходили страшные. Не всё тогда было ясно, но после подсчитали наши потери: в первый месяц войны Красная Армия потеряла около миллиона солдат, и самое печальное — до 700 тысяч только пленными. Это говорит о растерянности, царившей среди военнослужащих, ведь военный человек в плен врагу сдаваться не должен, устав Красной Армии запрещал такие действия, пленные объявлялись предателями. Но нельзя же предположить, что у нас сразу нашлось такое количество предателей! Было уничтожено 6,5 тысяч танков, 7 тысяч орудий и миномётов, почти вся авиация западных округов. Конечно, всё было восполнено со временем. К 1943 году наша оборонная промышленность, перебазирующаяся на Урал и в Сибирь, уже выпускала больше танков и артиллерийских орудий, чем промышленность Германии и её союзников. Тогда и начался коренной перелом в

войне, когда мы не ждали удара врага, а сами наносили первый удар по нему, как это было на Курской дуге. Но представим себе, что наши солдаты встретили бы врага 22 июня 1941 года не в казармах под одеялами, где их накрыли немецкие снаряды, а в полевых укреплениях, готовыми к бою. А наша авиация давно уже была бы рассредоточена по полевым аэродромам и лётчики не отдыхали бы с семьями накануне воскресного дня, а сидели бы в кабинах своих истребителей и бомбардировщиков, ожидая сигнальной ракеты. А танковые корпуса были бы выдвинуты к границе, и у них было бы в достатке и горючего, и снарядов, а наша артиллерия нанесла бы упреждающий удар по наглому врагу, как это было на Курской дуге. Куда бы прорвались тогда все эти Готы и Гудерианы, все эти фон Боки и фон Леебы!.. Да, сталинское руководство потом смогло овладеть ситуацией, перестроить промышленность, мобилизовать и обучить новую армию, во многом составленную из вот таких замечательных мальчишек рождения 1922—1923 годов, как Лёва Федотов, как Зоя Космодемьянская, как брат моей бабушки 18-летний парень Михаил Нистратов, погибший со всей 33-й армией под Наро-Фоминском осенью 1941 года... Нет им числа. Это было целое поколение беззаветно преданных Родине людей. И это было умное, начитанное, образованное поколение, умевшее мыслить и рассуждать, работать и воевать, оно смогло бы создать новую страну, если бы осталось живо... Такую страну, которая не распалась бы в 1991 году... И если бы 14 июня 1941 года не вышло успокоительные «заявления ТАСС», о том, что «Германия неукоснительно соблюдает условия пакта о ненападении», а были бы выведены войска в предполье, на оборонительные рубежи, страна не потеряла бы почти 30 миллионов человек.

Лёва Федотов, не призванный по здоровью в армию, а отправившийся в эвакуацию в город Зеленодольск, не выдержал бездействия и сбежал на фронт. Прибился к штрафникам, направлявшимся на передовую, и в составе 3-й штрафной роты 415-й стрелковой дивизии принимал участие в боях у села Озёрского в Белёвском районе Тульской области. Бои там были особенно упорные, продолжались в течение двух недель в середине июня 1943 года, от штрафников там мало кто остался в живых... 25 июня 1943 года рядовой стрелок Лев Фёдорович Федотов погиб в бою.

Вечная память!

ОШИБКА МОЙРЫ

РОМАН

1

Вначале было два моих звонка одному гражданину. Звонил я, собственно, не ему, а в наш автосервисный техцентр, но мой телефонный аппарат два раза подряд соединил с ним. Первый раз он буркнул: нет, мол, это не Слава. И тут же положил трубку. Второй раз начал резко выговаривать: мол, выясните номер, по которому вам надо... Тут уж я прервал связь. На третий раз соединило вроде правильно, но телефон техцентра оказался занят. И когда я вновь положил трубку, раздался звонок, и я услышал всё тот же раздраженный голос:

— Вы теперь что, постоянно будете мне названивать?

— Простите, — сказала я, как бы не понимая. — С кем имею честь?

— Серегин, — представился он с некоторым, как мне показалось, апломбом. — Андрей Станиславович. Частный детектив.

— А-а... Ну, понятно. Поэтому и телефон у вас с номеропределителем?

— Теперь они у многих. Но я был одним из первых обладателей такого телефона в нашем городе, — го-

ПРОЗА

ворил он, вроде как слегка бахвалясь, но голос его тут же посуровел: — Итак, что вас побуждает звонить мне?

— Хотел сделать заказ, — сострил я, верней, ляпнул первое пришедшее на ум.

— Неужели? Какой?

— Шучу. Просто аппарат иногда неправильно соединяет. Но вы не беспокойтесь, я куплю новый.

— Благодарю, меня это радует... Ну, а как же насчет заказа? — голос его помягчел. — Подумайте, может, вам и в самом деле что-нибудь требуется?

— А что мне может требоваться от частного детектива? — с недоумением спросил я.

— Нет, вы подумайте, подумайте! Может, вам, к примеру, хочется узнать, не изменяет ли вам жена?

— Да вы... — от такой бесцеремонности у меня на время отнялся язык. — Кхм... Не слишком ли много вы себе позволяете?

— Только без обид, — голос Серегина звучал примирительно, но вместе с тем и по-деловому спокойно и твердо. — Я профессионал и предлагаю вам профессиональную услугу. Это обойдется недорого, поверьте.

— Вы на мели, что ли?

— Да не сказать... Но дело не в этом. У нас ведь сейчас, сами понимаете, рынок. Вот и приходится ловить любую возможность...

— Моя жена не изменяет мне, — сказал я холодно и хотел положить трубку, но услышал:

— А вы абсолютно уверены?

Тон, которым был задан этот вопрос, довольно ехидный, с нажимом на «абсолютно», взбесил меня.

— Послушайте, вы! — заорал я. — Вы... э-э... — несколько мгновений я соображал, что бы такое ответить, а потом выпалил: — Хорошо! Я дам заказ, но при условии: если окажется, что я прав, и моя жена не изменяет мне, вы поставите мне ящик коньяка! Хорошего!

— Остыньте, остыньте, пожалуйста... — Серегин говорил теперь очень мягко, миролюбиво, с вкрадчивой тактичностью. — Извините, если доставил вам неприятное... Но поймите, я действительно профессионал, и ваше предложение мной никак не может быть принято. Только заказ, и только выполнение работы. Без никаких пари. Это в ваших же интересах. Предположим, единственное, что мне удастся выяснить — безупречная верность вашей супруги. Но это же будет для вас просто прекрасно! Это укрепит вас в уверенности...

— Ладно! — сказал я, еле сдерживаясь, чтобы снова не заорать. — Говорите ваши условия...

Я пожалел об этом сразу, как только положил трубку. В самом деле, зачем мне это нужно? То-то я не знаю своей жены. Тьфу! Но было уже поздно. Я подумал: чёрт с ним, пусть работает. Трата для меня и правда невелика.

Супруге я, конечно, ничего говорить не стал, но когда она пришла с работы, поймал себя на том, что смотрю на нее с повышенным вниманием. Изучающе, что ли. Как бы выискивая в ней признаки того, что могло бы подтвердить те вероятные сомнения, которые попытался навязать мне Серегин. Она даже удивленно спросила:

— У меня с лицом что-то не то?

И, подойдя к трельяжу на косметическом столике у балконной двери, села и стала рассматривать себя.

Я сказал:

— Да нет, всё то...

Лицо ее, как всегда, было в полном порядке. Красивое, должен сказать, лицо. С идеально выточенным тонким носом, с нежными губами в морщинках, как на пенке от какао, с нежно-белой кожей и на удивление изящно очерченными щеками и скулами, с высоким закругленным лбом, на который, когда она наклонялась, спадали темные с серебристым отливом волнистые пряди, так что ей приходилось отбрасывать их рукой назад. И в довершение ко всему — синие, как студеное небо, глаза с длинными загнутыми и отделенными одна от другой ресницами, разрезанные опять же с необычайным изяществом: сами глаза малость вытянуты, острия уголков у переносицы едва заметно загибаются вниз, а у висков, чуть посильней, вверх. Никогда ни у кого больше не видел я таких глаз.

Пять лет назад я случайно зацепился за них взглядом в троллейбусе и... не стал выходить на своей остановке, поехал дальше. И ехал, пока она не встала и не вышла. Я вышел следом и прошел за ней до здания, в которое она вошла, четырехэтажное, старой постройки, напоминающее возводимые после войны районные дворцы культуры; под его крышей большие буквы из блестящего листового металла складывались в название: «Финансово-экономический колледж». Этого было достаточно для дальнейшего безошибочного поиска, и я рванул к остановке в противоположную сторону, зная, что на первую лекцию уже опоздал (я тогда заканчивал автомобильно-дорожный институт).

Два дня я думал, как же мне познакомиться с ней, и — тупик, полный! Ничего не оставалось, кроме как просить совета у Миньки Хохмачева из параллельной группы, пер-

вого мастера съёма на нашем потоке. Он выслушал меня очень внимательно, а потом задумчиво спросил:

— Диктофона у тебя, разумеется, нет?

— Разумеется, — с удивлением подтвердил я.

— Подожди, — сказал он и ушел.

Минут через десять вернулся с черным пластмассовым диктофоном, который свободно мог уместиться в нагрудном кармане пиджака.

— Позаимствовал в редакции нашей многотиражки, — объяснил он. — У знакомой корреспондентки. Держи.

— И что мне с ним делать?

— Слушай внимательно. Инструктирую.

На другой день я бродил по зданию финансово-экономического колледжа, выискивая ее среди девчоночьих косяков и стай. И наконец, увидел. Она стояла в кружке с еще четверыми студенточками. Они о чем-то говорили. Впрочем, она не говорила, а слушала, временами улыбаясь. Я подобрался внутренне, подошел и в соответствии с хохмачёвской инструкцией прокричал в этом сплошном гуле, доставая из кармана диктофон:

— Девушки, извините, пожалуйста! Здравствуйте! Молодежная газета «Путиами открытий». Виктор Никитков, обозреватель. Мы проводим опрос среди учащихся среднего образовательного звена на тему досуга и увлечений. Не могли бы вы ответить на несколько вопросов?

— Отчего ж не ответить! — бойко сказала одна из них, худенькая, с острым личиком, со смеющимися бесцветными глазками и светлыми, как стекловолокно, волосами. — Спрашивайте!

— Скажите, пожалуйста, куда вы предпочитаете ходить в свободное время? Кино, концерты, что-то, может, еще... Только, пожалуйста, представьтесь сначала...

Беленькая назвала себя и начала весело отвечать в подставленный мною диктофон. Потом я перевел его к лицу другой студенточки, и так он постепенно приплыл к той, ради которой всё это затевалось. Вновь я видел эти чудесные синие глаза, но теперь они были близко и глядели прямо на меня, снизу вверх, мне сперва показалось — насмешливо, но это, наверное, потому, что на губах ее подрагивала улыбка, но сами-то глаза, когда я в них вглядывался, становились серьёзными и мгновениями поражённо застывали, как у человека, спокойно шагавшего по улице и вдруг остановившегося от того, что его внимание примагнитило нечто для него сверх-необычное; и еще была в этих глазах какая-то удивительная глубина, втягивающая в себя, отчего я, по правде говоря, в

первые мгновения даже слегка испугался. У меня сохло во рту, голос становился хриплым:

— А вас... — выдавил я. — Кх... Вас как зовут?

— Лилия.

— Так... э-э... А фамилия?

— Чернобурова.

— И вы... значит... тоже учитесь на «Банковском деле»?

— Да, — кивнула она. — Мы все будущие банковские работники. Будем, как говорится, возделывать финансовое поле.

— И чем же вы занимаетесь в свободное время?

— Я?.. В основном домашними делами. Шить, например, люблю. Одежду. Раньше для кукол шила, теперь — для себя.

— А как насчет культурных заведений?

— Нет, не особо. Ни в кино не тянет, ни... в балет... Ну, разве что в кафе. Так и то не помню, когда была там в последний раз... Да! Еще цирк более-менее нравится. Но и в цирке не была лет этак... двести...

Она говорила негромко, густым, низковатым, но приятным голосом, говорила вроде бы серьезно и просто, но вместе с тем и как-то так, что мне хотелось улыбаться, а ее однокашницы после каждой ее фразы хохотали.

Выключив диктофон, я поблагодарил всех, а Лилии напоследок сказал:

— От души желаю, чтобы цирк вам был обеспечен...

Через два дня я снова был в колледже. И мне повезло: она в одиночестве спускалась по лестнице.

— Здравствуйте, Лилия Чернобурова, — сказал я.

И она ответила мне с приветливой улыбкой, как старому знакомому:

— Здравствуйте, обозреватель Виктор Никитков!

«Ну, Хохмачев! — с восхищением подумал я. — Ас!» Смущало только, что придется еще объясняться... Но это — ладно, это потом, как-нибудь утрясется, а пока...

— Лилия, — говорил я, доставая билеты. — Как выяснилось, я попал в точку! У нас в редакции всем очень понравились ваши ответы. И главный редактор, у него... это... везде связи... и он выделил специально для вас два билета в цирк, на завтра. Вам есть с кем пойти? У вас есть... э-э... друг?

Сердце мое сжалось. Я смотрел на нее в упор, ждал.

— Нет, — покачала она головой. — Но я могу пойти с подругой.

— А почему бы вам не пойти со мной?! — сказал я, внутренне возликовав. — Я тоже любитель циркового искусства!

Она улыбнулась той тихой затаенной улыбкой, которой позже я любовался с особенным удовольствием:

— Ну что ж, если это необходимо для прессы...

На следующий день, в цирке, в перерыве, когда мы сидели с ней в буфете и ели пирожные, запивая газированной водой, я признался, что никакой не обозреватель, и что буквально через полгода стану инженером.

— Правда? — Она посмотрела на меня с недоверием. — А имя? Тоже соврал?

— Нет, тут всё честно.

— И зачем тебе это надо было? — Она смотрела на меня выжидающе. И вдруг рассмеялась, замахав рукой: — Ой, Господи, да что это я... Ну и хорошо! — Она глядела на меня уже с оттенком той ласковости, которая потом будет превращать меня сперва в расплзающееся желе, а потом в сгусток огня. — Это куда как лучше! А то — газетчик... Несерьезно же для мужчины!

Это «несерьезно для мужчины» мне доведется услышать еще не раз, но уже не от Лилии, а от ее матери, от тещи, под одной крышей с которой мне пришлось прожить больше двух лет. Но по порядку. Мы поженились с Лилией через восемь месяцев после знакомства, когда ей исполнилось восемнадцать. Она уже окончила колледж, ее приняли на работу в один из филиалов самого крупного у нас в городе банка, и она стала работать контролером-кассиром и учиться на заочном отделении финансово-экономического института, куда поступила сразу же, на платной основе, со сроком обучения три с половиной года. Поскольку дом, в котором жили ее родители, двухэтажный, бревенчатый, почерневший от старости, построенный, наверное, еще в начале двадцатого века, попал под программу регенерации жилья, что сулило отдельную жилплощадь, мы и поселились в нем.

Жили в крохотной комнатенке, которая, верное дело, когда-то выполняла роль чулана. У нее и окон-то не было. Хорошо, тестю, Николаю Евгеньевичу, пришла в голову мысль пропилить в торцовой стене квадратный проем. Мы занимались этим вместе: за неделю до свадьбы он принес где-то позаимствованную на выходной ручную бензопилу, какими валят лес, и мы возились целый день, но сделали (точней, он сделал, моя помощь была почти формальной) аккуратное двустворчатое окошко с форточкой и резными наличниками, через которое видна была верхушка сиреневого куста, а дальше — такой же чёрный, бревенчатый, двухэтажный двухподъездный дом, и сбоку от него — восходившая к небу за отороченным поверху колючей проволокой забором толстенная и высоченная труба, давно уже не дымившая. Там, на заводе «Трансмаш» работали и мой тесть, и теща Любовь

Федосеевна. Работали в то время, когда из трубы круглые сутки шел дым пухлыми клубами, тесть — инженером-конструктором, теща — цеховым контролером. Когда же завод, удрушенный реформами, омертвел, теща занялась продажей косметики, ходила с большими оранжевыми сумками, набитыми флакончиками, баночками и тюбиками, по разным организациям, а тесть устроился охранником в какой-то департамент, после чего, как я слышал от соседей, теща взялась наседать на него: «Ну что это за работа? Сторож! Не серьезно же для мужчины!» В конце концов тесть вынужден был пойти слесарем в частную фирму по ремонту газового оборудования. Инженеры с высшим образованием (а тесть окончил политех) были никому не нужны. Но он и в той фирме быстро завоевал авторитет. Его и невозможно было не ценить. Институт он оканчивал вечерний, после армии (куда ушел выпускником среднего профтехучилища), и пока получал высшее образование, освоил невесть сколько профессий: токарь, краснодеревщик, плотник-бетонщик, сварщик, каменщик, слесарь...

...Никогда я больше не встречал человека, который бы так, как он, умел разнообразить свою жизнь. Однажды он принес откуда-то кипу старых журналов, и очень скоро сделал по обнаруженной в них заметке старинную, кажется, индийскую, игру «калах», в которую тут же втянулись и он, и Вадик, и я, да и теща с Лилией иногда в нее играли. Как выяснилось, это лучшая игра в мире после шахмат и шашек. И увлекательная, и умственного напряжения требует. И в то же время всё просто: двенадцать коробочек, по шесть на брата, тридцать шесть камушков, и еще две коробочки другой формы, так называемые «калахи» или накопители, куда надо собирать камушки, поочередно и по правилам раскидывая их по коробочкам. Кто больше наберет камушков в калах, тот и выиграл. У тестя даже появилась поговорка, он стал говорить: «Это в калах!» — если что-то ему удавалось, и, наоборот, с неудовольствием выдавал о какой-нибудь промашке: «Не, тут не в калах!»

Но, конечно, не тесть делал погоду в моей жизни, каким бы интересным человеком он не был и как бы не жаль мне было с ним развезжаться, когда фирма-застройщик, занимавшаяся регенерацией жилья в районе «Трансмаша», перед тем, как снести наш бревенчатый дом, купила тестю и теще с Вадиком двухкомнатную квартиру в новом панельном доме микрорайона «Иртышский», а нам с Лилией — однокомнатную во «вторичке» на Новоселовке. Главным для меня, естественно, была Лилия, моя Синеглазка, как нередко называл

я ее мысленно, отчего-то стесняясь называть ее так вслух. Моя жизнь делилась на две части: работа в нашем сумбурном, жестоком, невротрепистом бизнесе и — Лилия. Работа забирала почти всё время, на Лилию оставались лишь поздние вечера и редкие выходные, но и их было достаточно для того, чтобы в этой второй домашней части жизни полностью отходить от той, первой, без которой в общем-то существование мое было немыслимо, ведь, как ни крути, эта работа давно уже стала неотделимой частью меня; ну и определенные цели у нас с Фролом и Славой имелись, была и надежда, что когда мы их достигнем, то период ненормированной ломовой пахоты окончится, и настанет время благоденствия: уже не мы будем работать на нашу фирму, а она с ее отлаженным механизмом станет работать на нас, и тогда, наконец, у нас появится возможность предаться нормальной размеренной жизни успешных предпринимателей, каковыми мы пока что, к сожалению, не являлись (и это для меня было предметом хоть и не частых, но довольно-таки тяжелых раздумий и даже тоски, невнятной, зарождавшейся где-то в глубине души; была она неприятна, я давил ее, и уж, конечно, никогда никому о ней не говорил).

И я мечтал о том времени, за всеми делами представляя себе, как мы с Лилией переедем в собственный новый двухэтажный коттедж-теремок в русском стиле; к тому времени у нас уже, наверняка, появятся дети, и я найду ей работу, которая не отнимает так много времени, как эта, где ей приходится торчать с утра до вечера, а выходные — в основном по будням. Хотя зачем ей работать? Пусть занимается только домашними делами, детьми... Да-да, таким виделось мне наше будущее. А пока что...

— Ну и как насчет нашей поездки? — спросила она, продолжая разглядывать в трельяж свое лицо. В открытую форточку тянуло влажным воздухом на редкость ранней весны, запахами нагретых на солнце, едва проклюнувшихся березовых и ивовых листочков. Платиновые блики света дрожали на стенах, переливались на поверхности зеркала и, отражаясь, падали на лицо и волосы моей жены, делая ее как-то по-особенному красивой.

Я вздохнул и виновато проронил:

— Никак...

— Опять?! — Лилия посмотрела на меня с таким огорчением, что у меня засадило на сердце.

— Ну что поделаешь, Лиля... — стал успокаивать я ее. — Ну, съездишь еще раз одна. Последний! На следующий год вместе поедем! Обязательно! Пойми, у нас сейчас очень от-

ветственный момент. Решается будущее нашей фирмы! Я обязательно должен участвовать...

По правде говоря, не очень-то мне хотелось заниматься этими делами. Я предпочел бы поехать с женой, отдохнуть, тем более, что ехать мы собирались не куда-нибудь, а на острова Зеленого Мыса. Но и оставить своих друзей в такое время я не мог и потому говорил твердо:

— Это и для тебя важно...

— Для меня важно, — перебила она, — чтобы ты был со мной! Ну как вот я буду там без тебя?!

— Ты же не одна будешь, с группой! И потом, не забывай, в этом есть и положительная сторона: опять останутся денежки от моей путевки, я дам тебе побольше, купишь там себе что-нибудь... какое-нибудь ожерелье из африканского жемчуга...

— Ай, да нужно оно мне!

— Только, пожалуйста, без слёз! — Мне жалко было на нее смотреть. Она сидела, поникнув, подбородок ее дрожал, из глаз и в самом деле вот-вот могли покатиться слёзы. Я подошел к ней и как только мог ласково обнял ее за плечи и сказал: — Не расстраивайся. Давай заключим мир, а? Поехали в «Сибирские зори»?

— Э-эх ты! — сказала она, вставая и обнимая меня; пальцы ее сплелись на моей шее; она глядела с укором. — Какой же ты все-таки предатель!

Когда я почувствовал ее губы, горячие и нежные, как суфле, мгновенно пронзившие меня сладостно-жгучим током, мне вдруг вспомнились слова Серегина: «А вы абсолютно уверены?» — и в моей затуманивающейся голове успело мелькнуть: «Надо было добавить его... чтоб пари... пусть не на ящик, хоть на литр... С паршивой овцы...»

3

Через две недели она улетела, и я с головой погрузился в дела нашей фирмы. Момент действительно был очень важный. Нам до зарезу нужен был банковский кредит, чтобы, наконец, достроить новое здание нашего автосервисного техцентра, нашу «совушку», как мы любовно его называли. У нас недостаточно было имущества для залога на такие деньги, но мы уже почти добились этого кредита — с помощью Союза предпринимателей, чиновников мэрии, депутатов горсовета и много кого еще. Оставались в общем-то формальности. Главное — заключить договор с банком, что и должен был сделать я.

Наш бизнес мы называли «бизнес на троих». Его зачинатель — Фрол. Это не прозвище, которое обычно происходит

от фамилии Фролов, а имя, настоящее русское имя — Фрол. Он вырос в детском доме, и еще там, когда учился в старших классах, на заре перестройки, начинал осваивать азы предпринимательства. Сначала Фрол Соборов наладил производство рыболовных блесен. Он, конечно, не мог получить лицензию, потому что был несовершеннолетним, но уговорил получить ее школьного трудовика, и работал с ней, отстегивая ему пятьдесят процентов дохода. Сами блесны ему штамповали и гнули на близлежащем заводишке, куда можно было пройти сквозь дыру в заборе, а крючки-тройники и красные нитки он покупал. Оставалось только собрать и сдать блесны в рыболовные отделы магазинов «Детский мир» и «Спорттовары». По тем временам это был неплохой бизнес, но Фрол, как он сам говорил, уже тогда хотел заниматься масштабной работой. Детдомовцем он был одним из лучших картингистов района, очень любил автодело и когда окончил одиннадцать классов, поступил в автомобильно-дорожный институт, где мы с ним и оказались в параллельных группах. Он умудрялся хорошо учиться, продолжая заниматься бизнесом, уже со своими собственными лицензиями: за блеснами шли радиодетали, потом изделия из кожи, потом еще что-то. А на втором курсе, когда Фрол уже был женат и ждал первого сына, ему удалось получить кредит, и он открыл небольшую фирму по установке охранных систем на автомобиле — на территории бывшей фабрики валяной обуви. У него появился свой персонал, но совмещать такой бизнес с учебой было уже гораздо трудней, приходилось пропускать занятия, но учился он, тем не менее, без хвостов. На третьем курсе к нему присоединился приятель из его группы Слава Тимачев. А на четвертом получилось так, что мы с Фролом однажды защищали курсовые проекты по автотранспорту в одно время и в одной аудитории, и после того, как я отстрелялся, получив безоговорочную «пятерку», он подошел ко мне и спросил:

— Ты где-нибудь работаешь?

— На шиномонтажке, — ответил я. — В основном ночами.

— Так тем более подходишь. Пойдем ко мне! Мне нужен толковый человек.

И мы стали работать втроем, быстренько перебрались с фабрики валяной обуви на более приличное место, правда, почти на окраине, зато теперь у нас был расположенный прямо у магистрали бокс на четыре секции, под который мы переоборудовали брошенное здание бывшего продуктового склада (мэрия отдала нам его почти даром), соорудили в нем яму, так что кроме сигнализации могли теперь выполнять и развал-схождение. Площадей в этом складе хватило и для

мойки, и для ремонтного участка, где мы поставили два верстака, наждак, токарный и сверлильный станки (взяли их за бесценок на развалившихся заводах). Прибыль увеличивалась, и мы купили переносной дощатый домик-временку и оборудовали в нем свою шиномонтажку, потом привезли строительный вагончик на колесах, поставили в нем три топчана и три кульмана, на чертежных досках которых с тех пор постоянно были приклеены просторные ватманские листы. Мы со Славой фактически перебрались жить из студенческой общаги в этот вагончик. Фрол, конечно, жил в семье, с женой и сыном, в комнате малосемейки, которую купил незадолго до того, но при необходимости, когда наваливалось особенно много работы, и надо было следить за работой растущего месяца от месяца персонала, ночевал с нами. Учеба для нас тоже стала совместной, иногда курсовые на троих делал кто-то один, а дипломные проекты делали все вместе: один из нас, пока двое других занимались работой, мог несколько дней подряд чертить, переходя от кульмана к кульману. Естественно, каждый из нас насквозь знал все три проекта, мы даже проводили по ним обсуждения.

А за год до дипломов нас чуть было не постиг крах. Спасло чутье Фрола. После летней практики, которую нам удалось оформить через свое предприятие, он вдруг запретил нам уезжать на отдых по домам, сам тоже никуда не поехал, хотя с весны собирался с семьей на турбазу в Светлоречье, и заговорил о том, что надо срочно сдать площади вместе со всем оборудованием и персоналом в аренду. Нас со Славой это ошарашило. Вот так вот запросто кому-то отдать растущий, как на дрожжах, доход?! Мы упирались, не соглашаясь с Фролом, а он целыми днями ходил мрачный, то и дело слушал радио, смотрел новостные программы по телевизору, покупал вороха газет, просматривал. И все-таки настоял на своем: мы сдали всё в аренду на год. Арендаторам говорили, что хотим этот год спокойно доучиться. Арендную плату, в соответствии с договором, взяли за квартал вперед. Фрол перевел все наши рублевые счета в валюту и вывел в офшор. Прибыли у нас не стало, ее теперь получали арендаторы. Но через полтора месяца грянул дефолт, и они не смогли проработать даже до конца срока, за который заплатили, съехали. А наши денежки оказались нетронутыми многократно рванувшей инфляцией, мы потихоньку снимали их со счета швейцарского банка и продолжали работу, правда, уже с мизерными доходами.

Потом, когда всё более-менее устоялось, нам перепало очень хорошее место для нового здания нашего автосервис-

ного техцентра, которому мы дали название «Кардан»: почти в самом центре города, на оживленном пересечении нескольких дорог. И мы начали строиться.

Теперь дело оставалось за последним рывком: надо было, как я уже сказал, оформить договор с банком.

У нас давно уже были поделены и должности, и обязанности. Фрол был директором, Слава его заместителем, а я — главным инженером. Фрол ведал финансами и кадрами, разрабатывал стратегию, мыслил на перспективу, высматривал новые участки на авторынке нашего города. Слава занимался снабжением, налаживал связи со смежниками, мотался по городу, а иногда и в другие города. На мне была вся техническая часть фирмы и руководство работой специалистов.

Но была у меня и еще одна, можно сказать, нерегламентированная обязанность. Дело в том, что Фрол, великолепно разбиравшийся во всех тонкостях рынка, совершенно не умел говорить с людьми, точнее, не умел вести переговоры. Нет, он мог, конечно, созвониться, выяснить, что надо, но когда касалось чего-то серьезного, где необходимо было четко держать нить разговора, чувствуя нутро сидящего перед тобой, у него почему-то ничего не получалось: он всегда начинал откуда-то издалека, постоянно сбивался, не мог быстро и доходчиво объяснить порой даже самого простого. Был случай, когда из-за его косноязычия пролетел мимо хороший заказ: мы со Славой уехали на шинный завод, он оставался в фирме один, и в это время пришел солидный пожилой человек, который хотел произвести полное техническое обслуживание и установить сигнализацию не только на своей машине, но и на трех машинах родственников. Ему хотелось выяснить всё обстоятельно, в подробностях, но, посидев и послушав объяснения Фрола, он сказал: «Я так ничего и не понял», — встал, надел шляпу и ушел. Когда мы вернулись, и Фрол рассказал нам об этом, у меня вырвалось: «Ну не могу же я круглые сутки торчать здесь!» Фрол в тот же день дал заявку на биржу труда, и вскоре принял на должность менеджера по работе с клиентами бойкую девчущку, только что окончившую наш родной автодор. Как во Фроле уживались глубокий ум, предпринимательский талант и абсолютная бездарность дипломата, убей, не могу понять! Сам он объяснял свою слабую контактабельность невзрачной внешностью, которая, по его мнению, якобы и отталкивала людей, хотя выглядел он очень даже недурно: среднего роста, плотный, не красавец, но приличной, я бы даже сказал, мужественной наружности, русоволосый, чуть скуластый, с несколько оттопыренными ушами и, пожалуй, глубже, чем следовало бы,

загнанными под надбровные дуги глазами, в которых всегда была какая-то загадочность: не понять, серьезно он на тебя глядит, с насмешкой или с безразличием. В смысле внешности, верней, внешней внушительности, Слава Тимачев и в подметки ему не годился: маленький, щуплый... Но лицо, правда, у Славы приятное, а особенно хороши волосы: светлые и мягкие, как ковыль, с золотистым отливом. И с людьми говорить Слава умеет.

Но на все ответственные встречи было принято посылать меня. Это они так решили. Во-первых, утверждал Фрол, тут важны мои внушительные параметры: рост сто восемьдесят четыре, вес семьдесят восемь, ладное телосложение. Важна, дескать, и внешность, а она у меня... ну, без ложной скромности, фото моей физиономии можно выставлять в витринах салонов красоты. Фрол говорил: сам Бог велел, такому не откажут! Но я-то знаю, дело в другом: просто шло это как-то у меня, получалось...

В-общем, на встречу с президентом Че-банка Георгием Вырезковым предстояло идти мне.

4

Встреча была назначена на вторник последней недели июля, через три дня после того, как уехала Лилия.

И в тот же день мне позвонил Серегин. Я не сразу его вспомнил. А когда вспомнил, рассмеялся:

— О-о, здравствуйте... э-э... (легкое напряжение памяти) Андрей Станиславович... Ну, и как ваши успехи?

— Заказ выполнен, — ответил он. — Надеюсь, с вашей стороны не будет отклонений от выполнения условий?

— Ну что вы, Андрей Станиславович! — смеясь, кричал я в трубку. — Я в тот же самый день уложил в конверт означенную вами сумму, и она лежит у меня в «стенке»!

— Но тут, видите ли...

— Что?

— Потребовались дополнительные усилия и расходы...

— Да что вы?! Сколько?

— Плюс десять процентов.

— Нет проблем! — кричал я в трубку. — Я даже пятнадцать добавлю! Где вы сейчас?

— У транспортной академии.

— Ну, так мне по пути! Я как раз выезжаю по делу... Где будете ждать?

— В сквере, со стороны Иртыша.

Я достал из «стенки» белый бумажный конверт с гонораром Серегина, добавил пятнадцать процентов, сунул конверт

в карман и, захватив картонную папочку с нашим проектом, вышел из квартиры и закрыл ее на ключ. У подъезда сел в свой «жигуленок», белую «семерку», и поехал.

Я думал, частный детектив Серегин — это рослый плечистый угловатый джентльмен с пристальным взглядом английского разведчика. Оказалось, это невысокий полный плешивый мужичок с семеняще-шустрой походкой. Этаким колобочек. Сверкая на солнце лысиной, он катился ко мне по аллее сквера, на ходу открывая чёрную кожаную папку. Подкатившись, вынул из нее большой тонкий запечатанный конверт из коричневой почтовой бумаги, протянул мне и сказал, глядя на меня своими кругленькими, как у мышонка, умными глазками:

— Вот ваш заказ. Внутри отчет о проделанной работе.

Я взял конверт, вежливо поблагодарил и отдал ему свой конверт с деньгами.

— Всего наилучшего, — сказал Серегин, повернулся и покатился прочь.

— Скажите! — крикнул я ему вслед — Вы юридические услуги оказываете?

— Любые! — оборачиваясь на ходу, ответил он. — Понадобится, обращайтесь. В отчете есть все мои координаты.

Я взглянул на часы. О! Не хватало только в банк опоздать! Я заспешил к машине. Забравшись в нее, хлопнул дверцей, кинул на сиденье конверт, тронул, выехал на улицу Ленина и погнал, обходя автобусы и машины. Благо, пробок на сей раз не было, и к высокому крыльцу Че-банка я подрулил вовремя. И даже надо было еще минут пять выждать.

Я заглушил двигатель и с полминуты посидел, настраиваясь на переговоры, глядя сквозь ветровое стекло на ярко освещенную, выложенную серыми фигурными плитками людную пешеходную улицу, по бокам от которой тянулись уставленные машинами парковки у крылец высоченных зданий. Среди людей здесь было много молодых женщин, большей частью одетых в разноцветные летние платья; шли они где по одиночке, где по двое; нет-нет да и мелькала меж пальцев какой-нибудь из них дымящая сигарета. Я посмотрел на пустое крыльцо Че-банка и тут мой взгляд упал на большой тонкий конверт из коричневой почтовой бумаги, который лежал на сиденье и о котором я напрочь забыл, пока ехал сюда. Я засмеялся, вспомнив забавный вид Серегина, взял конверт и, зная точно, что *ничего там накопать невозможно*, разорвал его по краю и достал сшитые в углу степлером несколько страниц с какими-то крупно написанными от руки цифрами и словами, в основном сокращенными. Вверху на

первой странице было написано большими печатными буквами — «Отчет». Я не собирался читать его сейчас, я пребывал в хорошем, деловито-боевом, веселом расположении духа, и оно бы никак не изменилось, если бы...

Если бы не выпавшие из отчета одна за другой три фотографии. Они лежали на сиденье. И пока я поочередно брал их и рассматривал, расположение моего духа менялось от боевого и веселого до растерянного и смятенного. Отвращение, ужас, боль наполняли меня по мере того, как я видел свою жену Лилию, свою Синеглазку, сначала стоящей на улице у подъезда панельного дома, где она с ослепительной улыбкой прикасалась ладонью к лицу молодого, примерно ее возраста рыжеволосого парня, который, тоже улыбаясь, смотрел на нее сверху вниз; затем сидящей в машине: ее голова лежала на плече брюнетистого мужчины лет тридцати, пальцы обвивавших его рук сцеплены на другом плече; и, наконец, на третьей фотографии, сделанной явно из дома напротив, сверху, с помощью телеобъектива, в широкую щель между оконных штор какой-то комнаты, Лилия стояла в обнимку с человеком возрастом за сорок — я узнал его сразу — их было видно до пояса... нежно-матовое очертание груди, рука в изящном изгибе трогает волосы с проседью...

Стискивая зубы, я сунул обратно в конверт отчет и фотографии, думая: *«Пока оставлю, но никогда больше мой взгляд не коснется их»*, спрятал конверт под сиденье, взял с заднего сиденья картонную папочку и выбрался из машины. В голове стоял сумбур. Лом, как в дрянном преферансном прикупе. В ушах шумело: «Собраться... надо собраться...» Я шел, шатаясь, как в нокдауне. На крыльце чуть не свалился, но все-таки благополучно вошел в банк, достал из кармана пиджака паспорт, подал сидящему в стеклянном «скворечнике» охраннику в светло-синей рубашке, сказал, зачем пришел, слыша свой голос, будто издалека. Охранник сделал запись в журнале, я взял паспорт, машинально сунул в карман брюк и пошел дальше. Всё искажалось перед глазами, уродливо, как в кривом зеркале: стоящий у лестницы «омоновец» с автоматом, в бронежилете и стальном шлеме, зачехлённом камуфлированной шапочкой; мраморные ступени, трубчатые блестящие перила, бархатисто-чёрные ленты и яркие лоскуты причудливых рыб среди зеленых водорослей в освещенном электрическим светом аквариуме на лестничной площадке... На втором этаже меня нагнал Сердобников, заместитель директора городского департамента недвижимости (мы попросили его прийти на переговоры и поддержать нас). Пожав мне руку, он что-то говорил, я не разбирал. Секретарша

распахнула дверь. Президент Че-банка Вырезков сидел за своим столом в белой рубашке и синем галстуке, просматривал какие-то бумаги. Молодой человек, стриженный коротко, на пробор. Тоже выпускник нашего автодора, окончил лет на семь раньше нас. Подняв взгляд от бумаг, он заулыбался, встал, вышел из-за стола, радушно пожал нам руки и, указав на стулья за столом, стоявшим перпендикулярно к его столу, вернулся на свое место. Мы с Сердобниковым сели друг против друга. Вырезков положил перед собой кисти рук одну на другую и, принимая деловой вид и глядя на меня, сказал:

— Н-ну-с, Виктор Иванович, я готов внимательно выслушать вас.

Его я тоже видел искаженным и как бы сквозь полупрозрачный туман. «*Надо работать четко*». Я напрягся, собираясь с мыслями, но получалось это у меня плохо. Развязав тесемки папочки, вынул и развернул чертежи, сверху положил цветной рисунок «совушки». И стал излагать то, что давно уже знали и Вырезков, и Сердобников. Всю эту туфту, в сущности, пустую игру, надо было провести на полном серьезе. Главное, чтоб Вырезков дал кредит.

Кажется, голос не подвел меня, ни разу не дрогнул. Мне удалось сказать всё кратко и внятно.

— М-да... — после некоторого молчания проговорил Вырезков, глядя на лежащие передо мной бумаги. — Всё это, конечно, хорошо... Да... Я понимаю, вы продвигаете нужную идею, н-но... видите ли, в чём дело... Мне-е... как бы это поточней выразиться... — В тумане на его нахмуренном лице я различил нечто вроде напряжённого глубокомыслия. Он потирал пальцами подбородок, на запястье в солнечном свете из окна расплывчато сверкали драгоценные камни увесистых золотых часов, а под ними — рубиновая запонка на манжете. — В таких делах мне всегда важно быть стопроцентно уверенным, что деньги пойдут по назначению, именно на строительство этого объекта. Но где же гарантии? — Он уставился на меня в упор.

И это была туфта. Плевать ему, куда пойдут деньги. Для него главное, чтоб кредит вернули вовремя и чтоб навару с него было как можно больше.

— Мы можем написать гарантийное письмо, — медленно говорил я. — Хотя гарантии, и весьма надежные, я полагаю, состоят в том, что нам прежде всего самим необходимо новое здание в центральной части города. Это единственная для нас возможность двигаться вперед. На старом месте мы попросту задыхаемся...

— А как же насчет покупки новых объектов? — спросил Вырезков с иронией. — Насколько мне известно, ваш Фрол Сергеевич не далее как три месяца назад приобрел автостоянку на Скворцовской. А немногим раньше — магазин автозапчастей в четвертом микрорайоне. Я ничего не путаю, Валентин Валентинович? — повернулся он к Сердобникову. — Вопрос к вам как к человеку компетентному в сфере недвижимости. А?

— Есть такие факты, — ответил Сердобников. Солнце из окна за его спиной освещало его мелко вьющуюся шевелюру так, что казалось, будто она горит. — Есть.

— Вот! — поднял палец Вырезков.

— Видите ли, — принялся объяснять я (мы предвидели эту придирку). — На самом деле эти покупки обошлись нам в сущие пустяки. Фрол Сергеевич потому и взял их, что владельцы отдавали дешево. И купили мы их исключительно на средства из своей прибыли.

— Но почему бы вам было не вложить эти средства в строительство вашего объекта?

— Такие гроши нас не определяют.

— Но что-то же вы могли взять?

— Не могли. Представьте, если бы мы время от времени брали по машине кирпича, и всякий раз нанимали строительную бригаду... Вы разве не подняли бы нас на смех?

— Хм... — повел головой Вырезков. — Резонно.

— Я думаю, Фрол Сергеевич ведет себя сообразно ситуации... — заговорил Сердобников, но Вырезков перебил:

— Да я ничего против него не имею! И даже наоборот, одобряю. Фрол молодец, умеет работать в рынке. Но дело в другом. Меня беспокоит, не останется ли город в накладе...

— Никто не останется в накладе, — сказал я раздельно, целя взглядом сквозь туман прямо в глаза на дрожавшем, словно оно отражалось в колеблемой волнами воде, лице Вырезкова и выдерживая паузу. — Ни-кто.

Переведя взгляд на Сердобникова и повторив «Никто», я выдержал еще одну паузу. И продолжал:

— Тем более, город. Город получит объект, который украсит его. Кредит, отвечаю, пойдет только на «совушку».

— Как-как? — оживился Вырезков. — Совушка? А ну-ка... — Он протянул руку, взял лежавший передо мной рисунок и стал разглядывать. — Смотри-ка, а точно похоже... Когда сова летит, если смотреть на нее спереди и чуть снизу... Оригинально!

Как ни тяжело мне было, но я почувствовал, что ему понравился наш проект, и выдал «домашнюю заготовку»:

— В крайнем случае, мы можем внести в договор дополнительный пункт.

— Да? — удивился Вырезков. — Какой же?

— В случае нецелевого использования кредита вы будете вправе изъять из нашего оборота всю выданную вами сумму.

— О-о! — Вырезков вскинул руки, хлопнул ими по столу и рассмеялся. — Слыхали, Валентин Валентинович? — повернулся он в Сердобникову. Тот посмеивался. — Могли бы вы поручиться за таких людей?

— Без всяких опасений!

— Н-ну, ладно... Что мне нравится в наших предпринимателях, так это их серьезный подход к делу. Да. Изъять, значит? — улыбаясь, говорил Вырезков. — Что ж, учту... Может быть, даже возьму на вооружение такую меру. Не для вас, конечно, а для нерадивых заёмщиков... Кстати, это можно сделать и без всяких дополнительных пунктов в договоре... — Он нажал на кнопку селектора. — Вика! Пригласи, пожалуйста, Анну из кредитного. И сделай нам чаю.

Когда вошла Анна, Вырезков сказал ей:

— Садись. Давай-ка оформим договор... Когда закончить думаете? — спросил он, всё любуясь рисунком «совушки».

— К январю, — сказал я. — А может, и раньше.

— Ну, попутного ветра. Вот, Анна, это наш заёмщик, — с улыбкой говорил Вырезков, указывая на меня. — А это, — кивнул он на Сердобникова, — его поручитель. Шучу! Валентин Валентинович ходатайствовал за этих ребят и, как выясняется, с успехом. Повезло, считайте... Можно сказать, без залога.... Но вы знаете, что процентная ставка у нас повысилась? — спросил он, посерьезнев.

— Знаю, — мгновенно ответил я, хотя понятия об этом не имел.

А когда взглянул в составленный Анной договор, то увидел там вместо двенадцати процентов четырнадцать. «Ладно, — подумал я. — Выдержим и это». Фрол неспроста купил автостоянку (покупка магазина была лишь прикрытием: чтоб думали, будто мы просто берем самое дешевое, что подворачивается). Где-то Фрол прознал, что одна крупная торговая фирма интересуется теми местами, а это значило одно: они собираются начать там стройку. Стало быть, в скором времени за тот участок можно будет взять во много раз дороже. И нам будет чем рассчитаться за кредит.

— Знаете, почему наш банк так называется? — прилебывая чай, говорил Вырезков. — Потому что в бренд «Че-банк» целиком входит название нашей чудной сибирской рыбки — чебак! Я ведь страстный рыболов... Куда же вы, Виктор Ива-

нович! — воскликнул он, увидев, что я встаю. — Чаю-то попейте! Если хотите, можно чего и покрепче. Вам явно не повредит: вид у вас, я смотрю, что-то не очень бодрый.

— Нет, спасибо, — сказал я, укладывая в папку бумаги и наш экземпляр подписанного договора. — Много дел.

Я пожал руки Вырезкову и Сердобникову и вышел. Спускаясь по лестнице, достал сотовый телефон, позвонил Фролу и сказал о результате. Он кричал: «Ура-а-а!.. Победа!.. Ну и ничего, что четырнадцать! Главное — есть!». Уже в машине я сказал:

— Фрол, мне надо в отгул... на несколько дней...

— Что-то случилось? — насторожился он. — Голос у тебя какой-то...

— Мне надо...

— Витя, но... сейчас... На несколько дней!.. Как же...

— Я ведь всё сделал, Фрол!

— Не всё.

Ах, да. Завтра надо позвонить Вырезкову и назначить ему встречу на послезавтра в обычном для этих дел месте, ресторане «Сибирские зори», и там за шикарным обедом передать ему пакет с «зеленью», которая потом в определенных долях разойдется среди всех, кто принял в нас участие.

— Фрол, ну сам определись с откатом! — сказал я резко. — Это же так просто!

Он чуть помолчал и спросил:

— Конкретно, сколько дней тебе надо?

— Не знаю... Дней пять... Ну, может, неделю.

— Кхм... Ладно... — Послышался его протяжный вздох. — Отгуливай. — И он отключился.

Таким образом я был избавлен от самого неприятного для меня в этом деле.

Но от главной неприятности, увы, избавлен не был. Я достал из-под сиденья конверт из коричневой почтовой бумаги, повертел в руках. Мелькнули в глазах снимки... Забыть!.. В ушах, вырываясь откуда-то из глубин памяти, высоко и переливчато запели струны соло-гитары, а следом взлетел пронзительный вопль, переходящий в мелодичное голосовое звучание, красиво выводящее: «Дре-ейв... дре-ейв...» Всё виделось: изгиб руки, трогаящей волосы с проседью... «Да, да, конечно, он... Лесопоставки...» Похоже, этот снимок сделан для большей убедительности (ведь объятия в машине или на улице могут быть и просто дружескими). Для этого, наверное, и понадобились дополнительные усилия. «Напрасные усилия, я б и так поверил». И тут же — высвеченное памятью: на банкете по случаю юбилея председателя президиума ре-

гионального Союза предпринимателей Шпитаева. Она в исключительно идущем ей платье — последняя модель от француза, перед именем которого благоговеют все женщины мира. Он галантен, красив, танцует с ней, говоря, видимо, что-то остроумное, во всяком случае, она то и дело прыскает, клонясь к его плечу... Но он уже давно перебрался в Москву. *«Значит, приезжал... Хороший знакомый, называется... Двух других не знаю...»* Вдруг я почувствовал, что не могу вести машину. Нет, точнее будет сказать — почувствовал, что *«сейчас не надо мне ее вести»*.

Я свернул конверт трубочкой, сунул его во внутренний карман пиджака, кинул свою картонную папочку на заднее сиденье и выбрался из машины. Посмотрел вокруг сквозь не вполне еще рассеявшийся туман. Жизнь бурлила в сухом и жарком солнечном пекле. То и дело простукивали мимо каблучки. Солнце посверкивало на пластмассовых кольцах в волосах, поблескивало в качающихся сережках, искрило в глазах и на губах в блестящей помаде. Очаровательные смеющиеся лица, как назло, попадают и попадают на глаза, но тут же, подернутые дымкой, сменяются одним и только одним лицом...

На той стороне пешеходной улицы, среди машин, припаркованных к громадному зданию информационного центра службы занятости, стояли двое постовых. Я направился к ним. Оба молоды, в новеньких формах, с черными резиновыми дубинками на боках.

— Здравствуйте, — сказал я, приблизившись. — Выручите, пожалуйста. Не могу вести машину.

— Пьяный, что ли? — спросил один из них, насупленный, со льдыстым взглядом из-под сдвинутых бровей.

— Нет, просто беда у меня, неожиданная... Отгоните, пожалуйста, мою машину. Плачу две тысячи рублей.

Они смотрели на меня молча. Я достал свое фирменное удостоверение и протянул. Его взял второй милиционер, светленький, с белым, как напудренным, лицом в редких мелких прыщах. Открыл, посмотрел.

— А-а, «Кардан». Знаю, обслуживался у вас. Туда, что ли, отогнать?

— Туда. — Я достал сотик и позвонил менеджеру. — Светлана! Там есть кто поблизости?.. Ну, дай его... Вася! — сказал я нашему специалисту по установке сигнализации. — Сейчас на моей машине приедут двое постовых...

— Зачем двое? — возразил светленький. — Здесь должен кто-то остаться. Я один отгону.

— Один, один! Ты отвези его обратно, куда скажет. Учту это в зарплату. А машину поставь потом в бокс. Да, там на

заднем сиденье папочка, передай ее, пожалуйста, Фролу... Ага... Ну, давай, счастливо. — Я положил телефон в карман, достал бумажник, вынул две тысячные купюры, отдал продавцу и показал: — Вон тот «жигуль», белая «семерка».

И побрел в сторону центра города. В ушах растекались звуки элетрогитарных струн, в груди противно гуляла боль. *«Главное, не думать, не думать, не думать, пусть не будет мыслей, а только одно это полустертное звучание»*. Выйдя на улицу Ленина, я спустился к магазинам внизу длиннющего трехэтажного дома дореволюционной постройки и зашел в один из этих магазинов, в «Меломан». Уйма дисков цветасто пестрела на полках и стеллажах. За своим прилавочком одиноко стоял продавец, тощий паренек со смешным чубчиком в виде подковки из белых волосиков надо лбом. Я подошел к нему и сказал:

— Мне нужна одна песня, зарубежная... Какой-то рок-группы... Но я не помню, какой.

— Напеть можете?

— Нет, я не пою. Но там есть такие... вопли... душераздирающие... И слово повторяется — «дрейв»...

— Сейчас я попробую, — сказал паренек, достал из нагрудного кармана рубашки красный телефончик, понажимал кнопки и поднес его к уху.

— Сэм, тут песню просят... Короче... — Он передал мои объяснения и стал слушать. — Как-как?.. Сенсаясиз... лавин ю?.. Чья она?.. А-а, понял... Всяческое спасибо!

Он вышел из-за прилавка, сходил к стеллажам, вернулся с плоским футлярчиком в руке, открыл его, достал диск и поставил в стоявший здесь же музыкальный центр. Зазвучала та самая музыка.

Расплатившись, я взял диск и пошел из магазина.

— Это «Лед Зеппелин», — сказал мне вслед паренек.

Я обернулся и, различая на месте его лица лишь смутное белое пятнышко, поблагодарил кивком.

5

Хотя мне было без разницы, кто исполнял эту песню. Мне нужны были только ее вопли, потому что исходили они как бы из души страдающей, и я надеялся, что они каким-нибудь там, может, гомеопатическим образом помогут вернуть мне нормальное состояние. Когда я учился в одиннадцатом классе, у одного моего дружка всё не ладилось с подругами, то с одной, то с другой, и он всякий раз звал меня к себе, плакался и ставил эту песню. Он говорил, что это история об одном парне, который страстно полюбил девушку, а она оказалась проституткой...

Выйдя из «Меломана», я зашел в расположенный рядом супермаркет, купил две бутылки не самого дорогого, но, как мне поклялся дежурный по залу, хорошего коньяка, лимон, бананов, карбоната, пельменей, чего-то еще и с тяжелым пакетом вышел на улицу. Дойдя до перекрестка, тормознул первую попавшуюся машину, влез в нее и где-то через полчаса пыльной тряски по переулкам (пути спасения таксующих водил от пробок) был дома.

Когда я вошел в комнату, трельяж на столике с её косметикой качнулся, я подался было к нему, но в следующее мгновение осел на стул, опуская на пол пакет. Какие-то черные сгустки возникали из ничего и проплывали по комнате, исчезая в никуда. Я чувствовал себя слабым, и на меня наваливалась неимоверная тяжесть. Словно всё самое тяжелое, через что пришлось пройти за десять лет с тех пор, как я уехал из дома, материализовалось и давило разом. Я не представлял, как жить дальше...

Мне вспомнилось напутствие отца, которое он мне давал, когда я уезжал в этот огромный город из своего маленького, за четыре сотни километров отсюда. Отец говорил: «Гиблое нынче время, так что ты главное — будь осторожен. Лучше б тебе не ездить...» Отговаривала и мать, даже плакала. Понять можно: я был у них один. Но меня тянуло учиться. В нашем городке нет вузов, кроме филиала пединститута; я же хотел в автодорожный, страсть к этому делу передалась мне от отца, он всю жизнь проработал шофером, была у него и своя машина, «Москвич», поэтому я с малых лет хорошо разбирался в технике, а когда учился в старших классах, так и вообще мог уже любую легковушку разобрать и собрать с закрытыми глазами. Конечно, я поехал учиться в самое трудное время, когда родители не могли мне помочь. Автохозяйство, где работал отец, разваливалось, он попал под сокращение, и вынужден был зарабатывать частным извозом, а матери, медсестре поликлиники, чуть ли не на год задерживали ее крохотную зарплату, еще и усыхающую месяц от месяца из-за инфляции. Провожая меня, уже в вагоне, когда мать пошла на выход, отец быстро сунул мне в руку пачечку купюр и шепнул: «Заначка. Для тебя берег». Я ответил: «Спасибо, батя. Я верну, обязательно». На время вступительных экзаменов и месяца полтора учебы денег хватило (стипендию мне дали, но что это была за стипендия! — ее хватало на три-четыре дня, не больше), а потом я устроился на первую подвернувшуюся работу, вышибалой в ночном баре, физика позволяла: в школе я занимался и тяжелой атлетикой, и греко-римской борьбой, и боксом, и карате... Трудно было пос-

ле бессонных ночей сидеть на лекциях, но постепенно я приспособился урывать в баре по два-три часа для сна. Платили неплохо, я даже посылал деньги родителям (в письмах писал, что прирабатываю чертежником). В начале второго курса пришлось эту работу бросить — после одного слегка поврежденного мною позвончика, одной выставленной мною же руки и одного опасного ножевого ранения в мое плечо. Я решил, что впредь буду устраиваться на работу, связанную только с автомобильной техникой, и вплоть до того момента, когда меня позвал к себе Фрол, работал в автомастерских, на автомойках, заправках, шиномонтажах, везде, где только можно было договориться на ночное время. Я помнил слова отца, и старался быть осторожным, старался оберегаться.

Но в самом главном, получается, не оберегся.

Взгляд мой зацепился за *ее* фотографию в верхнем углу трельяжа. Всё то же прелестное лицо, глаза лучатся теплом, тёмные пряди прикрывают скулы, на губах мягкая улыбка. И тут же — мгновенный промельк *тех* фотографий, запредельно возрастающая тяжесть, противное сжатие в груди... Я вскочил со стула, шагнул к трельяжу, вынул из-под его верхней скобы фотографию, спрятал в ящик столика, поднял с пола пакет, унес на кухню, там быстро всё выложил, покромсал ножом на тарелке лимон, нарезал колбасы, сыру, карбоната, хлеба, разложил по тарелкам, в два захода унес в комнату, вернулся на кухню, отыскал в буфете граненый стакан и через несколько секунд сидел в комнате за столом, наливая коньяк и кривясь в усмешке. *«Проиграл бы его, если б Серегин согласился на пари»*. Медленно процедил в себя полстакана, закусил лимоном, морщась от неприятного вкуса и пробирающей до печенок кислотности. Когда в груди стало горячить, а тяжесть уменьшаться, как если бы из взваленного на спину дырявого мешка по дороге частями выпадал груз, я поставил в магнитоле купленный в «Меломане» диск и под звуки электрогитарных струн позволил себе думать о самом плохом, что только могло когда-либо со мной случиться. Теперь можно было. Теперь даже нужно было. Теперь, я чувствовал, надо было выкричаться, без крика, мысленно, а еще лучше в голос, с мощным и яростным выталкиванием из себя дренажа, впервые в жизни вторгнувшегося в душу. И я выкрикивался, открывая дверь балкона, а потом разоблачаясь, стаскивая с себя пиджак и бросая его на кровать, ослабляя и снимая ошейник чёрного, для деловых встреч, галстука и бросая его на пиджак, скидывая нога об ногу туфли; и со стянутой штаниной, когда вторая еще облегала ногу, снова наливал в стакан коньяк и глотал — малая порция вдогонку

под пока еще нежно-мелодичную исповедь рок-страдальца. Жар в груди рос, начиная накалять и мою исповедь — не исповедь, а может, просто бред, произносимый частью мысленно, частью вслух, я не различал, как не различал того, чем зажевываю коньяк, сидя уже в трусах и майке на кровати, на смятом пиджаке, в котором при моем потяге к столу за новой дозой коньяка что-то прошуршало, и я вспомнил и вытащил из него сплюсненную трубку конверта из почтовой бумаги, бросил его на косметический столик, где он, упокоившись среди флакончиков, выпялил жерло в своего двойника меж двойников-флакончиков в зеркале. *«Хорошая плюха мне прилетела, нечего сказать, если б не случай, так ничего бы и не знал, а лучше, может, и не знать, нет, лучше знать, какой бы не была, а правда, вон что, однако, может скрываться-то за внешним благополучием, жуть, а я-то думал, тылы мои крепки, никогда не сомневался в ее порядочно-преданнообразности, как только могла, мне и в голову не пришло бы, знаю, могут сказать, даже кой-кто из знакомых, насмехаясь, ты, парень, отстал по нынешним временам, это ничего не значит, во всяком случае никак не может влиять на общий ход жизни, а я так не хочу, пусть в свои двадцать семь рассуждаю, как те, кому столько было в середине прошлого века, но для меня нет ничего важнее того ощущения полной незамутненности, что давало спокойствие, уверенность, крепость, а теперь ничего этого нет, и главное, вернуть, вернуть равновесие, вернуть себя самого самому себе, а как вернуть, всё ломается, рушится, все мечты о теремочной идиллии, так жалко, жалко, жалко»*. Я думал и думал, вернее, пьяно бредил под сумасшедшую музыку, под эту смесь воя электрострун, барабанной дробы и пронзительных надрывных воплей, время от времени глотая все-таки гадкого, гадкого вкуса напитков и зажевывая первым, что попадало под руку, а когда песня заканчивалась, ставил ее сначала, и думал, и говорил с жалостью к себе: *«Чёрт, лучше б с той беленькой бойкой познакомился, она бы наверняка была верна»* — с жалостью к другим, жалостью ко всем, даже к ней, чувствуя, что одна только Жалость и может спасти, вытащить, размягчить и оживить то, что мёртвым комом засело в груди. И оказался прав: переполняя меня, она хлынула наружу, моя жалость, вместе с обильно потекшими слезами, расплавляя и вымывая из нутра весь засор, принося не просто облегчение, а даже сладостное какое-то облегчение. Выпив последнюю дозу и уже проваливаясь в жаркий и мягкий, как перина, мрак, я чувствовал: *«Ну, теперь-то нормально, теперь не давит...»*

Когда я проснулся, на душе у меня было почти легко. Сразу всё вспомнилось и на мгновение что-то противно ворохнулось внутри, но ни та тяжесть, ни та боль, тем не менее, не вернулись. Чуть-чуть мутило, но голова тоже не болела. Значит, не обманул дежурный по залу: хороший коньяк. Я лежал на полу, на разметанном по паласу одеяле. В открытую балконную дверь сквозь ивовые ветви сочился оранжевый расцвет. Комарья, конечно, налетело изрядно, я весь был искусан. Вскочив на ноги, почесываясь, вышел на балкон, вдохнул прохладный воздух, не загаженный пока ни выхлопными газами, ни выбросами сажевого завода. Прислушался к себе. Да, нормально. Дрянь ушла из нутра, там было чисто, и ощущение силы вернулось. Единственное, что слегка донимало — стыд за вчерашние слёзы, но... плевать! — никто их не видел, а главное *«не мне тут надо стыдиться»*. От высохших слёз кожу на лице стягивало. Я пошел в ванную, умылся и вернулся в комнату. Двух бутылок коньяка я, конечно, не осилил, не осилил и одной, в ней оставалось еще граммов пятьдесят, аккуратно, чтобы добавить в кофе. В чистом виде коньяк, я знал, теперь до-олго не употреблю. Мне хотелось есть. Я взял недопитую бутылку, пошел на кухню, достал из морозилки купленные вчера пельмени и стал их варить. Лучшие взял, кормодубовские. Смотри-ка, выбирать еще мог! У нас на Новосёлровке таких уже нет, есть только те, что лепят в нашем городе и в других городах, множество видов, и все плохие. А эти — блеск пельмешки, от наших сельских производителей из Кормодубовки, задушенных конкуренцией. Из остатков, значит, достались.

Самому было удивительно, что так всерьез, как о чем-то важном, думается о пельменях. А о жене и не думалось, а если и думалось, то как о чем-то второстепенном, постороннем, чужом. Расстанусь с ней, однозначно. Хорошо, что нет у нас детей. *«А было ли у меня вообще к ней что-нибудь настоящее?»* В общем, чувствовал я себя довольно-таки спокойно. Что ж, значит, где-то и правильно говорят о нас, новоявленных русских предпринимателях, что, дескать, «они придут с холодком в глаза». Корреспондентка одного автожурнала, готовившая статью о нашем «Кардане», напрямую задала мне вопрос об этом, и я ответил: «Главное, чтобы не было холодка на сердце». И процитировал слова Петра Первого о том, что «приумножая свое богатство, мы приумножаем богатство страны», а уж тут-то, добавил я, коль речь идет об общем благе, то какой бы холодок в твоих глазах ни проглядывал, за дело надо болеть сердцем. И ведь верил и верю в эти свои

слова! Но спроси я себя: болел ли когда-либо за дело сердцем? — определенного ответа не смог бы дать. Всё как-то больше мозги напрягались, рациональное зерно брало верх. Так же, как и сейчас. Да и правильно. И хорошо, что так! Не пристало предпринимателю впадать в чувствительность, а лучше нам, как сказал персонаж одной книги, которую я читал еще в школе, пораскинуть мозгами да добиться чего-нибудь в жизни.

Вот я и начал раскидывать мозгами, но не о том, чего бы добиться, а о том, как же это я мог так опростоволоситься? Ведь за все четыре года, что прожили, ни разу ни в чем не заподозрил ее! Я думал и думал, отрезая от светло-желтого бруска кус сливочного масла, и он падал в тарелку, полную испускающих парок пельменей; посыпал их черным перцем, сдабривал густым темно-красным кетчупом из граненой стеклянной бутылочки и поедал медленно, с толком и всё думал, думал. Потом пил кофе с коньяком, от которого настроение поднялось до весёлого, и думалось теперь легко и даже с интересом, и постепенно, постепенно пришел к выводу, что совершенно не знаю своей жены. Не знаю, потому что никогда не вглядывался в нее, не оценивал, не задумывался о том, какая она на самом деле. А задуматься было о чём. На память пришел случай, который, пожалуй, и должен был вспомниться прежде всего.

У нас тогда еще не было места под «совушку», был только проект, его по нашему заказу сделала одна студентка архитектурного факультета строительного института, ее звали Тася. Мы хорошо заплатили ей, не зная еще, что если б даже заплатили в сто раз больше, нисколько не прогадали бы: эта худенькая девчушка с прямыми черными волосами и смоляно блестящими сквозь кругленькие очёчки глазами оказалась на редкость талантливой, но тогда об этом никто еще не знал (только спустя два года, уже окончив институт, Тася прогремела своими проектами на весь архитектурный мир). Она была очень довольна суммой, что мы заплатили ей, и даже пригласила нас на свой день рождения в общежитие. Но речь пока не об этом. Месяца три спустя, уже вдоволь намотавшись по городу в поисках места для нового здания «Кардана» (приглянувшиеся нам площадки то были заняты, то по разным причинам, как ни обивали мы пороги чиновничьих кабинетов, получить их не удавалось), мы сидели у себя в вагончике, где уже больше полутора лет не было кульманов (зато стоял компьютер и почти всегда включенный телевизор), и отдыхали за пулькой под сухое вино.

Мне как раз пришел неловленный мизер, когда Слава, взглянув поверх карточного веера в окно вагончика, сказал:
— Какой-то «джип» подъехал.

Через секунду за моей спиной с грохотом открылась дверь, и тут же что-то врзалось мне в горло и сдавило так, что в глазах потемнело. Я попытался вырваться, двинув ногой стол; упала бутылка, вино полилось мне на брюки, я рванулся, но удавка затянулась сильнее. Мне заклеивали рот скотчем, заламывали назад руки. Я успел увидеть, как заклеивают рты Фролу и Славе, как на их головы натягивают черные шапочки. А потом всё застила тьма, кто-то обыскивал меня, а потом вытаскивал из вагончика, впихивал в машину и заталкивал вниз, под сиденье. Я ворочался, задыхаясь и пытаюсь разорвать стягивающую руки липкую ленту. Мне наступали на затылок и с силой прижимали к полу лицом. Надо мной о чем-то переговаривались, но тихо, из-за шума двигателя я не мог ничего расслышать. Ехали довольно долго. Потом меня вытаскивали из машины и вели на какое-то крыльцо, я поднимался по его ступеням, меня вталкивали в дверь и вели дальше — по скрипучему полу, по ступенькам вниз... Сзади кто-то смеялся и что-то бубнил, а когда меня остановили и сдернули с головы шапочку, я начал различать в этом бубнеже слова, произносимые с подлаивающим заиканием и тонкими смешочками:

— Ребятишки, мы ничего плохого не сделаем вам! Если вы, конечно, правильно нас поймете!

Свет электрической лампочки резал глаза, но пока мне отдирали ото рта скотч, а потом со скрипом разматывали скотч с рук, я притерпелся к нему и разглядел сначала молоденького невысокого крепыша, снимавшего черную шапочку с головы Славы, потом увидел парня с длинными серыми патлами, он отлеплял скотч ото рта Фрола. Потирая запястья уже свободных рук, я оглянулся и увидел всё бубнившего заику, это был высокий лысый малый возрастом явно старше всех, где-то за тридцать. Все мы стояли близко друг к другу.

— Считайте, что вы на временном отдыхе! В отпуске! — говорил лысый, заикаясь и похохатывая. — У нас вам будет хорошо!

Я взглянул в его глаза, блестевшие каким-то ненормальным блеском, обернулся к Славе с Фролом, и когда им развязали руки, снова повернулся к лысому, спрашивая:

— А в чем дело-то?

Ответить он не успел, потому что я, резко развернувшись на сто восемьдесят градусов, всадил ему острие левого локтя в солнечное сплетение. И тут же, почти одновременно, уда-

рил справа в челюсть патлатого. Тот упал. Крепышу я врезал ногой в пах, и он, согнувшись, повалился на патлатого.

— Вперед! — крикнул я Фролу со Славой, повернулся к двери, перепрыгнул через лысого, пытавшегося подняться, и пинком распахнул дверь. Там, у стола, метрах в пяти стоял детина где-то на полголовы выше меня. Я рванулся было к нему, хотел свалить его ударом ноги в голову на скачке, но путь мне легко, как тень, заступил невысокий, одетый в белый плащ интеллигентного вида очкарик, лысеющий, бело-брысый, с большим трапецевидным лбом. В руке у него был пистолет. Он целил мне в грудь. Я встал как вкопанный.

— Руки поднял, — сказал он тихо, без угрозы, вроде как советуя. — Быс-тро. И вы тоже, — добавил он выскочившим следом за мной и вставшим по бокам от меня Славой с Фролом.

Пока мы поднимали руки, открылась другая дверь, и вошли двое молодых дюжих парней. Тут что-то обрушилось на меня сзади, и всё исчезло.

Очнулся я на полу. В носу щекотало. Я чихнул и застонал от боли в затылке. Приподнялся, с трудом сел. Всё вокруг было устелено газетами. От бумажной пыли и щекотало в носу. Я еще раз чихнул. Болела спина, поясница, бедро... Видать, пинали.

— Слышь ты, борзолёт! — приблизилась ко мне сверху рожа лысого с дрожащими от злобы губами. Глаза его блестели еще сильнее, а заикание как будто наоборот поуменилось. — Еще раз кинешься, поломаю, как печенье!

И он шлепнул меня по щеке, несильно, как шлепают ребенка, когда хотят предупредить о грозящей порке.

— Ладно, Ставень, отдыхай! — сказал ему белобрысый очкарик и наклонился ко мне: — Вставайте, Виктор Иванович.

Я оперся руками о стену и медленно, невозможная боль, встал. И увидел на полу у другой стены сидящих спинами друг к другу Славу и Фрола. Они были скреплены скотчем за плечи, руки их тоже были обмотаны скотчем.

— Видите, что вы наделали? — укоризненно говорил мне очкарик. — Из-за вас пришлось ограничить свободу ваших друзей. Но их не били, всё честно. Кто нас не бьет, того и мы не трогаем. Идите в ту дверь.

Я вышел в другую комнату. Там меня усадили на стул перед столом, за который сел очкарик. Остальные человек семь расселись вокруг.

— Виктор Иванович, — сказал очкарик, глядя на меня сквозь стекла какими-то мертвыми, почти такими же белевыми, как и волосы на его проплешьи, глазами. — Я надеюсь, вы понимаете, что оказались в довольно-таки щекот-

ливом и, я бы даже сказал, не самом безопасном как для вашего здоровья, так и... ну, будем говорить начистоту... для вашей жизни положений?

Я спросил:

— Что вы от нас хотите?

Он рассмеялся и вскрикнул:

— Вот это правильно! Деловой подход! Видали хватку? — Он быстро обвел взглядом своих, и те, вторя ему, дружно заржали, но как только он перестал смеяться, снова наступила тишина. — Нам надо... — Очкарик выдвинул ящик стола, достал школьную тетрадку и большую пеструю пластмассовую ручку в виде наборной финки, написал что-то и показал мне. На зеленой обложке тетрадки стояла сумма в долларах. — Я жду... Верней, мы все ждем вашего ответа. Очень бы хотелось, Виктор Иванович, чтобы наше сотрудничество было плодотворным.

Немного помолчав, я сказал:

— Уж больно одностороннее получается сотрудничество. Вот вы, например, называете меня по имени-отчеству. А мне-то вас как называть?

Он мгновенно ответил:

— Называйте Классным. Дело в том, что я педагог по профессии, историк. Был классным руководителем, пока не остался без работы. Хочу открыть свою гимназию. Как видите, у меня и преподавательский состав имеется. — Он кивнул на сидящих вокруг и засмеялся. И все заржали. — Правда, они в основном специализируются на уроках физкультуры и рукоделия... — Он продолжал смеяться, и все ржали вместе с ним и смолкли сразу, как только перестал смеяться он. — Ну, ничего. Часть из них будет работать у нас воспитателями. — Он коротко рассмеялся, и все хохотнули и тут же смолкли. — Но для этого нам необходимы средства. Иными словами — требуется спонсорская поддержка с вашей стороны. Так на чем же мы остановимся, Виктор Иванович?

Я сказал:

— Мы бы с удовольствием спонсировали ваш проект, господин Классный, потому как всегда стараемся поддерживать благие начинания. Но у нас, к сожалению, нет и никогда не было свободных средств в указанном вами размере.

Он встал, вышел из-за стола и подошел ко мне сзади:

— Вы думаете, мы не знаем, какой у вас капитал? Мы ведь не грабители, поймите нас правильно. Мы точно так же, как и вы, завязаны в этой рыночной системе, и тоже работаем. Просто способы получения доходов у нас разные. Для начала мы просим вас поделиться, а в дальнейшем и в самом деле

можно будет наладить постоянное сотрудничество, взаимовыгодное. Так как же?

Я сказал:

— Надо подумать.

Он потрепал меня по плечу:

— Для этого у вас будет достаточно времени. Мне и не нужен немедленный ответ!

Он вернулся к столу, сел и сказал, обращаясь ко всем:

— Я должен переговорить с нашим клиентом с глазу на глаз. Ничего, ничего, мы поладим! — вскинул он взгляд на кого-то за моей спиной и показательно сунул руку под плащ, из-под которого выглядывал лацкан коричневого пиджака, белая рубашка и коричневый галстук.

— Мы не можем рисковать, шеф! — сказал лысый заика Ставень. — Этот парень слишком крут, — и пока все вставали и выходили, он тщательно обматывал меня скотчем, прикрепляя к спинке стула, а потом этим же скотчем обматывал мне ноги в лодыжках.

Когда все вышли, Классный, клонясь ко мне через стол, тихо и быстро заговорил:

— Иди ко мне, дурак! Мне такие нужны! Тех двоих скинем... уберем, никто и не узнает... Будешь владеть всем один, под моей крышей...

Я перебил его, глядя на показавшуюся на его шее из-под воротника рубахи цветную наколку (то ли скорпион, то ли рак):

— Надо было и рот мне залепить.

— Зачем?

— Чтобы я не смог сказать тебе того, что скажу сейчас. Пош-шел ты...

Он откинулся на стуле назад, покраснел, покашлял в кулак:

— Ну, эта храбрость временная, Виктор Иванович, я обещаю...

Встал и вышел. И тут же вошло несколько человек, Ставень начал освобождать меня, разрезая ножом скотч и приговаривая с тем же подлаивающим заиканием и смешками:

— Будем считать, что вас посадили в «шизо». Знаешь, что это такое? Штрафной изолятор. Только нар для вас не будет даже и на ночь... Хи-хи-хи!.. День летный, день нелетный. Тоже не знаешь? Это значит: день кормят, день разгружаешься. На парашу потянет, стучитесь, выгуляем...

Освободив меня, он жестом показал на уже открытую дверь комнаты, в которой сидели связанные Фрол и Слава. Я вошел туда, и Ставень, прежде чем закрыть дверь, сказал:

— Ребятишек сам развяжи. Завтра — нелетный день!

И закрыл дверь на ключ.

— Ну и кто это? — спросил Фрол, когда я сдирал с них скотч. — Рэкет, что ли?

Слава сказал:

— А ты еще не понял?

Я молчал, думал: «Успею всё рассказать, обсудим, посоветуемся», но главное, думал: «Как она там будет? Придет, а меня нет... И завтра без меня... И сколько еще?... Изведется... Сволочи!»

Вдруг под потолком зашумело и сильно. Мы враз посмотрели туда, на серебристую гнутую трубу, выходящую из одной стены и ныряющую в прилепленный к другой стене куб из листового металла. Я загрохотал кулаками в дверь, только сейчас разглядев, что она железная. Скрежет ключа был слабо слышен в шуме. Дверь приоткрылась, и показавшийся в щели Ставень прокричал сквозь шум:

— Что, так быстро захотелось на горшок?

Я крикнул, указывая на трубу:

— Выключи!

Он ядовито скуксил свою угреватую, со впалыми щеками физиономию:

— За-че-е-ем?

Тут между ним и косяком просунулся патлатый и осклабился, крича:

— Это специально для вас! Вместо радио! Чтоб не скучали!

Между Ставнем и патлатым показалась мордашка крепыша, и он, глядя на меня, обиженно пробасил:

— Не надо бить ниже пояса...

Дверь закрылась. Мы остались втроем в этой конуре, где кроме шумящей трубы и газет на дощатом щелястом полу ничего не было.

Посовещавшись, мы решили сейчас же сказать Классному, что согласны отдать сколько он просит, а дальше определяться по ситуации. Классный сам открыл дверь на наш грохот, выслушал меня и ответил:

— Такое согласие не устраивает меня. Оно незрелое. Я же сказал, мне не нужен немедленный ответ. Я жду убежденного согласия. Безопасного для нас, если хотите, которое в самом себе содержало бы защиту наших интересов. Как, впрочем, и ваших. Так что предварительную работу нам все-таки придется провести. И сколько вам здесь быть — это уж моя забота, об этом не беспокойтесь.

Он закрыл дверь.

Теперь главным для нас было — не сойти с ума в этом беспрерывном давящем шуме. Мы скатывали из обрывков га-

зет тугие шарики, плотно затыкали уши, и это помогало. У нас всё забрали еще в вагончике, не оставили и часов, и мы вскоре потеряли счет времени, но когда проверяли свои карманы, оказалось, у Фрола в пиджаке остался двухцветный карандаш, заточенный с обеих сторон, один конец красный, другой синий. Это был уже почти огрызок, но Фрол почему-то берег его, и всегда только им подписывал заявления (о приеме на работу — синим цветом, об увольнении — красным). Слава тут же придумал, как его использовать: нарвал из белых краев газет прямоугольничков и нарисовал карты. Мы начали расписывать на газетных полях преферанс, и играли пулю за пулей, прерываясь только на сон. Когда открывалась дверь (нас время от времени проверяли), мы тут же прятали карты, а если успевали, то и вынимали бумажные шарики из ушей. Хотя они, наверное, и так ничего бы не заметили, во всяком случае, я ни разу не видел, чтобы Ставень или крепыш (заглядывали только они) внимательно к нам присматривались.

Когда принесли поесть, мы поняли, что сидим здесь третий день: первый — день «заезда», второй — «нелетный», а теперь вот — «летный». Еды нам дали вдоволь — овощная солянка, маринованные огурцы, вареная картошка, селедка, хлеб. Мы съели всё и попросили принести воды. Ставень сказал, засмеявшись как-то особенно заливисто и едко:

— В нашем шизо не полагается! Давай посуду!

Вот тогда-то и стало понятно, с помощью чего они хотят нас одолеть.

— Жандармский метод, — говорил Слава. — Читал я, как до революции в тюрьмах, чтобы заставить людей сдавать своих, кормили селедкой и не давали питья.

Жажда мучила всё сильнее, но и еще через день нам принесли только еду, причем уже и с деликатесами — красная рыба, икра, шампиньоны, что-то еще, всё соленое. Мы отказались есть, пока не принесут воды, но эти волки только потешались над нами:

— Голодовка?! Давай-давай, голодуй! Голодуй, но помни — голодному Федоту и маргарин в охоту!

Оставив нам всю эту снедь, они закрыли дверь. И мы ели без питья. Они исправно, по первой просьбе выводили нас «на парашу», но по пути к санузелу и обратно всякий раз приходилось идти мимо стола, уставленного полторашками с пивом, с минеральной и фруктовой водой, тетрапаками с соками. Двое-трое всегда сидели за этим столом и смаковали, кто сок, кто пиво, кто газировку. Это вызывало новый приступ жажды, доходившей до спазмов в сухом, как наждачная бумага, горле. Жажда превращалась в манию: стоило

мне закрыть глаза, и я видел чистый, прозрачный, искрящийся на солнце, медленно текущий ручей, в который хотелось окунуться с головой и пить, пить... От обезвоженности у меня начались боли в пояснице — видно, подкачивали почки, которм изрядно-таки досталось.

Но первым сдал Слава. Он изо всех сил крепился до последнего, играл с нами в карты, а в третий «лётный» день (то есть на седьмой день нашего плена), когда нам снова принесли разносолов и поставили к прежним (из которых мы все-таки кое-что съели), Слава, попытавшись встать с пола, вдруг сморщился и, закатывая глаза, стал заваливаться на спину; его золотистые волосы колыхнулись, голова стукнулась об пол. Я бросился к нему с криком:

— Воды! Принесите воды! Скорей!

Но те двое, что стояли в дверях, не пошевелились; спокойно, с веселым любопытством смотрели на нас.

— Ну, вы чё, не слышите?! — крикнул им Фрол. — Вы люди или кто?!

Ставень повернулся в ту комнату, что-то сказал, оттуда донеслись звуки поспешного движения: гремели стулья, распахивалась дверь... Через несколько минут в дверях появился Классный. Посмотрев на Славу, который так и лежал без сознания на полу, он вскинул руки как бы в панике:

— Всё! Кондишн! Пошло время «Ч»! Следуйте за мной!

Мы с Фролом вышли за ним, нас усадили на стулья, и Классный сказал:

— Теперь жизнь вашего товарища целиком зависит от вас! Каждая минута на счету! Этого момента я и ждал! И надеюсь на ваше благоразумие, а главное, на то, что вы для Вячеслава Юрьевича настоящие друзья! — Глядя в его как бы встревоженное лицо, можно было даже и поверить, что он не меньше нашего обеспокоен за жизнь Славы. — У вас единственный шанс: как можно быстрее, а лучше всего прямо сейчас, обналичить деньги, уложить в кейс и отдать нам. Всё очень просто. Мы вам со своей стороны даже некоторую помощь окажем... Действуйте ребята! Не подводите себя!

Я сказал:

— Отпусти Славку! Видишь, что с ним?! Меня оставь!

— Или меня! — сказал Фрол.

Классный какое-то время смотрел на нас с неприязненным удивлением, потом проговорил:

— Да-а, видимо, такой народ и в самом деле нельзя победить... Но-о... Останется, конечно, он!

В следующее мгновение мне на голову натянули чёрную шапочку, заломили назад руки и перетянули скотчем. Я слы-

шал треск скотча, когда перетягивали руки Фролу. Потом мы ехали, в этот раз не лёжа на полу машины, а сидя плечом к плечу. Ехали примерно столько же, сколько и от «Кардана» туда. Когда машина остановилась, меня вывели и затолкали в какую-то другую, тесную машину. Вот шапочка соскользнула с головы, в глаза ударил свет, кто-то разрезал скотч на моих руках. Проморгавшись, я увидел, что сижу за рулем машины; это был очень старый «Запорожец» — та самая «некоторая помощь». Рядом со мной сидел Фрол.

— Запомните! — осклабился Ставень в открытую переднюю дверцу. — Мы — очень добрые люди! — Он выдернул откуда-то снизу двухлитровую пластмассовую бутылку минеральной воды и кинул ее на заднее сиденье. — Вот вам связь! — Он достал из кармана и кинул туда же старый черный сотовый телефон. — Где-то через час ждите первого звонка! За это время можно мно-о-ого успеть! Не забывайте, ребяташки, своего друга Славика! — Всё это было сказано с лающим заиканием и завершилось громким сочным гоготом. С тем Ставень — в сопровождении патлатого — и удалился за поворот, откуда послышался звук взревевшего двигателя и умчавшейся машины.

— Специально там оставили, чтоб мы номер не видели, — с хрипом и сипеньем сухого горла говорил Фрол, хватая с сиденья бутылку и сворачивая пробку.

Минералка зашипела, сильно пенясь и разбрызгивая воду. Я думал, Фрол жадно присосется к ней, но он протянул ее мне:

— Пей. Только немного, глотка три-четыре. Сразу много нельзя, а то морду раздует. Да и внутренности развалятся, мне один знакомый боксер говорил, он вес гонял по девять-десять килограмм, вечно был высушен... Вес же — это в основном вода...

Я поднес дрожащими руками бутылку ко рту и сделал несколько осторожных глотков, чувствуя, как минералка коллет иссохшее горло углекислотой и впитывается мгновенно, как в промокашку. И отдал бутылку Фролу. Он глотнул два раза и, переждав судороги в горле, сказал:

— Хотя зачем нам номер их машины? В ментуру мы все равно обратиться не можем.

— Почему?

— Вот он, вечный-то кайф! — Он сделал еще глоток. И зажмурился. — Хорошо-о-о... Теперь я точно знаю, слаще всего на свете — вода! — Закрыв бутылку и бросил на заднее сиденье. — Где-нибудь через полчаса еще глотнем... Это... Видать, не сдохли мы только потому, что они жратву нам дава-

ли. В ней всё ж какая-никакая влага есть... — Он взял с заднего сиденья телефон и быстро простучал по клавишам. — Света! Э... Ну, спокойно, спокойно! Всё нормально, я жив-здоров!.. Что?... Ну, ладно ты... морги... Ну, случилось так, потом объясню! Давай без истерик!

Он отключился и протянул мне телефон:

— На, звони своей.

Я позвонил Лилии, коротко переговорил с ней и бросил телефон на заднее сиденье. А Фрол сказал:

— Ты... это... спрашиваешь, почему нельзя к ментам? Сдается мне, они об этом сразу узнают... Хотя... Нет, нет, давай-ка не будем рисковать... Так, ну всё? Как она там, твоя Лилия, нормально?

— Нормально, — буркнул я, отворачиваясь.

— Ну и отлично! Хотя какой там отлично... Ладно, вези к нам! И надо думать...

До «Кардана» от того места, куда нас пригнали, было недалеко.

Но не было уже нашего «Кардана». Он вновь превратился в пустое складское помещение, каковое мы приобрели у города. Я вёл «зюзик» вдоль боксов с распахнутыми, кое-где сорванными воротами, и мы видели, что ни машин, ни станков, ни даже лебедки там нет. Не было на месте и нашего вагончика, а шиномонтажка стояла пустая, зияя проемом без двери, и от штабелей шин, которые лежали возле нее раньше, не осталось ни одной.

— Да, потрудился учитель, — вздохнул Фрол, когда я остановил машину. — Сложно и сообразить, что теперь делать...

— Соображай, Фрол, соображай! — сказал я, зная, что только его мозги и его чутье могут нас спасти. — Там Славка!

— Я только и делал в той конуре, что соображал, искал варианты... И нич-чего... Что-то такое вроде мелькало, но... Та-ак...

Мы сидели в машине минут пятнадцать. Выпили еще по несколько глотков минералки. Я молча поглядывал на Фрола, ждал. Он сидел, глубоко задумавшись, по его лицу ползали слабые тени и блики от солнца, под бледной кожей на скулах перекатывались желваки, в глубоко посаженных глазах мерцал тусклый блеск.

— Ага... вот оно... — пробормотал он наконец. — Кажется, вспомнил... Если не ошибаюсь... — Он взял с заднего сиденья телефон, набрал номер и сказал: — Света! Найди-ка мою записную книжку в зеленой обложке! Быстрее! — И сказал мне: — Помнишь, на дне рождения у той девчушки, архитекторши Таси, была такая... Галя, по-моему...

— Не помню... Что за Галя?

— Славка с ней задружил.

— Славка?

— Вот видишь, ты даже и не знаешь. Ну и темнила же он, Славка! И я бы не знал, если б не увидел его с ней... случайно...

— При чем здесь она?

— Видишь ли, эта Галя... Если, конечно, я не путаю ее с какой-нибудь из тех, что еще там были... Она, по-моему, дочь какого-то чина. Хорошо бы, если так! Я пока больше реальных зацепок не нахожу... Если не выйдет, тогда уж, наверное, придется...

— Что?

— Придется бабки отдавать, — пожал плечами Фрол. — Сегодня же!.. Ну а для нас это, сам понимаешь... в общем-то крах... Да-да! — сказал он в телефон. — Нашла? Посмотри там на букву «Т» номер телефона Таси!.. Да... Знакомая... Успокойся, деловое знакомство, потом объясню! — Он открыл бардачок, в нем нашлась и бумага, и ручка. — Диктуй! — Он быстро сложил вчетверо лист бумаги и записал на нем номер студентки-архитекторши, которая спроектировала нам «совушку». Отключившись, тут же набрал его. — Тася! Это Фрол Соборов, из «Кардана»!.. Да... Скажи пожалуйста, как позвонить Гале, с которой дружит наш Слава... Очень, очень надо!.. Сотовый? Очень хорошо! Записываю, — зашуршал он карандашом по бумаге. — Ага... Спасибо... Тася, а скажите, кто у нее... это... отец, а?.. Ага, понял... Спасибо, спасибо огромное! — Фрол отключился. — Ну вот, всё правильно, большой чин! Главный архитектор города! — Он набрал номер. — Галя? Здравствуйте. Вас беспокоит друг и коллега Славы... Он... это... Куда пропал? Так вот я... э-э... Я и хочу сказать... Беда с ним... это... Жизнь под угрозой... О, долго... это... долго рассказывать, да и не телефонный... Нет времени... Ситуация тяжелая... Э... Галя, пожалуйста... Алло, алло!.. Вы слышите меня?.. Успокойтесь! Не время! Нужна помощь! Вы не могли бы поговорить со своим отцом? Мне кажется, он может помочь... Да, да... Ага... Жду!

Он отключил телефон, тяжело перевел дыхание, как всегда после телефонных разговоров, которые, как правило, давались ему с трудом, и сказал:

— Похоже, чуть в обморок не упала. Значит, серьезно у них... — Он потянулся к заднему сиденью за минералкой: — Ну, давай еще по паре глотков...

Минут через пять телефон завершал, и Фрол сказал:

— Да, слушаю!.. Ага... Записываю... Так... Кабинет триста восемь... Ждет? Хорошо!.. Не беспокойтесь, Галя, я сразу

же позвоню... — Он отключился и сказал: — Гони к департаменту строительства!

Гнать было непросто: «зюзик» еле шёл, в нём всё дребезжало и стучало. Когда мы добрались до департамента, уже не так много времени оставалось до первой связи с нашими «оппонентами». Охранник, конечно, сначала не пускал нас: оборванные, заросшие щетиной и грязные, документов нет...

— Мы не бомжи! — кричал я.

— Да, — кивал Фрол. — Нас ждёт Лунев Михаил Иванович, главный архитектор, позвоните ему...

Когда мы, наконец, очутились в кабинете Лунева и уселись на стулья, Фрол сказал мне:

— Ну, давай, теперь ты.

И я стал по порядку объяснять:

— Вашу дочь мы знаем через ее подругу Тасю, она сделала нам очень хороший проект нового здания нашего автосервисного центра...

И дальше быстро рассказал обо всех наших злоключениях. Лунев слушал внимательно, глядя на меня сквозь толстые стекла тяжелых роговых очков. Это был человек возрастом между пятьюдесятью и шестьюдесятью, с белыми густыми волосами и русой бородой с проседью. Когда я закончил, он опустил взгляд и, нахмуриваясь, сказал:

— Славу, конечно, надо вырывать...

— Может, нам в милицию обратиться? — сказал вдруг Фрол каким-то по-детски тонким, жалобным голосом.

Лунев поднял на него несколько удивленный взгляд, тут же едва заметно улыбнулся и, снова нахмуриваясь, сказал:

— Классный, говорите... Ставень... Угу... — и быстро вскинул взгляд на меня. — А что это за проект, который вам подготовила Тася?

— Могу показать, — сказал я. — У меня в ящике есть.

Лунев повернул ко мне плоский монитор компьютера и передвинул ко мне клавиатуру:

— Откройте свой ящик и перебросьте мне на стол.

Я это быстро сделал, он распечатал общий вид нашей «совушки» и некоторое время сидел, глядя на распечатку и бормоча:

— Ты смотри-ка... Что делает, а? Вот тебе и пигалица!

И тут же спохватился, нажал кнопку селектора. Вошла секретарша.

— Проводи ребят, пусть умоются, — сказал он ей. — И покорми их.

На наши вопросительные взгляды сказал:

— Идите. Я вас позову. — И взял сотовый телефон.

Когда мы шли по коридору к санузлу, я легонько взял Фрола за локоть:

— Не понимаю, чем нам может помочь архитектор? Не время ли время? Ведь Славка...

— Не суетись, — шепнул Фрол. — Я чувствую — всё нормально.

— А если те скоты сейчас позвонят? Минут пять остается!

— Пусть...

Но никто не звонил. Мы выпили по чашечке чая с бутербродами и печеньем, отказались выпить по второй, и сидели в ожидании минут двадцать, пока секретарша не пригласила нас вновь в кабинет Лунева.

— Поезжайте по этому адресу, — протянул он через стол лист бумаги. — Схему пути я для вас нарисовал. Фамилия, имя, отчество здесь есть. Он ждет вас. Машинёшка, на которой вы сюда приехали, уже подтянута и заново заправлена. — И с ободряющей улыбкой пожал нам по очереди руки. — Счастливо! Если что-то понадобится, всегда обращайтесь!

И снова мы ехали в «зюзике», ход которого стал заметно легче и быстрее, и уже не слышалось в нем ни дребезга, ни стука. И вскоре приехали в окраинный частный сектор, а там покатали среди деревянных домишек. Нужный нам дом оказался затерянным среди них двухэтажным белым особнячком с красной черепичной крышей. Он был обнесен выкрашенным в красный цвет железным забором, за ним высились деревья.

На звонок вышел массивный охранник в бордовом пиджаке и с телефоном в руке, который он держал так, как держат кинжал перед броском на врага.

— «Кардан»? — настороженно разглядывая нас, спросил он.

Мы враз кивнули, и он повел нас в дом через двор в цветущих клумбах. Вслед за ним мы поднимались на второй этаж по крутой лестнице, и мимо нас плыла развешанная на стенах экспозиция самой настоящей картинной галереи. Я в этом не специалист, но мне было понятно, что это подлинная, редкостная и, как видно, очень дорогая живопись. Одна картина с громадными старинными домами на многолюдной набережной и большими парусными кораблями на гладкой, отражающей набережную воде, была явно той же ценности, что и те, которые я видел в нашем музее изобразительных искусств: кисти кого-то из знаменитых голландских художников семнадцатого, что ли, века. Охранник привел нас в настоящий рабочий кабинет, хотя его стены тоже были увешаны картинами. Здесь стоял новенький офисный стол с компьютером, офисная же мебель: несколько стульев, чёрный шкаф, тумбочка с телевизором.

За столом сидел пожилой коренастый человек в чёрном кожаном пиджаке. Большая голова, прямые седые волосы, крупные черты лица... Подняв на нас взгляд, он приподнялся, подал нам по очереди руку, оказавшуюся на удивление жесткой, и указал на стулья.

— Этот проект, — показал он листок с общим видом нашей «совушки» (его, конечно же, переслал по электронной почте Лунев), — как нельзя лучше подходит для места, которому давно-о уже не находится достойного применения... — Говорил он негромко, но в голосе его чувствовалась недюжинная сила. — Вот, посмотрите, — пригласил он нас жестом к столу и стал объяснять, показывая на карте города, расстеленной перед ним.

— Здесь развязка четырех дорог, здесь медсанчасть. А вот это место — пустырь с остатками деревянных домов... Его необходимо занять, но так, чтоб и красиво было, и с пользой. Вас устраивает?

— Ну, еще бы! — воскликнул Фрол. — Это же, в общем-то, центр города!

— Да, — согласился я. — Лучше нам не найти.

— Давайте тогда вот как сделаем, — сказал Владимир Трофимович (так звали этого человека). — Я помогу вам оформить долгосрочную аренду участка с последующим выкупом и финансирую нулевой цикл. Вообще говоря, я очень рассчитываю на вас, молодых! — Прищурившись, он продолжительно посмотрел сначала на Фрола, потом на меня. Взгляд у него был тяжелый, режущий, но мы выдержали его. — Всё остальное вы должны выполнить сами. Понимаете, что это будет нелегко? Вытянете?

— Вытянем! — уверенно сказал Фрол.

— Вытянем! — так же уверенно повторил я.

Он взял ручку, листок бумаги, написал что-то, протянул Фролу:

— Завтра с утра, к десяти, приезжайте по этому адресу. Кабинет там указан. — И опять подал нам руку: — Ну, успеха!

Мы пожали ему руку, и Фрол проронил:

— Так, а... это...

— У вас больше нет проблем, — тихо сказал Владимир Трофимович, глядя на карту. — Поезжайте к себе в «Кардан»...

Когда мы ехали в «зюзике», Фрол сказал:

— Слушай, мы же ему даже спасибо не сказали! Я и забыл совсем... Весь, как этот... затянутый был... Во характер у человека, а?! Ты узнал его?

— Сперва нет, — ответил я. — Потом узнал.

— Он же главным был у нас в городе! Пожалуй, не слабей самого Богатеева!

— Говорят, он и сейчас главный...

— Ага, с другой стороны, — засмеялся Фрол. — Ну поглядим сейчас, поглядим... Э-эх, как там Слава, вот что самое главное... А пить-то все-таки дико охота!

— Ой, жуть! — согласился я.

— Давай, глотнем еще?.. — Он потянулся за минералкой. — Помнишь, как этот, в кино, которого в песок зарыли, одна голова торчит... как он из чайника глотал? А? Ха-ха!

Когда мы подъехали к «Кардану», там шла работа. Люди в одинаковой зеленой рабочей одежде сгружали с трейлера наш токарный станок. Другие в крайнем боксе устанавливали на место фрезерный, а еще двое замешивали в корыте бетон и укрепляли сверлильный. Две наших машины уже стояли в боксах, еще одна подъехала. Значит, где-то шла и четвертая.

— Ваши владения? — спросил один из этих людей, видимо, бригадир. И когда мы в голос ответили, что да, сказал: — Всё сейчас установим, подключим, не беспокойтесь! И ворота навесим!

Тут подошел грузовик с полным кузовом шин. Их стали сгружать у шиномонтажки. Кто-то навешивал на нее дверь. А вот и четвертая наша машина подошла. Потом трактор «Беларусь» привел наш вагончик, и его поставили на прежнее место. Мы вошли в него. На столе лежали наши часы и всё, что выгребли у нас из карманов.

— Вот это да-а... — в изумлении качал головой Фрол, когда мы снова стояли на улице и смотрели вокруг. — Как в сказке...

— А Славка-то, — сказал я. — Славка-то как?!

— Погоди. Верняк, сейчас и про него узнаем...

Подошел «уазик» с будочкой. Из его кабины вышел человек в одежде официанта — чёрный смокинг, белая рубашка, бабочка, белые перчатки. Он открыл дверь будочки и выставил из нее на землю белый пластмассовый столик и два белых пластмассовых стула. Достал сложенную белую скатерть, развернул, встряхнул, как встряхивают выстиранное белье перед тем, как повесить сушить, ловко накинул ее на стол и, доставая из будочки и ставя на стол шампанское, фужеры и закуски, сказал нам:

— Прощу! Фирма угощает!

Мы сидели за столом, попивали шампанское, закусывали крабами, превосходным сыром и фруктами, когда подъехал зеленый «Фольксваген», и из него вышел небольшого роста молодой красавчик в шикарном двубортном пиджаке. Он сказал:

— Господа, за своего друга не беспокойтесь. Он в профилактории «Русич», им занимаются специалисты-медики. Состояние его уже лучше. Можете навестить его прямо сейчас. Вон та машина, — указал он на подъехавшую серебристую «Тайоту», — вас отвезет. А с этим вашим деловым партнером, — он открыл заднюю дверцу «Фольксвагена» и за шкирку выволок из нее Классного, — можете делать, что хотите! Говорил я тебе, — наставительно шлепнул он Классного по лбу. — Самодеятельность до добра не доведет!

И подтолкнул его к нам. У Классного кровоточила нижняя губа, его трапецевидный лоб диагональю перечеркивала малиновая полоса, как от удара кнутом, воротник рубахи был полуоторван и полностью открывал скорпиона на шее, а галстук тянулся наискось по перепачканному белому плащу.

— Мужики... — сказал он дрожащим голосом, держась за щеку, кажется, вздувшуюся. — Я... Я же не знал, что у вас такая подпорка. Вы уж меня, пожалуйста, извините!

Я встал и спросил:

— Что, без ствола-то не сподручно? Или ствол при тебе?

И сделал к нему шаг. Но Фрол тут же вскочил со стула и крепко положил руку мне на плечо:

— Не надо, Витя. Мы же не бандюги.

7

Почему тот случай двухлетней давности вспомнился мне сейчас? В моей жизни не было ничего более тяжкого, и никогда я не был так близок от смерти, как в тот раз. Иногда при воспоминании об этом меня охватывал ужас: а если б я не сумел вовремя остановиться перед Классным, и он бы выстрелил? Если бы они продержали нас еще пару дней? Если бы... В общем, мне становилось страшно. Временами, особенно если что-то напрягает, о том случае напоминают почки: начинают болеть, и мне приходится пить лекарства. Но сейчас о нём напомнило другое. Напомнили те мгновения, когда, сидя в «Запорожце», я взял у Фрола телефон, набрал номер её сотового и с колотящимся сердцем ждал, слыша гудки, за которыми последовал треск и прозвучал *ровный* голос: «Да». Я сказал торопливо, запинаясь: «Это я... Лиля, ты только... не беспокойся...» Я думал, она, как и жена Фрола, как и невеста (а теперь жена) Славы, закричит, и у неё начнется истерика, и приготовился успокаивать ее. Но она после недолгой паузы вдруг... засмеялась! И сказала: «Ну ты даешь, муженёк! Что ж ты это, а? Я ведь тут уже... Я на работе сейчас... Ой, кошмар!» Она что-то еще говорила, я не разобрал, но в ее голосе мне слышалась и издевка, и упрек, и, кажется,

чутьочку обиды. Получалось, я был виноват перед ней в том, что попал в переплет. «Ладно, — сказал я сквозь зубы. — Дома поговорим!» И отключился.

Но толком об этом мы так и не поговорили. Когда в тот день, вечером, я пришел домой и начал всё объяснять, она, не выслушав, поморщилась и осекла меня: «Ладно, проехали! Не надо... Иди лучше побрейся, да в ванну...» Ну, а потом уже всё шло, как прежде, будто и не было той недели. И я до сих пор не знаю, как она ее прожила, не знаю, звонила ли ей Светлана, жена Фрола (мы с Фролом и Славой договорились никогда об этом не вспоминать). И только теперь подумал: наверняка звонила. Не могла не звонить. А она, может, так же легко и весело сказала ей что-нибудь вроде: «Да никуда они не денутся!»

Вспоминая тот случай, я с нарастающей злобой думал: «А если б меня прикончили, она что, тоже была бы спокойна? Так же смеялась бы?» К этим мыслям цеплялись другие; я, например, вспоминал о регулярных поездках к ее родителям, всегда по навязчивому приглашению тещи: всякий раз, когда мы у них гостили, теща обязательно что-нибудь выпрашивала, причем получалось так, что выпрашивала не для себя, а для Лилии, но непременно с выгодой для себя, и теперь я думал, что не без участия Лилии, а может, даже и с ее подачи. Скажем, ежегодно, ближе к зиме, Любовь Федосеевна, лукаво косясь на меня за столом и подкладывая чего-нибудь вкусненького в тарелку, как бы ненароком, издалека заводила разговор о том, что надо бы мне, мол, обеспечить жену к сезону новой одеждой («Несерьезно же для мужчины, да еще нового русского, чтобы жена ходила в старом!»), и я соглашался, что да, мол, надо, и уже на следующий день выкладывал Лилии нужную сумму; они с тещей ехали в элитный салон модной одежды, покупали новую шубу, шапку и всё прочее, а шуба, купленная год назад, перекочевывала к теще, которой, как я заметил, она всегда была более к лицу, чем Лилии. Вообще, мне часто приходилось раскошелиться — то на какую-нибудь вещицу из золота и драгоценных камней, которая обычно со временем тоже уходила к теще, то на платье, специально заказанное по авиапочте из Парижа, то на косметику за пределами цен (тут уж теща выступала в качестве продавца), то еще на что-нибудь. С каждым годом всё дороже становились летние поездки Лилии. Мне только один раз удалось съездить с ней (три года назад мы отдыхали в доме отдыха в Светлоречье, в полусотне километров от города), а потом всё не получалось из-за моих дел, и она ездила одна, два года назад — в Турцию, в прошлом году — в Испа-

нию, а теперь вот отдыхала на островах Зеленого Мыса. Я никогда не думал и не жалел об этих тратах, выкладывал деньги и всё; мне было без разницы, что сам я хожу в простеньких костюмах, зимой ношу китайский пуховик, купленный на оптовке, езжу на старенькой «семерке», в кармане у меня недорогой мобильник «Нокия», на столе в комнате частенько неправильно соединяющий пермский телефонный аппарат с одним рычажком, а строительство моего теремка-коттеджа всё никак не может преодолеть стадии цоколя. Мне и сейчас не хотелось думать об этом, и я бы не думал, если б не желание разобраться, понять, что же она все-таки за создание такое, моя жена? Теперь уже она мне представлялась не той простой, открытой, любящей, не той милой и доброй, какой я знал ее всегда, а совершенно другой, со вновь открывшимися, как сказал бы юрист, обстоятельствами характера, еще неизвестными мне, но которые, как мне казалось, я начинал теперь постигать, припоминая подробности нашей жизни и раздумывая о них; скажем, о том, почему у нас до сих пор нет детей, и сразу находя ответ: из-за нее и только из-за нее, из-за ее нежелания, ведь это она, когда мы только поженились, сказала, что ей надо сначала окончить институт, сходила в больницу и поставила себя на предохранение. Правда, я не сразу вспомнил, что когда она институт окончила и заикнулась, что теперь, дескать, можно и даже пора, то уже возразил я: мол, давай еще немного подождем, пока мы с друзьями получше раскрутимся в бизнесе. Да, было такое. И все-таки мнение о ней у меня теперь складывалось далеко не в ее пользу. Теперь я думал, что в душе она зла, равнодушна, корыстолюбива, эгоистична и так далее. Думал: просто я не замечал этого раньше, но стоит только повнимательней взглянуть на нее, когда она вернется, и всё это сразу станет видно... Во мне вновь вскипала злоба, а я этого в себе очень не люблю, это всегда для меня тяжело. А тут еще вдруг вспомнилось: в том старом бревенчатом доме, на лестнице, в полутьме, скрип и сдавленный смех наверху, откуда полубоком спускается теща, с растепленной нежностью глядя вверх глянцево блестящими глазами и вытягивая свою руку из большой руки кого-то невидимого, что-то ей горячо шепчущего... И сразу еще одно молниеносное воспоминание: случайно вырванный слухом обрывок разговора двух соседок на скамейке, в котором слово «Любка» сочеталось со словами «такая уж»... Тут я сказал себе: «Хватит! Без генного анализа обойдешься!» И оборвал воспоминания.

Был уже вечер. Я промозговал весь день, и мне хотелось спать. Я лег в кровать и мгновенно уснул.

А на следующее утро достал из коричневого конверта Серегина отчет (не доставая фотографий) и стал его просматривать. За те две недели, что отслеживал мою супругу частный детектив, было зафиксировано пять встреч в разных местах. Среди них была одна «пара» — две встречи в один день, в ее выходной среди недели. Ну, это еще ладно, среди недели я с утра до вечера на работе, ничего заподозрить не мог. Не мог заподозрить и в еще один ее выходной среди недели, и в тот день, когда средь бела дня она отлучалась на работе. Но вот в воскресенье, когда я был дома, как же я ничего не заметил? Я вспомнил то воскресенье, вспомнил, что она поехала на базар и даже сначала позвала меня с собой, верней, попросила свозить на машине, а я хотел отдохнуть у телевизора, и она отправилась одна и вернулась с покупками. Я вспоминал, *какой* она вернулась, и это было не особенно трудно, времени-то прошло немного. Но ничего подозрительного моя память не обнаруживала: пришла с обычным, спокойным лицом, я бы даже сказал, кротким; говорила своим обычным, ровным, низковатым голосом. Словом, была такой, как всегда. Может, напутал что-то Серегин? Хотя, конечно, память могла меня и подвести, а верней, подвести могла моя плохая наблюдательность или, скорей, отсутствие необходимости наблюдать. Если бы я знал да присмотрелся к ней повнимательней...

«Стоп!» — осадил я себя и сунул отчет в конверт. И спрятал его подальше в «стенку». Теперь главное — хорошенько подумать, как выйти из ситуации. И снова я с утра до вечера думал, думал... Я понимал, любой или почти любой на моем месте закатил бы ей скандал сразу по приезду, а потом выкинул бы из дома: убирайся к родичам! Но... Дудки, Лилия Николаевна! Не опускаюсь я до этого. Не для меня это. Уж коли так получилось, и теперь мне всё известно, дергаться я не стану. Из ситуации, как говорит Фрол, надо выходить мягко. Хватит мне и той плюхи, которую получил. Тратиться на возню я не стану. Жизнь у нас внешне налаженная, вот пусть пока такой и остаётся. В нее, в эту жизнь, верней, в *мою* жизнь, конечно, затесалось нечто *не то*, ну так что ж, мне со шлюхами, что ли, дел иметь не приходилось? Ха! Ночной бар, где я работал вышибалой, посещало предостаточно озабоченных дам, и там, в подсобке, иной раз... М-да... В-общем, можно всё это перетерпеть. А что до этих рогов, так они ничего не весят. Тут важней всего, понял я, прежде чем порывать с *этой* семейной жизнью, подготовить выход в *новую* жизнь. И уйти в нее без эксцессов. Нужен *чистый* выход. Это будет и мой ответ *ей*. Как? В какую жизнь? Я пока не знал. Это тоже предстояло продумывать.

В тот момент я был очень уравновешен, холоден, рассудителен. Я был даже где-то скучен самому себе. Похоже, единственным чувством, которое как-то еще тлело во мне, было сожаление: жаль бросать это гнездышко, очень уютное, где вволю погулял вкус теста, — Лилия всегда приглашала его, если требовался ремонт или надо было разместить что-нибудь новенькое. Я бродил по мягкому паласу, задевая головой маленькие подвески-кораблики из синего стекла, свисающие от изготовленной тестем люстры в виде перевернутой фиалки из гнутой проволоки и полупрозрачной фиолетовой материи; корабрики, взблескивая, качались и сталкивались между собой металлические трубки, издававшие мелодичный звон, а я смотрел, словно уже прощаясь с этим домом, на подаренные к нашим дням рождения, отливающие цветами всех благородных металлов чеканки теста на подобранных им же обоях приятной иссиня-оранжевой расцветки; облокочивался на резной круглый стол с гнутыми ножками (творение рук тестя-краснодеревщика) и с легкой грустью любовался чудесным видом из окна: в открытую балконную дверь сквозь переплетение ивовых ветвей было видно раскинувшееся за дорогой, по которой часто проезжали машины, освещенное вечерним солнцем просторное дикое поле с поросшим молодой травой холмом у вытянутого озера, над прибрежным камышом которого в разных позах застыли несколько человек с удочками; а дальше — перечеркивающее поле наискось черная нить шоссе с насыпью, за ним — снова поле, слева упиравшееся в березовую рощу, а справа — в длинно растянутый дачный поселок с разноцветными домиками, среди которых был и мой участок с начатым коттеджем. За дачами высилась темная стена леса, где я много раз собирал грибы...

Э-эх, жить бы здесь да жить! Я ведь не хотел продавать эту квартиру, думал: когда переберемся в коттедж, пусть она остается, будем жить по переменке то там, то здесь. Но теперь было ясно: придется отсюда съезжать. В голове у меня потихоньку начинали бродить мысли о том, как же мне там, дальше, решать вопрос с новой семьей, и они бы, наверное, затянули надолго, если б я не вспомнил о работе. Нам же дали кредит! И теперь мы должны рвануть на полную мощь! Надо во что бы то ни стало как можно скорей достроить новое здание! Пахоты уйма, загружаться надо немедленно!

Я достал из столика фотографию Лилии, укрепил ее на прежнем месте в трельяже, вынул из магнитолы купленный вчера диск и вместе с футляром выбросил в мусорное ведро, а бутылку коньяка сунул в свой дипломат: отвезу к нам в ва-

гончик, потом как-нибудь выпьем. Затем позвонил в нам в «Кардан» и сказал:

— Фрол, я в норме. Завтра выхожу.

Таким образом вместо недели, которую я просил у него, чтобы прийти в себя, мне хватило двух дней.

8

И сразу закрутили дела. Я мотался в поисках строителей, за несколько дней нам пришлось поменять три бригады и четырех прорабов, прежде чем мы вышли на хороших профессионалов. Потом я уехал в Новосибирск (напросился вместо Славы) — договариваться насчет сибита. Вернулся через два дня утром, и с вокзала поехал домой, чтобы до обеда отдохнуть.

Открыв дверь квартиры, вошел в комнату, снял пиджак, брюки, хотел уже лечь, как вдруг кто-то налетел на меня сзади, с радостным визгом повис на моей шее, я не устоял на ногах и мы вместе упали на кровать; в следующее мгновение я лежал лицом вверх, а на мне сидела Лилия, смеясь, взъерошивая мне волосы и крича:

— Ты почему, негодник такой, не отвечал на мои эсэмэски?! Почему не отвечал на звонки?! Почему не пришел меня встречать?! А?! По-че-му-у?!

И тут же впилась губами в мои губы с такой жадностью, с такой страстью, что я едва не потерял сознание; меня мгновенно унесло в горячую сладостную тьму, и очнулся я, когда мы уже лежали рядом, и она, поглаживая шрам на моем плече, прерывисто и запалённо дыша, шептала:

— Я так соскучилась... Если б ты только знал...

Я хрипло спросил:

— Ты откуда взялась-то? Вроде никого дома не было.

— Ждала тебя в ванной. Сюрприз. Раз ты не встречаешь...

Я поднялся и сел на край кровати. Она села рядом. Вот теперь надо было внимательно на нее смотреть, теперь я должен был увидеть в ней то, чего не замечал раньше. И я смотрел, смотрел очень внимательно. Ее лицо в золотистом загаре стало еще красивей. Я смотрел в ее радостно смеющиеся глаза и спрашивал:

— Ну и как оно там, на островах?

— Да ничего особенного, — говорила она, тоже глядя мне прямо в глаза. — Обыкновенное море, пальмы. Прайя ихняя — деревня...

— Ну, а как... это... солнце... мужчины... молодые мулаты....

— Ты что? — засмеялась она. — Ты о чём, дурачок?

И нежно провела рукой по моему лицу, и с нежностью, ласковой, любовью смотрела мне в глаза. Как ни силился я разглядеть в ней что-нибудь такое, что могло бы выдать ее, как ни вглядывался в ее глаза, ничего разглядеть не мог, в них была только эта нежность, любовь, ласка...

— И никому особо там не понравилось, — говорила она, глядя меня ладонью по лицу и все продолжая смотреть мне в глаза, словно никак не могла насмотреться. — Все сказали: больше туда не поедем...

Передо мной сидело абсолютно невинное создание, которое никак нельзя было заподозрить даже в подобии способности на какую-то там измену. Я вдруг поймал себя на том, что верю ей, верю в то, что она ни в чем передо мной не виновата. Но тут же вспомнил серегинский конверт и снова стал в нее вглядываться. Нет. Ни-че-го. Преданность и чистота. Что мне оставалось? Я запустил пятерню в ее волосы, притянул к себе и коснулся губами ее пылающей щеки...

9

Тогда-то и пришла мне в голову эта мысль. Я подумал: или она действительно верна мне, и Серегин что-то напутал, и на фотографиях не она, а какая-нибудь другая женщина, просто похожая на нее, или она гениальная актриса, способная притворяться так, что даже и зная о ней всё, поверишь в любовь ее ложь.

И я решил проверить, так ли это. Я подумал: если нет, если, как актриса, она бездарна, я всё ей прощу... Верней даже нет, речь тут не о прощенье... Просто приму то, что накопал Серегин, за ложь и навсегда забуду об этом! И всё у нас будет, как прежде. Вот такое взбрело мне на ум. Ни больше, ни меньше. До сих пор не могу понять, с чего вдруг. Впрочем... Это был какой-то неожиданный высверк в сознании, повлекший за собой секундное потрясение. *«А ведь чтобы так ни разу ничем себя не выдать, не вызвать ни крупницы подозрения, надо обладать чем-то необыкновенным»*. И это накрепко втемяшилось мне в голову.

Через два дня я сидел в комнате Дворца культуры «Топаз», красочно пестрящей афишами и цветными снимками сцен из спектаклей, и говорил режиссеру народного театра Галине Васильевне Причудиной, пожилой женщине с крашеными в приятный темно-коричневый цвет волосами, на лице которой, однако, не было морщин, а дымчато-серые глаза смотрели сквозь очки молодо, с живым интересом:

— Я звонил вам вот по какому поводу... Понимаете, у меня жена... э-э... очень привлекательна. Ну, во всяком случае, я

так считаю. И у меня есть ощущение, что она обладает актерскими данными. Вот нельзя ли это как-то проверить? Не могли бы вы мне помочь?

— Это решаемо, — сказала она, делая легкий и элегантный жест рукой, как если бы подставляла ладонь под дождь, пробуя его на ощупь. — Пусть приходит.

— Но тут, видите ли...

— Что?

— Мне бы не хотелось, чтобы она знала, что эта инициатива исходит от меня.

— Не понимаю...

— Это сложно объяснить, но... Я вас очень прошу, давайте сделаем так. Я скажу ей, что меня попросили, чтобы она пришла к вам... э-э...

— Прослушаться.

— Да. И что... Ну... Что это очень надо.

— Ну, пожалуйста, — улыбнулась Галина Васильевна. — Если вам необходимо именно так, пусть будет так. А вообще мы рады всем, кто приходит к нам...

— Но я бы хотел сам посмотреть это... прослушивание... Можно?

— Пожалуйста. Приходите вместе.

— Послезавтра пойдет? У нее выходной.

— Да, конечно. Часам к двенадцати...

Вечером дома я сказал Лилии:

— Послушай-ка, тут такое дело... Короче, меня попросили, чтобы ты пришла в «Топаз» и прослушалась.

— В смысле? — Ее красиво выщипанные брови, густые у переносицы и утоньчавшиеся к вискам, удивленно приподнялись.

— Ну, в народном театре. Там у них актеры нужны...

— Вот ничего себе! — прыснула она. — Кто э тебя попросил?

— Один приятель, ты его не знаешь, мы вместе учились в институте. Он знаком с режиссером, и она его всегда просит, чтобы он помогал ей людей привлекать... Давай сходим, а?

Она засмеялась и сказала:

— Да ну! Ты что? Никуда я не пойду... Ерунда-то какая!

— Надо, Лилия! Просят!

— Да ты меня совсем, что ли, за дуру считаешь? — Она перестала смеяться и смотрела с недоумением и вроде как несколько обиженно. — Вот я пойду прослушиваться в театр... Да ни в жизнь! Я его терпеть не могу, театр! С детства! Отец однажды повел меня на взрослый спектакль, я, кажется, во втором классе училась. Така-ая скукота... На всю жизнь запомнилось! Всё, с тех пор меня туда не затащишь.

— Ну я тебя очень прошу, — взмолился я. — Выручи меня!

Она долго смотрела на меня в упор, потом спросила:

— Это что, действительно тебе надо?

— Да! Да!

— Н-ну... — Она подумала и пожала плечами. — Если так, что ж... Давай сходим. Только ты учти, что актриса-то из меня никакая...

— А это и не важно! — обрадованно сказал я. — Это ведь так, для массовости, для отчета...

Когда через день мы с ней вошли в комнату Причудиной, я заметил, что Галина Васильевна, кивая на наши «здрaсте», чуть-чуть переменялась в лице, когда взглянула на Лилию, глаза ее как бы слегка потемнели, взгляд стал настороженно-внимательным.

— Мой муж привел меня прослушаться, а я и понятия не имею, что это такое! — со смехом говорила Лилия. — Что я должна делать?

— Прочитайте, пожалуйста, вот это, — подала ей раскрытую книгу Галина Васильевна.

Я сел на стул рядом с режиссером и смотрел на Лилию, стоявшую посреди комнаты. Она взяла книгу, посмотрела на обложку и фыркнула:

— Подумать только, Маяковский! Всегда не любила его! Так. И это, значит, я должна прочитать, да? С выражением?

— Вы сначала прочитайте про себя, — сказала Галина Васильевна. — И немножко подумайте, как это, по-вашему, лучше донести до других. А потом читайте вслух.

Лилия начала было читать, но тут же, уронив руку с книгой, покатила со смеху:

— Ну надо же! Какая... — И спохватилась. — Извините. — И стала читать про себя, шевеля губами, наморщивая лоб, серьезно и вроде вдумчиво, так что если ей и было по-прежнему смешно, то теперь это стало абсолютно незаметно.

Прочитав, она подумала, поднимая глаза к потолку, а потом снова опустив их в книгу, начала читать:

— «Я сразу смазал карту будня, плеснувши краску из стакана...» — И снова не удержалась, прыснула. Но тут же, похваставшись, сказала: — Всё, всё! Читаю без всяких!

И прочитала стихотворение от начала и до конца.

Пока она читала, у меня несколько раз возникало странное ощущение, будто мою жену подменили, и вместо нее теперь здесь какая-то другая женщина, всего лишь одетая так же, как она, в чёрный деловой костюм и белую блузку с чёрным тонким галстуком (когда дома я попросил ее надеть что-нибудь другое, понарядней, она засмеялась и сказала: «За-

чем? По делу же идем!»). Да, именно так! — мне казалось, что это уже вроде и не она, настолько непривычно для меня было то, что я видел в эти минуты. Она читала, держа книгу в одной руке и плавно, с изяществом, которого я никогда в ней не замечал, жестикулируя другой. Ее голос, густой, низковатый, обычно негромкий, звучал сейчас громко и чисто, в нем появился незнакомый мне оттенок, какой-то очень приятный для слуха; лицо ее тоже как-то преобразилось; а когда она читала слова «прочел я зовы новых губ», то именно в движении ее губ, в мелькнувшей в их уголках тени улыбки мне увиделось что-то очень похожее на то, что много раз видел я в лице ее отца, моего тестя, когда он рассказывал что-нибудь интересное, смешно меняя голос и строя всякие гримасы, или пел какую-нибудь задушевную песню, сопровождая себя на гитаре. Последние слова: «А вы ноктюрн сыграть смогли бы на флейте водосточных труб?» — Лилия прочитала с такой расстановкой и с такими интонациями, что я невольно подумал: «Здорово! И правда — с выражением!» И тут же настроение мое стало меркнуть...

Закончив читать, Лилия еще две-три секунды смотрела в книгу, ее свободная рука в изящном изгибе застыла на фоне афиши на стене, где прима музыкального театра в платье «летучей мыши», с высокой прической, из которой пышно клубились крупные белые перья, обмахивала себя большим мохнатым веером.

Я взглянул на Галину Васильевну. Она сидела неподвижно, откинувшись на спинку стула, зажав рукой подбородок и глядя на Лилию, рука которой медленно, как и книга в другой руке, опускалась.

— Ну вот и всё, что я могу, — с улыбкой развела руками Лилия. — Я честно старалась изо всех сил! — Она положила книгу на стол и спросила Причудину: — Всё? Я свободна?

Мне показалось, Галина Васильевна хотела ей что-то сказать. Но ничего не сказала, только молча кивнула. Я бросил Лилии:

— Подожди меня в машине.

И когда она, попрощавшись, вышла, спросил:

— Ну и как?

Вместо ответа Галина Васильевна, не глядя на меня, спросила глухим голосом:

— Сколько ей лет?

— Двадцать два.

— Кем работает?

— Контролер-кассир, в сберкассе.

— В драмкружках не занималась?

— Нет, никогда.

— У-гу...

Она сидела, всё сжимая подбородок и думая. Я спросил:

— Вы скажите мне прямо, есть у ней талант актрисы или нет?

— Понимаете, мне главное... — она повернулась ко мне и заговорила быстро и взволнованно. Только сейчас я заметил, что лицо ее пошло неровной краснотой, глаза за стеклами очков блестят каким-то лихорадочным блеском, а подбородок, от которого она отняла наконец руку, мелко дрожит. — Она не готова... То есть... В ней не чувствуется желаниа заниматься нашим делом, а я... Я ведь дала ей непростой текст для исполнения... И я вас очень, очень прошу... — Она порывисто подалась ко мне и схватила двумя руками мои руки. И говорила торопливо, глядя мне в глаза и понизив голос почти до шепота. — Убедите ее, пусть придет! У ней есть всё для того, чтобы стать актрисой... Завтра! Пусть придет завтра! Вы просили меня помочь, а теперь я прошу вас помочь мне! Понимаете, у меня на носу фестиваль, а в спектакле дыра. Там небольшая роль, но важная, и мне очень, очень надо... Поговорите, пожалуйста, с ней! Пусть придет! Завтра! Хорошо?!

Я, помедлив, кивнул, чувствуя, как во мне что-то опускается, и в груди начинает противно-колюче саднить.

— Вот вам мой телефон. — Причудина отняла свои руки от моих, повернулась к столу, взяла ручку и чистый квадратик бумаги и, написав на нем номер, протянула мне. — Завтра!

— Если завтра, — сказала, со вздохом принимая бумажку, — то прийти она сможет поздно, не раньше восьми вечера.

— Ничего, ничего! Мы как раз в это время и репетируем. У нас все актеры где-нибудь работают.

Выйдя из «Топаза», я сел в машину и сказал Лилии:

— Завтра ты должна быть здесь. Сразу после работы.

Она хмыкнула и спросила:

— За-чем?

— Тебе будут вручать приз, как лучшей актрисе Новосёлловки.

— Оч-чень смешно.

— Вот тебе ее телефон. Звони завтра и — как штык!

— А надо?

Мне было плохо, я с трудом сдерживался, чтобы не взорваться и не заорать на нее. Но проговорил холодно и твердо:

— Не подводи меня. Выручай людей.

Она помолчала и, пожимая плечами, ответила:

— Ну, ты сказал.

На следующий день я заехал в риэлторскую компанию и выставил на продажу свой земельный участок с недостроенным коттеджем.

10

Когда спустя два с половиной месяца Фрол спросил меня:

— Слышь, Вить, а это не твою бабу я вчера по телевизору видел? Там что-то про театр было... Так похожа!

Я сказал нехотя:

— Мою, наверно.

— А почему фамилия не твоя? Имя ее, Лилия. А фамилия... как-то...

— Чернобурова.

— Точно!

— В театре она под своей девичьей фамилией.

— А-а, да, да... это ж ее девичья, вспомнил... А зачем?

— Ну, я так решил.

— Значит, она теперь у тебя актриса?

— Да как сказать... Начинающая...

Ее начало я видел. Это было через два месяца после прослушивания у Причудиной. Все эти два месяца Лилия почти каждый вечер и в выходные ходила в «Топаз» на репетиции. К тому времени я уже окончательно успокоился. Всё для меня было решено железно. Я чувствовал себя свободным. Внутренне я был уже холостяком. И не собирался идти на этот спектакль. Но она припугнула:

— Ты меня в это впихнул, и если не пойдешь, я тоже не пойду, и пусть там всё проваливается!

И вот субботним днем я припарковал свою машину у «Топаза». Он, кстати, неподалеку от нашего дома — громадный новосёловский ДК. Можно было и пешком пройтись, но мне еще надо было побывать на нашей стройке, и поэтому я сначала прогулялся до гаража (это тоже недалеко: за крайними домами с южной стороны Новосёловки стоят длинные ряды кооперативных гаражей, за которыми уже до самого Южного тракта — берёзовые околки, осинники, картофельные и дикие поля, дачи).

На крыльце «Топаза», за белыми квадратными колоннами стояла прислоненная к стене большая фанерная афиша. Ее крупная броская надпись гласила, что народный театр «Беловодье» представляет пьесу А.Н. Островского «Лес», вход свободный. Люди потихоньку тянулись ко Дворцу со всех сторон, и когда я вошел в зал, он был уже почти полон, что, собственно, и неудивительно для микрорайона, где сорок с лишним тысяч жителей.

— Здравствуйте! — с теплой улыбкой приветствовала меня Галина Васильевна Причудина. Она стояла в проходе. — Пойдемте, я усажу вас вперед, рядом с жюри. После спектакля будет обсуждение, а потом еще кое-что... Туда, туда! — замахав рукой, крикнула она в сторону входа. — Ребятам из ПТУ и школьников усаживайте в задние ряды! — И тихо добавила: — Чтoб меньше мешали...

Мы пошли по ковровой дорожке. У четвертого ряда остановились.

— Вот здесь... — положила она руку на спинку мягкого кресла в красной обивке. — Проходите к центру.

Я пошел боком мимо свободных кресел к сидевшим в середине ряда членам жюри, их там было человек пять. Причудина шла за мной.

— Присаживайтесь сюда, — указала она на место рядом с молодой белокурой женщиной и сказала сидевшей по другую от нее сторону женщине лет сорока, красивой, с васьлювыми глазами и длинным хвостом крашенных черных волос: — Светлана Петровна, это муж одной из наших актрис, Виктор Иванович.

— Очень приятно, — с приветливой улыбкой кивнула мне Светлана Петровна. И шутливо сказала Галине Васильевне. — А может, мы включим мужа вашей актрисы в состав жюри, а?

— Я только за! — поднимая руку, как на голосовании, сказала Причудина. И спросила меня: — Согласны?

— Да я б с удовольствием, — усаживаясь в мягкое кресло и улыбаясь, ответил я им в тон. — Но у меня, к сожалению, другой профиль.

— Какой, если не секрет? — быстро спросил, выглядывая из-за Светланы Петровны, большоголовый мужчина с красноватым лицом и зачесанными с боков на лысину жидкими русыми волосами.

— Автодело.

— О, так вы, наверное, можете мне помочь, Виктор Иванович? А то моя «Лада» что-то совсем разбарахлилась...

— Не вопрос, — сказал я и полез во внутренний карман пиджака. — Для вас — со скидкой! — И протянул ему свою визитную карточку. — Звоните, приезжайте. Всегда будем рады.

— Ну спасибо! — сказал мужчина, принимая визитку и глядя в нее. — А, вы главный инженер... О, «Кардан»! Кажется, я читал о вас в автожурнале... Это вы новое здание строите?

— Да.

— Пригонию, пригонию, — сказал он, пряча визитку. — А то куда не обратишься, все всё по-разному говорят... Завтра же... Верней, в понедельник...

Тут его о чем-то спросила Светлана Петровна, и они заговорили между собой.

— Скажите, пожалуйста, — тихо сказала мне сидящая рядом белокурая женщина. — А кого играет ваша жена в этом спектакле?

Я посмотрел на нее. Симпатичное лицо, голубые глаза; во взгляде — насмешливость, но больше интереса.

— Понятия не имею, — пожал я плечами. — Она это держит от меня в секрете.

— И как вы относитесь к тому, что она занимается в народном театре?

— Да как... Не знаю... Ну, вот вы, например, как бы вы относились, если б ваш муж занимался в этом театре?

— Честно?.. Наверное, не очень положительно. Если бы, конечно, у меня был муж.

— Такая дама и не замужем? — сказал я с большим удивлением. И покачал головой: — Несправедливо.

— Я тоже так думаю! — засмеялась она.

— А вы, извините, из какого ведомства? — поинтересовался я.

— Департамент культуры.

— Не директор, нет?

— Нет, — опять засмеялась она. — Всего лишь главный специалист.

Я наклонился к ней поближе и тихо спросил:

— А вот эта Светлана Петровна, она кто?

— Зубарева, доцент нашего института искусств, — так же тихо, тоже слегка придвигаясь ко мне, ответила она. — Ведет актерское мастерство на театральном факультете.

— А мужчина за ней?

— Это Евгений Иванович Постников. Первый в городе театральный критик.

— О-о... — протянул я уважительно. И спросил: — И часто вам приходится бывать на подобных мероприятиях?

— В общем-то да...

Разговор шел легко. А ведь еще недавно я не только не стал бы говорить с этой женщиной, но даже на самый первый ее вопрос о моей жене не ответил бы, просто пожал бы плечами, да и всё. Тогда мне были не интересны чужие женщины. Была у меня одна, кроме которой никто не был нужен. Но ее не стало. *Для меня* не стало. Мне пришлось изрядно поразмыслить, прежде чем я определил для себя ее место в моей теперешней жизни: она не враг мне, нет, не хочу, чтоб мы были врагами, хоть ничего и не прощаю ей, но пусть она остается для меня... ну... кем-нибудь вроде приятельницы, что ли... с

которой мы запросто, раз уж были супругами, контактируем, только и всего. Интерес же мой временно перемещается на всех остальных женщин, куда среди них не встретится необходимая мне, верная; она-то и заменит Лилию, станет для меня одной на всю жизнь. Я должен проверить это дело безукоризненно. На сей раз нельзя дать промах. Надо попасть в десятку.

И я уже начинал жить в этой теме. Присматривался ко всем встречавшимся молодым женщинам. Несколько раз пытался познакомиться на улице. Посидел в чатах за компьютером. Пока безрезультатно. Но я чувствовал: мне должно повезти. Главное, не останавливаться. *Всякий ищущий находит.*

А этот разговор с белокурой дамой из департамента культуры был для меня чем-то вроде легкого тренинга; познакомиться с ней я не собирался, чувствовал: *здесь нельзя*. Просто мне было сейчас, можно сказать, легко и весело, сама атмосфера этому способствовала. Я уж и не помнил, когда в последний раз ходил в театр, кажется, еще в студенчестве, курсе на третьем, и хоть здесь был не театр, но испытывал я нечто подобное тому, что испытывал тогда, в драмтеатре: было интересно ждать, что там покажут, и отчего-то слегка волновал шум зала. И очень красивым казался бледно-бардовый в блёстках занавес с изображением новостройки: коробки возводимых домов, стрелы башенных кранов, грузовые машины. Это, конечно, строящаяся Новосёловка. Я легко нашел свой дом, правда, без моей квартиры: на занавесе он был поднят лишь до второго этажа...

— Как ни печально, но пока ни одного открытия на этом фестивале не было... — доносился до меня голос Светланы Петровны.

А белокурая соседка рассказывала мне о своей работе, о встречах с известными на весь мир артистами, которые приезжали в наш город на гастроли...

Зал уже, похоже, был переполнен. Заняты все места и на нашем ряду, кроме одного, рядом со мной: Причудина попросила меня придержать его. А вот и она протиснулась к нам и сказала:

— Так, ну что? Наверное, будем начинать?

И, повернувшись к залу, вскинула руки и крикнула:

— Внимание! Попрошу тишины!

Шум в зале быстро стих. И Галина Васильевна заговорила:

— Сегодня мы показываем спектакль в рамках традиционного городского фестиваля народных театров «Весна и начало лета». Это русская классика, Александр Николаевич Островский, комедия «Лес». — Голос у Причудиной краси-

вый. И сильный. Наверняка, ее хорошо слышно и в задних рядах. — Спектакль идет без антракта. Просьба не разговаривать, не шуметь, не мешать тем, кто сидит рядом. Отключите, пожалуйста, свои мобильные телефоны. Приятного вам просмотра!

Она села под затрещавшие аплодисменты. Но вот они стихли, свет в зале стал меркнуть, зазвучала медленная музыка, птичьи трели. Занавес разъехался, открыв сцену и декорации: нарисованный на полупрозрачной материи зеленый лес на всю просторную заднюю стену; на его фоне с правого краю — белая круглая беседка; в центре — старинный белый стол и белые стулья. У двери по левую сторону сцены стоял седоволосый лакей в синей ливрее с серебристыми галунами. В дверь вошла молоденькая девушка в длинном, до пола, малиновом платье. Я подумал: не Лилия ли? Но нет, не она. Девушка заговорила с лакеем... Я внимательно смотрел и слушал. Эту пьесу я видел в детстве по телевизору и многое помнил: два странствующих актера, пожилая богатая помещица, на которой умудрился жениться молодой прохиндей. И двое юных влюбленных, которые не могут пожениться из-за того, что у невесты, вот этой девушки, нет приданого. А в конце пьесы — великодушный жест актера: он отдает невесте на приданое в кои-то веки перепавшие ему большие деньги. Помнится, мне очень понравился тот спектакль. Нравился и этот. Постепенно я с головой ушел в происходящее на сцене. И смотрел довольно долго, прежде чем спохватился: «А где же Лилия?» Вроде все действующие лица уже выходили. Но жены своей я не видел. И забеспокоился, даже слегка заерзал...

Тут меня тронула за локоть Причудина и шепнула:

— Я вижу, вы не узнаете свою супругу.

Я ответил шепотом:

— Так ее там нет!

Галина Васильевна с улыбкой подняла указательный палец и покачала им:

— Она на сцене.

Я стал смотреть внимательней, и постепенно до меня дошло, что вон та, стоящая в глубине сцены, поодаль от помещицы и невесты, на вид преклонных лет женщина, наверное, и есть Лилия. Но я не был уверен. Уж больно дикая перемена! Она была одета в старенькое куцое коричневое полупальто, из-под которого до пола спускалось темно-синее в мелкий белый горошек платье. На голове у ней была шаль, полностью закрывавшая волосы и почти наполовину — лицо. Та часть лица, которую было видно, переказилась, как от пара-

лица. Бровь одного глаза была постоянно приподнята, и этот глаз казался больше второго, причем, он был как бы несколько смещен в сторону. Если это и в самом деле Лилия, я бы сам ни в жизнь не узнал ее! Для верности я спросил шепотом у Причудиной:

— Вон та, что ли? В шали?

— Да, да, — шепотом ответила она. — Ключница Улита.

Невероятно! Никогда бы не подумал, что моя жена может превратиться в такое пугало! И ведь это был не первый в этом спектакле ее выход на сцену. Она уже выходила не раз — старуха с деревянной неуклюжей походкой (всё как-то полубоком, полубоком, прихрамывая и подволакивая ногу) и скрипучим, совершенно неузнаваемым голосом говорила по несколько слов; ее сдержанно прогонял лакей, и раз, и другой; а на третий, когда лакей, всплыв, крикнул ей: «Брысь ты, окаянная!» — она с такой забавной поспешностью метнулась к двери, с такой неожиданной и смешной писклявостью в голосе крикнула, на мгновение остановившись и обернувшись, прежде чем исчезнуть за дверью: «Обидчик!» — что зал взорвался смехом и разразился аплодисментами. Они были адресованы ей, только ей! И я тоже смеялся и аплодировал, не зная еще, что это моя жена!

Но теперь знал, и смотрел на нее в изумлении. Вот помещица заканчивает диалог с невестой, и когда та уходит, говорит ключнице Улите: «Подойди поближе, садись, где стоишь, и слушай!» И Лилия с угодливой суетливостью, с прежней хромотой, но и с элегантно пластичностью, приближается к ней и, едва уловимым движением раскинув полы платья, легко, быстро, забавно садится подле помещицы прямо на пол, вновь вызывая смех в зале. Они разговаривают, помещице надо, чтобы Улита следила за молодым прохиндеем, а Улита — сплошная верноподданность, говорит скрипуче, чуть шепеляво, громко, с переливами в голосе: «Вчера платьишко всё в тлен изорвала, по кустам ползала, изожглась вся...» В зале то и дело смеются, и вовсе нет уже в этой старухе того отталкивающего, что могло увидаться в первые мгновения, а есть какая-то странная притягательность и даже обаяние. На нее просто очень интересно смотреть! А когда помещица спросила у ней, не приходило ли ей в голову в этом возрасте полюбить, и она после паузы (в течении которой, потупив взгляд и поводя головой, жеманно-стеснительно, как девчонка, улыбалась, вызывая новые приливы веселья в зале), ответила: «Разве когда мечта... так иногда найдет вроде как облако», — зрители уже вовсю хохотали. И снова аплодировали. Помещица крикнула: «Пооди прочь, мерзкая!»

Улита встала и пошла по краю сцены, искоса поглядывая на помещицу, и головы зрителей поворачивались за ней. Я чувствовал в эти мгновения какие-то исходящие от нее теплые волны, потоки энергии. То же самое, думаю, чувствовали и другие. *«Это-то откуда в ней взялось? Или было и раньше, да я не замечал?»*

И вот спектакль окончился. Занавес закрылся и снова открылся. Все актеры стояли цепочкой у декораций, потом стали по очереди выходить вперед и кланяться. Каждому аплодировали. Но когда выходила Улита, медленно, прихрамывая, подволакивая ногу и неуклюже путаясь в длинном платье, шум рукоплесканий начал нарастать, в нескольких местах крикнули: «Браво!» А когда она, подойдя к краю сцены, низко поклонилась и, выпрямляясь, сорвала с головы шаль, встряхнула своими посыпавшимися на плечи волосами и загорелась румянцем, мгновенно вспыхнувшим на ее особенно юном в этот момент лице, зал на секунду смолк, посыпалось чье-то аханье, но его тут же заглушил новый шквал аплодисментов, покотившийся к задним рядам и там разорвавшийся визгом, криками, топотом пэтэушников и пэтэушниц, школьников и школьниц. Я слышал в этом шуме голос какой-то женщины сзади: «А мы ее знаем! Она в нашей сберкассе работает! Ну, какая же молодец!» Все начали вставать, я тоже встал. Причудина, вставая и аплодируя, быстро говорила мне:

— Вы видели, видели, как она сыграла? Вы оказались правы! Это что-то удивительное! Она за месяц освоила то, на что у других уходит два-три года: движение, пластику, речь... Всё на лету хватает! Почти всё это сама придумала! Сумела главное схватить, суть роли... у ней и комическая, и характерная получилась... С ней так чудесно работается! У нас ее уже все полюбили! И что особенно важно, она почувствовала вкус к нашему делу, желание им заниматься, в ней уже прорывается настоящая актерская мощь! В следующий раз я дам ей главную роль в «Леди Макбет Мценского уезда». Давно мечтаю поставить, но некому было играть. А она сумеет! Она мне такую любовь, такую страсть сыграет, что... Ой, как вы оказались правы!

Аплодировали еще долго. Наконец, занавес закрылся, и зрители, гудя, стали выходить из зала. Пошел было и я, но Причудина сказала:

— Куда же вы, Виктор Иванович? Сейчас будет обсуждение, а потом банкет. Оставайтесь!

Я подумал, что на стройку сегодня еще успею, и уселся в кресло. Зал опустел, остались на своих местах члены жюри,

да я с Причудиной, да еще человек десять, как я понял, родственники и друзья актеров.

— Ну и кто же из них ваша жена? — тихо спросила меня белокурая дама из департамента культуры, когда занавес открылся. Участники спектакля, в тех же костюмах, сидели на сцене, рядом, на стульях.

— Мне бы хотелось, чтобы вы сами определили, — с улыбкой шепнул я в ответ.

— Неужели вон та, молоденькая, которая Аксюшу играла?

— Почти угадали.

— Внимание, попрошу тишины! — сказала Светлана Петровна. — Начнем с вас, Анна Яковлевна. Выскажите, пожалуйста, свое мнение о спектакле.

Сидевшая со мной рядом белокурая дама, чуть подумав, заговорила. Мне мало что было понятно из ее слов, но, моему, спектакль она похвалила. Потом высказался театральный критик Постников, тоже вроде одобрительно, потом сидевшая с той стороны от него молоденькая, коротко стриженная девушка-журналистка, она говорила очень быстро и с восторгом. Наконец, заключительное слово взяла Светлана Петровна.

И вдруг белокурая департаментша Анна Яковлевна шепнула мне:

— Я поняла, кто ваша жена.

— И кто же?

— А во-он, с краю сидит. Которая фурор произвела.

— Почему вы так решили?

— Зубарева отметит ее сейчас, вот увидите. А почему я поняла, что это ваша жена...

Тут Причудина, потянувшись через меня, мягко дернула ее за руку, и она умолкла. Все внимательно, в полной тишине слушали Светлану Петровну Зубареву, а она говорила неторопливо и негромко, но очень внятно, с отличной профессиональной дикцией:

— Ну, я в общем-то разделяю мнения членов жюри. Мы единодушны, что не так уж и часто бывает в последнее время. Спектакль, безусловно, получился. Поздравляю вас, Галина Васильевна. Думаю, ваша работа заслуживает награды, и даже не одной. Да. Вы знаете, я здесь перед спектаклем обмолвилась, что на этом фестивале пока не было ни одного открытия. Но сегодня я пережила поистине счастливые мгновения, потому что стала свидетелем самого настоящего открытия! Вот вы, — плавно вытянула она вперед руку, глядя на кого-то из сидевших на сцене актеров. — Да, да, вы! Вы, сыгравшая Улиту! Как вас звать?

— Меня? — удивленно ткнула в себя пальцем Лилия.

— Да-да, вас!

— Лилия... э-э... Николаевна... — Это было сказано с такой интонацией и с таким жестом, что и здесь, в зале, и там, на сцене, засмеялись.

— Милая вы моя! — смеясь, сказала Светлана Петровна. — Милая Лилия! Вот вы-то и есть то самое открытие! Вам надо стать профессиональной актрисой. Обязательно! Я приглашаю вас поступать в наш институт искусств, на актерское отделение. Времени до экзаменов немного, чуть больше месяца, поэтому у меня к вам просьба приложить все усилия, хорошенько подготовиться. Экзамен по специальности в том числе буду принимать и я. Жду вас. Приходите! Ну, и... Всё у меня.

— Плакала моя «Леди Макбет Мценского уезда», — сказала Причудина с тихим грустным вздохом. — Хотя, конечно же, я очень рада за нее... — Голос ее при этом дрогнул. Она кашлянула, встала и сказала громко: — Ну, а я приглашаю вас всех в фойе, к столу! — И, повернувшись к сцене, сказала актерам: — Быстренько переодевайтесь и приходите!

«Ничего себе! — обескуражено думал я, выходя вместе со всеми из зала. — Вот так проверил на предмет наличия актерских данных! Угадал, так угадал!» И подумал: *«Получается, её судьба выходит на перелом вот так вот совершенно неожиданно, можно сказать, в одно мгновение полностью меняется вся её жизнь, и как же тут быть мне, как к этому относиться, не знаю, не знаю...»* И еще подумал поспокойней: *«А в принципе, какая мне разница? Что я волнуюсь? Это еще больше отдаляет и отчуждает ее от меня, ну так и ладно. Пусть!»*

В фойе уже стоял накрытый стол, над которым колыхались в воздушной струе от вентилятора гирлянды из красных, зеленых и желтых шаров. Звучала легкая, веселая музыка. Критик Постников и белокурая дама из департамента Анна Яковлевна курили возле открытого окна. Остальные кто прохаживался, кто разговаривал. Ждали актеров. Вот и они стали подходить. Лилия, войдя, сразу же отыскала меня взглядом, подбежала, бросилась мне на шею, на два-три мгновения прилипла губами к моей щеке, тут же отпрянула и, заглядывая мне в глаза, стала спрашивать:

— Ну как тебе? А? Как? Понравилось?

У меня плыла голова от запаха ее волос, от исходящего от нее сияния, опять же незнакомого мне, от всей ее нарядной красоты: сейчас она была не в деловом костюме, а в выходном, нежно-розовом, неброском, но очень идущем ей, как и вся ее одежда, — чем больше к ней приглядываешься, тем больше нравится.

— Да как... Нормально... — отвечал я, улыбаясь, наврное, глупо, испытывая неловкость от того, что на нас, как мне казалось, смотрели все стоявшие в фойе. — Ничего... Очень даже... Да...

— Ну, я рада!

Послышался голос Причудиной:

— Рассаживайтесь, рассаживайтесь все!

— Лилия Николаевна! — подошла к нам Зубарева и взяла мою жену под руку. — Пойдемте, сядем рядом, я вас подробно проконсультирую. — И кивнула мне, коротко и дружелюбно улыбнувшись: — Извините.

И увела ее к столу. Мимо меня проходила Анна Яковлевна.

— Вот видите, как быстро я угадала, кто ваша жена! — сказала она, останавливаясь. — И знаете почему?

— Почему?

— Когда она сидела на сцене, то всё время смотрела на вас.

— Да что вы говорите!

— Могу вам точно сказать, она вас обожает!

— Да?

— Вы счастливый человек! И, между прочим, — лукаво сощурилась Анна Яковлевна, — я ее очень хорошо понимаю! — И засмеялась звонким чистым смехом. — Ну что, поухаживаете за мной за столом?

— Обязательно.

— Ну, так пойдёмте!

За столом я шутил и острил, накладывая салаты в тарелку Анны Яковлевны и в свою тарелку. Сидевший напротив меня критик Постников встал, держа в руке прозрачно наполненную, искрящую хрустальными гранями стопку. Как я понял, на подобных мероприятиях он всегда выполнял роль тамады. И сейчас сказал короткий отточенный тост. А когда все выпили, спросил меня, уже закусывая и указывая на мою нетронутую стопку:

— А вы почему не упражняетесь?

— Я за рулем.

— Но вас никто и не заставляет пить за рулем! Пейте за столом. А потом садитесь за руль и поезжайте с миром! — Постников захохотал и тут же сказал, как бы оправдываясь: — Это не я придумал, это шутка одного известного актера.

Я, глядя на него с улыбкой, поднял стопку и пригубил, показывая, что оценил шутку. Очень быстро за столом наладился разобщенный разговор, прерываемый лишь призывным стуком вилки о фужер и новым тостом Постникова. Мне с трезвой головой легко было одновременно ухаживать за Анной Яковлевной и наблюдать за теми, кто сидел за столом.

Увы, как я заметил, не все в народном театре «Беловодье», вопреки утверждению Причудиной, полюбили мою жену Лилию. Вон та, например, сидевшая с краю женщина возрастом под сорок, сыгравшая помещицу, поглядывала на нее с неприязнью. И самая молоденькая, исполнявшая роль невесты Аксюши, иногда бросала в сторону моей жены недвольный взгляд, и вновь опускала его, и сидела понуро, вяло ковыряя вилкой в тарелке. Так, должно быть, подействовал на них успех Лилии. Зато сидевшие напротив меня двое парней примерно моего возраста не сводили с нее глаз, то и дело по очереди что-нибудь спрашивали у ней через стол или что-нибудь ей говорили, так что продолжавшая консультировать ее Зубарева вынуждена была отрезать им:

— Ребята, не мешайте!

Один из этих парней, массивный, высокий, сыграл роль благородного актера Несчастливцева. Он ходил по сцене в шляпе пасечника и в длиннополом пальто цвета хаки, выламывая из своего юношеского голоса степенный бас: «Как мы попали в этот сыр-дремучий бор? Зачем мы, братец, спугнули сов и филинов?» В те минуты на его лице, на самом деле абсолютно гладком, была черная широкая борода и густые бакенбарды. Второй, невысокий и щуплый, играл актера Счастливецва, и его лицо, тоже безволосое, украшали лихо закрученные усы и остренькая мушкетерская бородка. Мне стало интересно, и я спросил у них, кем они работают. Оказалось, массивный — монтер по ремонту телефонных сетей, а щуплый — сварщик ЖКО. Я поинтересовался, не трудно ли им совмещать работу и занятия в театре, и оба ответили, что нет, им нравится, и даже посоветовали мне влиться в их коллектив. «Только этого мне еще не хватало!» — подумал я. И встал со словами:

— Извиняюсь, но вынужден исчезнуть. Работа.

Кто-то начал дежурно уговаривать меня остаться, только Анна Яковлевна отнюдь не дежурно, даже придерживая меня за рукав, но я, попрощавшись, двинулся к выходу, никак не ожидая, что Лилия тоже встанет.

Но она встала, как раз когда я проходил мимо нее, и сказала, что уходит со мной. Я остановился. Послышались недовольные возгласы и начались уговоры уже самые искренние. Я положил руку Лилии на плечо и слегка надавил, пытаюсь усадить:

— Да оставайся ты. Оставайся. У меня-то работа, правда!

— Нет. Я с тобой. — Это прозвучало с такой убедительной твердостью, что, я думаю, сам Станиславский не сказал бы: «Не верю!» Во всяком случае, больше ее уговаривать не стали. Зубарева достала из своей сумочки визитку и протянула ей:

— Звони мне, Лилия. Я очень хочу, чтобы ты была с нами!

Когда мы сидели в машине, и я выворачивал на улицу Льва Толстого, самую широкую из всех улиц Новосёловки, Лилия сказала:

— Останови где-нибудь. Поговорить надо.

Я немного проехал, свернул на узкую улочку и остановился неподалеку от супермаркета. И ждал, что она скажет, глядя то на нее, то сквозь ветровое стекло, на девятиэтажные дома, на деревья и газоны, на ходивших по тротуарам людей, на одетых в джинсы и белые тенниски двоих молодых супругов, дружно толкавших через улочку коляску на толстых колесах, между которых, взявшись за перекладину, топала девочка лет трех в синих штанишках с ляжками накрест, в белой маечке и в апельсиновой панамке. Лилия сидела, наморщивая лоб и кусая губы в напряженном раздумье. По ее лицу плавали тени от листьев, и когда в потемневшую синь ее глаз попадало солнце, ее глаза взблескивали тусклым глубоким блеском. Вряд ли бы я смог припомнить случай, когда она была так мрачна и серьезна.

— Ну и что мне теперь делать? — наконец, проговорила она. — С этим свалившимся на голову... не знаю уж... подарком ли, несчастьем?

Я ответил:

— Тебе решать.

— Почему мне? — спросила она жестко, сверкнув на меня глазами. — Я одна, что ли? Я незамужняя? Кто у нас в доме хозяин? А?.. Нет уж, дорогой, ты тоже давай... В «Топазе» высказывали мнения. Вот теперь давай ты выскажи свое мнение. Стоит ли мне лезть в это или нет?

— Но ты-то сама хочешь работать в театре? Помнится, ты говорила, что не любишь театр.

Она усмехнулась:

— Да, когда не понимала, что это такое. Когда не понимала, какое это чудо — театр!

— Ну, вот и иди в театр!

Чтобы сказать это, мне пришлось сделать усилие над собой. Но что мне еще оставалось после увиденного сегодня? Нет, не хотел я кривить душой. И сказал просто:

— Если тебе нужно мое мнение, пожалуйста. Я считаю, стоит. Для тебя это будет, как сказал бы твой отец, в калах.

Она посмотрела на меня, взгляд ее потеплел, на губах появилась улыбка. Она вздохнула, мне показалось, с облегчением, но лицо ее тут же снова стало серьезным:

— Но я же окончила институт. У меня теперь есть возможность карьерного роста.

— Тебе что, предлагают повышение?

— Нет пока, но...

И снова я не хотел кривить душой. И потому сказал, перебивая ее:

— А так ли уж велики эти твои возможности? Много ли ты можешь вспомнить о своей работе, кроме постоянных заморочек?

Она помолчала и ответила:

— Да, ты прав. В банковском деле я не очень-то преуспевала. Как-то не получалось ладом, не знаю даже, почему. Вроде старалась, стремилась... Но ведь если идти в театр, придется бросать работу! Правда, еще поступить надо... Но мне сейчас эта женщина... Она актрисой работала, теперь преподает... Она мне всё объяснила. Можно успеть подготовиться и поступить. Но там же пять лет учиться! Тебя устраивает жена-студентка?

— Мне без разницы.

— Значит, готов меня содержать?

Я засмеялся:

— Лиля, ну о чем ты говоришь? Мы и сейчас могли бы спокойно жить без твоей зарплаты. Обещаю, даже если, например, мы в течении этих пяти лет расстанемся, у тебя не будет никаких материальных проблем. Можешь мне верить!

Она вздрогнула и медленно повернулась ко мне:

— Я не поняла... Ты о чем? Что значит — расстанемся?

Я смутился, но тут же опять засмеялся:

— Да это я так, к примеру!

Она смотрела на меня пристально.

— К примеру! — повторил я, отводя взгляд и продолжая смеяться. *«Никак нельзя засветиться сейчас, всё должно оставаться по-прежнему!»*

— Не очень ловкий пример... — сказала она, наконец. — В общем, как я поняла, ты согласен, чтобы я пошла учиться на актрису?

— Согласен.

— Хорошо. Ты сказал. — Она смотрела вперед. Молодые супруги уже перекатали коляску через улочку и стояли на тротуаре. Жена, достав из коляски младенца в синем одеяльце, поправляла ему шапочку, потом поправляла что-то в коляске; а муж, присев на корточки, застегивал дочке пряжку на сандалетке. — Скажи, а детей тебе не хочется?

— Пока нет. — Тут уж я покривил душой.

— А вот мне уже хочется, — сказала она. — И опять придётся откладывать... Но... Раз ты не против, будем считать, решили. Хотя я еще подумую. Уж больно как-то всё неждан-

но... И потом, если начинать готовиться, то ведь надо брать отпуск... Ну да ладно, хватит на сегодня об этом! — И она, посмотрев на меня, заулыбалась: — Знаешь, что, муженек? Сегодня такой день! Праздник! Давай-ка закупим всё для шашлыков, а потом — коньяк, икру, тортик, что-нибудь еще и — в наш Распадочек! А?

— Мне на стройку надо.

— Да не провалится без тебя стройка! Сегодня суббота или что, в конце концов? У меня же такой день! Давай звони им и говори, что не можешь!

М-да, на самом деле я бы затруднился сказать, кто у нас в доме хозяин.

Но так вдруг самому захотелось в Распадочек! Это лучшее место на свете! Не очень близко отсюда, но и не особенно далеко. Мы называли так поляну-низинку с густой травой и ягодником, затерянную в лесах, среди берез, осин, кустов орешника и шиповника. Кроме нас, там никогда никого не бывает: сколько ни ездили, всегда только наше кострище. И проехать от нее до гаражей можно по диким лесным дорогам, так что будь ты хоть в дым пьяный, никто не остановит.

— Ну хорошо, — сказал я, доставая телефон и оправдываясь перед собой: *«Да что уж там, последний раз»*. — Только... Давай коньяк брать не будем.

— Почему?

— Лучше сухого вина.

— Ну, сухого, так сухого.

11

Однажды я видел, как выпустил стрелку кактус, стоявший в горшочке на подоконнике в моем родительском доме. Стрелка тут же расцвела, и унылый темно-зеленый ком с бороздками и мелкими колючками украсился красивейшим нежно-розовым цветком. У нас в классе была маленькая невзрачная девочка, подолгу стоявшая у доски с беспомощно-растерянным взглядом, направленным на линии и буквы геометрической задачи или на какое-нибудь длинное слово для фонетического разбора; мелок в ее руке, кажется, так ни разу и не коснулся доски; невесть как ее переводили из класса в класс; в конце концов она бы, наверняка, застряла, но как-то раз на уроке физкультуры в гимнастическом зале, выполняя упражнения на перекладине, она неловко зацепилась за нее ногой и в мгновение наступившей тишине, столь же тягостной, как и в минуты ее простаиваний у доски, полетела вниз, мимо расстеленных матов; казалось, удар головой об пол неизбежен, но она каким-то непостижимым образом су-

мела сгруппироваться в воздухе, и удар последовал не головой, а ногами, влипшими в пол четко и твердо; учитель физкультуры смотрел на нее в оцепенении, но его помертвевшее лицо быстро оживлялось; он отвел ее в сторону, долго о чем-то с ней говорил, заставлял прогибаться назад, поднимать ноги; вскоре эта девочка исчезла из нашей школы, а года через два мы уже смотрели по телевидению, как она на международных соревнованиях делала сальто на бревне, крутилась на брусьях, стремительным колесом проносила по ковру. У нас в автодорожном институте учился один парень, который странным образом умудрялся, живя в общежитии, жить как бы и отдельно от всех: в комнате, скажем, вечеринка, застолье, а он сидит у окна на стуле, забросив ногу на ногу, и рисует на ватмане, наложенном на лист фанеры; он не отказывался, если ему предлагали выпить, и всегда охотно участвовал в застольных разговорах, ни на секунду не прекращая своего занятия, которое называл «отдыхом от дневной сутолоки», «тренировкой творческого начала» и «медитацией»; он никогда не замыкался в себе, наоборот, был очень общителен и с удовольствием рассказывал об этом своем увлечении, орнаменте; институт он окончил с отличием, а его орнаменты теперь известны во многих странах мира, хранятся в музеях и в частных коллекциях.

И это, и другое (тот же, к примеру, проект нашей «совушки», выполненный Тасей-архитекторшей) вспоминалось мне, когда я наблюдал за Лилией в период ее, так сказать, вхождения в новую профессию. Определенно, есть какая-то прелесть в людских аномалиях, в выходящих за грань нормы человеческих качествах, даже если они отпущены тому, кого ты не уважаешь, а я не уважал свою жену, я был уверен, что сумел узнать ее насквозь, «вскрыть, как консервную банку». Но восхищаться ею я не переставал. И много раз ловил себя на том, что непроизвольно люблюсь ею...

На фестивале народных театров она получила приз за лучшее исполнение женской роли второго плана. А Причудина была признана лучшим режиссером. Тогда-то их и показали по телевидению — в той театральной передаче, которую случайно посмотрел Фрол. Театральный критик Евгений Постников напечатал в одной из городских газет большую статью о фестивале, где назвал Лилию «открытием Галины Причудиной», «ваятельницей сценического образа» и так далее. Он сам дал мне эту газету, когда пришел к нам в «Кардан» за своей отремонтированной машиной.

Наверное, дух театра просочился и в меня, иначе почему же то время вспоминается мне, как протекающее на сцене

действие, где вначале, сразу после того, как открылся занавес, Лилия сидит в нашей комнате за столом, заваленном школьными учебниками, и штудирует их. Сценарий действия составлен из тех коротких, бликующих в памяти яркими вспышками эпизодов, что вкраплены в затянутый и монотонный текст моего трудового бытия. Вот Лилия вскакивает из-за стола и идет открывать мне дверь. Уже поздно, ее глаза воспалены, а учить еще так много. Но время есть: она в отпуске. Ей приходится ездить брать уроки танцев и уроки пения. Вот картина меняется: она, смеясь и прижимая к уху телефон, звонко кричит мне:

— Я поступи-и-ила-а-а!

Выясняется, что в этом году курс набирал ведущий актер областного драматического театра, и учиться Лилия будет не только в институте искусств, но и в самом театре.

Вот она кладет на стол, где уже нет учебников, трудовую книжку:

— Уволилась. Учти, ты обещал, что не будешь в претензиях!

Буквально через два месяца трудовая книжка уплывает в сумочке Лилии в театр. Перед этим она говорит:

— Меня зачислили в труппу. И дали ставку. Я буду и учиться, и работать на сцене.

— О, так ты теперь сама себя можешь содержать! — как бы шутливо говорю я. — И большая там ставка?

— Нет пока. Мне еще только эпизодические роли дают. Одна премьерная, два ввода... Послезавтра спектакль, премьеры. Чтоб был, обязательно! Я в кассе пригласительный оставлю!

— Что ж, приду... А интересно, у вас всех студентов берут в труппу?

— Нет, из нашего курса пока взяли только меня. — Сказала просто, без бахвальства.

Картины ее эпизодических ролей бликуют в памяти особенно яркими вспышками: секретарша в огромных очках и в платье с пальмами и солнцем, непомерно замедленные движения которой то и дело сменяются запредельной суетливостью; полуспившаяся растрепанная женщина в рваном пальто, резиновых сапогах, с синяком под глазом и с торчащей из угла губ смятой папиросой; размалеванная девица, одетая в голубую обтягивающую форму для бодибилдинга и в толстые белые гетры, с прической, напоминающей свекольную ботву. В каждом спектакле у неё очень мало слов, но произносит она их всегда по-разному, и сама всегда разная, поразительно разная! *«Не мудрено, что невозможно было ни в чем ее заподозрить»*. А ближе к весне уже и первая более-менее

приличная роль: в мужском костюме семнадцатого, что ли, века, в плаще и ботфортах, в шляпе с пером, со шпагой на боку. И великолепные стихотворные слова: «Заказанный для темных глаз / Атлас — теперь послужит светлым. / Жизнь поклялась: все будет пеплом...»

Весной этот спектакль посмотрел режиссер из Санкт-Петербурга Глеб Агафонов, которого главный режиссер нашего областного драмтеатра Станислав Петровцев пригласил на постановку «Чайки».

После спектакля Агафонов сразу отправился в примерку к Лилии и сказал:

— Приходите ко мне завтра на репетицию.

Лилия не стала задавать никаких вопросов, кроме единственного:

— А главный режиссер знает?

— Я ему скажу, — ответил Агафонов.

Всё это известно мне частью от Лилии, частью из прессы. Не могу сказать, что я как-то особенно стал тогда интересоваться театром, просто и раньше всегда читал в газетах и смотрел по телевидению городские новости.

Итак, Лилия пришла на репетицию пьесы Чехова, и Агафонов дал ей текст и попросил прочитать монолог Нины Заречной: «Люди, львы, орлы и куропатки...»

Лилия настроилась и прочитала.

Агафонов тут же сказал, обращаясь к исполнительнице этой роли, одной из ведущих актрис драмтеатра Инне Хозариной:

— С сегодняшнего дня будете репетировать вдвоем.

— Что, что? — не поняла Хозарина.

— В очередь играть будете.

— Че-го-о? — взвилась Хозарина. — Это с кем я должна играть в очередь?! С этой, которая еще ничего не может?!

— Что значит — не может? — Агафонов посуровел. — Помоему, сейчас все слышали...

— Да ладно уж... — Лилия положила на стул текст и повернулась, чтобы идти, но Агафонов резко остановил ее:

— Подождите! Будете репетировать! Всё! С главным режиссером я договорился.

— Инна, опять ты за свое? — укоризненно сказала Хозариной пожилая актриса, игравшая Аркадину. — Мы уже так устали от твоих скандалов! Глеб Федотович говорит в очередь, значит в очередь...

А Хозарина голосила:

— Ах, вы и с Петровцевым договорились?! Ну ничего, я с ним тоже поговорю!

И пошла из зала. Агафонов примиряюще кричал ей вслед:
— Инна Артемьевна, но вас же никто с роли не снимает!
Успокойтесь и пойдемте работать!

Хозарина не вернулась.

— Э-эх, жаль... — сказал Агафонов. — Хотя роль-то у ней, конечно, не задавалась...

— А она, между прочим, — кивнула пожилая актриса на Лилию, — делает это лучше нее!

Сидевший с ней рядом актер, игравший Тригорина, степенно покивал в знак согласия.

— В том-то и дело, — вздохнул Агафонов.

Хозарина пришла в кабинет главного режиссера, подняла шум и написала заявление об уходе. Она, должно быть, думала, что ее станут уговаривать. Но Петровцев подписал заявление. Это стало полной неожиданностью для всех, ведь Хозарина была занята не меньше, чем в половине спектаклей репертуара, и в основном играла большие роли. Она ушла в муниципальный театр «Ярус». Петровцев стал вводить других актрис на ее роли, и три из них отдал Лилии. Ей приходилось с утра до ночи пропадать в театре, а надо было еще успевать учиться в институте. Домой она приходила к полуночи, а то и за полночь, когда я уже спал, а поскольку утром я уходил, когда еще спала она, то получалось, что и виделись мы не каждый день. Если же она приходила, когда я еще не спал, то говорила устало:

— Хочу только уснуть, больше ничего... Как мне тяжело! Никогда еще такого не было!

Но в глазах ее сквозь утомленно-сонную муть проблескивали искры самого что ни на есть ядрёного счастья.

12

У меня тоже работы хватало. Мы, как и следовало ожидать, не успели закончить строительство «совушки» к январю, из-за уймы всяких мелочей протянули до середины марта. Потом еще два с лишним месяца ушло на оборудование цехов, но в конце мая мы все-таки открыли наше новое здание, торжественно, с уличными транспарантами, с песнями в исполнении местной попсовой группы между краткими выступлениями главного архитектора города Лунёва, президента Че-банка Вырезкова, представителя мэрии Хорьковина, депутата горсовета Чешуйникова и прочих гостей; с разрезанием красной ленточки, брифингом (частично показанном в тот же день в записи по телевидению) и обширным застольем одновременно в банкетном зале и в офисе на втором этаже, можно сказать, в сердце «совушки», где из окон видна

вся развязка дорог и ведущая к ней из центра города широ-
ченная улица Кутузова.

Для нас с Фролом и Славой началась новая жизнь. В пер-
вый наш рабочий день в «совушке» мы специально вышли из
нее, пересекли улицу и долго стояли, любуясь ею. Над ее ок-
руглой верхушкой-«головой» с похожим на корону словом
«Кардан» из крупных букв рубинового цвета плыло в небе сол-
нце, верней, плыли гонимые ветром полупрозрачные облачка,
не скрывавшие, а лишь чуть затемнявшие солнце, и казалось,
будто это оно, солнце, плывет, а наша «совушка» парит под
ним. У «совушки» было большое цилиндрическое «туловище»
в бежевом облицовочном кирпиче, с узкими окнами по всей
окружности вверху и просторными, на полкруга, витражами
внизу — с двумя входами, один — к проходной и лестнице,
ведущей наверх, в офис, второй — в магазин, где и запчасти, и
любые модели охранных систем, и дополнительное оборудо-
вание. В раскинувшихся по обе стороны от туловища «крыль-
ях» располагались помещения цехов ремонта, шиномонтажа,
установки оборудования, диагностики, «хай-фай», участка
мойки, химчистки и полировки... Машины клиентов уже тес-
нились на парковке, окаймленной прямоугольными цветоч-
ными клумбами (постарались спецы-дизайнеры, сделали нам
ландшафт!). А с парковки, соблюдая очередь, машины въез-
жали в синие рифленые ворота с вертикальным подъемом...

— Нет, ну точно внешний вид влияет на успешность биз-
неса! — весело говорил Слава.

— А ты думал! — усмехнулся Фрол.

— Привлекает клиента, да активно! А вдобавок еще вон, —
показал рукой Слава на стоявшую поодаль, через дорогу от
нашего здания, автозаправку. — Это вообще для нас по делу!

— Ну, это-то случайно получилось, — сказал Фрол.

— Зато, как пишут журналисты, сие место теперь можно
называть оазисом автолюбителя!

— А закругление это у «совушки», а? Норма-ально!

— Еще бы! Повторяет изгиб Кутузовской...

— Хорошо это твой тесть придумал.

— Да и все другие коррективы Лунёва по делу!

Они говорили между собой, стоя по обе стороны от меня,
Фрол — справа, на полголовы ниже меня ростом, Слава —
слева, ниже почти на голову. Я положил руки им на плечи и
слегка придвинул к себе. С ними теперь только и было мне
уютно и спокойно. Перед нами проносились машины, обда-
вая нас выхлопными газами, но порывистый ветерок, дув-
ший сзади, тут же уносил их, заменяя запахом бурьяна. Взгля-
нув на него, Слава сказал:

— Надо это место облагораживать!

Действительно, бурьяна было много, он занимал всё газонное пространство, а подальше росли корявые запыленные клены, и за ними виднелись исцарапанные и исписанные мелом и красками железные гаражи, из-за которых носилось дребезжанье трамвая.

— Фрол, надо взять эту пустошь! — говорил Слава. — Давай расширим авто-оазис, соорудим здесь пункт отдыха для шоферов! Чтобы там был игровой зал, мини-бассейн, комната, где можно вздремнуть, сауна, массажная...

Вместо ответа Фрол двинулся с места, и мы пошли через дорогу к нашему зданию. Я так и держал руки на их плечах; мы шли плотненько, машины останавливались перед нами: здесь был знак пешеходного перехода. Слава развивал свои идеи, а Фрол молчал, довольно мрачно. Мы обогнули наше здание и вошли во двор через калитку в блестящем на солнце хромированном металлическом ограждении. Во дворе стоял большой склад, который мы уже окрестили «амбаром», и оранжевая будочка автоматизированного теплоузла. Слава кивнул на свободное заасфальтированное пространство:

— А здесь, я думаю, надо сделать детскую площадку. Песочница, качелька, какой-нибудь ослик из железных прутьев. Для детей клиентов. Ну, и для наших детей.

Месяц назад у Славы родился сын. Светловолосый голубоглазый Слава источал свет и радость, смотреть на него мне было отрадно.

Мы вошли в шумящую мойку, прошли мимо стеклянной двери кафе, где в углу под потолком на большом экране плазменного монитора несколько красавиц в синих шапочках и узорчатых купальниках синхронно вскидывали руки над зеленой рябящей водой; сидевший за столиком мужчина, попивая кофе, глядел сквозь большой оконный проем на свою машину, с которой двое рабочих в одинаковой светло-синей спецодежде счищали шлифовальными машинками дорожный налет.

— Ну так что? — сказал Слава Фролу, когда мы поднялись в офис. — Одобряешь, нет? Будем расширяться?

— Будем, но не сейчас, — сказал Фрол, усаживаясь за свой директорский стол.

— Почему?

— Сейчас времена... это... паршивые... — Фрол помрачнел еще больше, слова пошли из него с трудом, так бывало всегда, если что-то не на шутку начинало его тревожить. — Там... это... скоро... придут трудности...

— С чего ты взял?!

Фрол не ответил, лишь на несколько секунд задержал на Славе сумрачный взгляд своих глубоко посаженных глаз. Слава не выдержал его взгляда и отвернулся, а Фрол сказал ему:

— Снимай весь остаток со счета... это... полста семь, и... там... закупай... Весь, короче, амбар забивай резиной... Там на остальное... усилители, сабвуферы... Бери!.. Значит, а это... Стоянку продаем. Срочно, за восемнадцать.

— Ты же хотел дождаться, когда они дадут двадцать, — удивленно посмотрел на него Слава.

— Нельзя. Надо срочно! Это цена... нормальная... и так вон во скольк больше, чем брали... Счас главное взять за нее... это... быстрее... лучше прямо завтра... Своих денег оттуда, — Фрол глянул в окно, видимо, соображая, в какой стороне запад, и гребанул к себе рукой, — добираем и весь, весь долг отдаем. Вырезку, чтоб на нас ничё не висело... А расширяться... Нет. Пока нет. Как бы... это... как бы еще сужаться не пришлось...

— Ну, а человека-то берем? — спросил я. — Ты ж собирался!

— Человека, да. Берем... Нужен... Этот... — Фрол заглянул в какую-то бумажку. — Вот... Отрошенко Владимир Николаевич. Твой коллега, — посмотрел он на меня. — Главным инженером был... Ну, разберешься, в понедельник придет... В курс введи... Дадим ему должность... там... начальника производства... Пусть отвечает за ремонт.

Он замолчал. Слава, чуть выждав, сказал:

— А сами-то отмечать наш переезд будем, нет? Я предлагаю завтра ко мне, семьями. Во-первых, суббота. Во-вторых, вы из-за всей этой толкотни так и не видели еще моего Андриюшку! Давайте ко мне, а?

— Я — за, — Фрол улыбнулся.

— А ты? — посмотрел на меня Слава.

— Я тоже, но...

— Что?

— Один, скорей всего, приду. Жена вряд ли сможет.

— А мы ее сагитируем! — Слава достал свой мобильный телефон и протянул мне: — Набери ее номер!

— Да зачем...

— Давай, давай!

— Ну, тогда звони с моего. — Я достал мобильник, нажал быстрый вызов и дал Славе.

— Алло! — крикнул он. — Лиля?.. Да нет, это не Витя, это Слава Тимачев! Не помешал я тебе?.. А где ты?.. В театре? Репетиция, что ли? А, в буфете, перерыв... Ну, ну. Наше место в буфете! Ха-ха!.. Слушай, я хочу персонально пригласить тебя на смотрины моего сына. Ну и заодно отметим открытие

нового здания нашего центра... Завтра... В три часа... Сможешь? Отлично! Что? А, даю! На, — протянул он мне телефон. — Что-то сказать тебе хочет.

И я услышал ее голос, прерываемый обычными помехами:

— Витя, я сего... поздно... ду, ты не жди меня, ложи... ..ать... А завтра у меня утренний ...акль, и я отту... ..азу к Славе. Понятно?

— Понял. Пока. — Я отключился. — Придёт.

13

И на следующий день, когда мы уже сидели за столом в Славиной квартире и всюю праздновали, она пришла в легком белом костюме и белых туфлях, с новой прической: прямая редкая челка, от висков падают, пружиня, спиралевидные завитки, на макушке замысловатый узел (видно, ихний тупейный художник постарался).левой рукой она прижимала к груди букет роз в цветной целлофановой обертке, в правой держала за веревочку коробку с тортом. Из белой сумочки, ремешок которой был перекинут через плечо, выглядывало обернутое золотистой фольгой горлышко бутылки шампанского.

— Ой, какой ты стала королевой! — восхищенно говорила Светлана, жена Фрола, женщина нашего возраста, но уже довольно полная, и тем не менее по-прежнему красивая, черноглазая, с густыми золотистыми волосами. Она гордилась своим потомственным происхождением от сибирских казаков и нередко об этом упоминала. Было уже заметно, что она беременна. Стало быть, скоро Фрол станет отцом троих детей. — К тебе теперь и приближаться-то страшно!

— А ты не страшись, приблизься! — смеялась Лилия, обнимая и целуя Светлану. — Ну, поздравляю! — сказала она, вручая цветы Гале, жене Славы, хрупкой и мильной, с почти такими же, как у Славы, светлыми волосами, только они у ней были не прямыми, а завивались кудряшками. На вид Галя была очень молоденькой — и не подумаешь, что уже мать.

— Держи! — Лилия отдала Славе торт и шампанское, повесила сумочку на спинку стула и сказала: — Ну, показывайте ваше сокровище!

Светлана повела ее к стоявшей в другой комнате кровати, и через две-три секунды оттуда послышался густой тягучий голос Лилии:

— А-а-ай, какое чу-у-удо! Андрю-юша, да ты просто я-яблочко наливно-ое! Какие у нас красивые гла-азки, какие умные гла-азки! Какие воло-осики... Ну прямо вылитый

папа! И какие мы молодцы, лежим и не плачем! Нет, ну вы только посмотрите, посмотрите, ка-аки-ие молодцы! Э-эх, Галочка, как же я тебе завидую!

Когда они вернулись, Лилия улыбалась сконфуженной улыбкой, на глазах у нее блестели слезы.

Мы сели и выпили за новорожденного. Светлана, глядя через стол на сидевшую рядом со мной Лилию, спросила:

— Лиль, а ты бы рассказала нам о театре, а? Это же так интересно! Я тут на днях про тебя по радио слышала. Там, правда, немного сказали, но очень хорошо! У тебя уже главные роли, да?

— Главных пока нет, — ответила Лилия вроде как нехотя.

— Ну, а потом-то будут же и главные? Ведь будут, да?

— Да вроде намечается...

— А что, что? Что намечается?

— Наш режиссер собирается ставить «Кроткую»...

— И ты там будешь играть главную роль?

— Наверное.

— Вот это да-а! — восхищенно протянула Светлана. — Вы только подумайте, с кем мы сидим за одним столом!.. Лиля, а ты можешь нам что-нибудь показать? Ну, изобрази что-нибудь, а?! Изобрази!

— Приходите в театр, там увидите.

— А можно?

— Конечно. Во вторник будет спектакль, я оставлю вам на кассе пригласительные.

— Ну что, пойдёмте все вместе? — Светлана обвела всех взглядом.

— Да у нас-то... — сказала было Галя, но Светлана перебила:

— Ничего, попросите бабушку, пусть посидит. В общем, во вторник все вместе идем смотреть Лилю!

— Хорошо, идем, — согласилась Галя, посмотрев на Славу, который тоже ей согласно кивнул.

— А сегодня ты кого играла? — поинтересовалась Светлана.

— Львицу, — ответила Лилия.

— Кого-о?

— Ну, это детский спектакль, сказка... Джунгли...

— Полный отпад!

— Ты приводи своих дошколят, — сказала Лилия Светлане. — Позвонишь мне... А где они, кстати?

— На улице играют, с нами им скучно. Слушай, Лиля, а ты скажи, как это тебя угораздило? С чего вдруг? Была экономистом, и вдруг — на тебе, актриса!

— Мне самой удивительно.

— Но ты же, наверно, хотела ею стать?

— Ни-ког-да!
— Ой, вре-ешь!
— Ну, зачем же мне лгать?
— Ну, ну, не обижайся... Верю! Хотя странно это... Ну да ладно... Просто я... — Светлана смущенно заулыбалась и сказала, вздыхая: — Когда-то я так мечтала стать актрисой, прям бредила! А там еще мать мне рассказала: мол, прабабка убегала из дома в какой-то императорский театр, а у нас-то в роду этого не жаловали, ну и насильно ее вернули... Ну, я думала, может, меня гены вытянут... И вы знаете, когда к нам приезжал театр Вахтангова и устроил... ну эти... приемные экзамены... в Щукинское, значит, первый тур... Я сразу туда побежала. А школу-то еще не окончила, только в десятый класс перешла. Но комиссии говорю: мол, всё, уже отучилась. Говорю: послушайте меня! Ну, они документов спрашивать не стали. Читайте, говорят. И я, представьте себе, читала стихи...

— А мне ты что-то про это не говорила, — сказал Фрол.

— Не может быть! Ты просто забыл!

— Ну и как? — спросил Слава. — Прошла?

— Нет, — смеясь, ответила Светлана. — Не вытянули меня гены!

— Постой, а там, в вашем городе... это... театральное есть, — сказал Фрол. — Что ж ты после школы-то не пошла туда?

— А я чувствовала: надо ехать сюда и поступить в автодор, чтоб встретить вот такого охламончика, как ты!

Все засмеялись, Фрол тоже.

— А знаете, и я в школе хотела стать актрисой, — сказала Галя. — И даже ходила в драмкружок. Причем, была уверена, что каждая школьница мечтает стать актрисой!

— А почему ж не пыталась ей стать? — спросил Слава.

— Потому и не пыталась.

Все опять засмеялись.

— Теперь вижу — не каждая, — добавила Галя, глядя на Лилию.

А Лилия сказала:

— У нас в театре есть актер, Александр Сергеев....

— Знаю! — воскликнул Слава. — Народный артист!

— Из казаков, между прочим, — сказала Светлана.

— Он ведет наш курс, — продолжала Лилия. — Так вот он как-то раз порасспрашивал меня, а потом говорит: «Ты — ошибка Мойры!»

— Чья, чья ошибка? — спросил Слава.

— Есть такие древнегреческие богини, Мойры, — начала объяснять Лилия. — Их три. Одна из них прядет нить жизни

человека, вторая направляет эту нить в определенное русло, то есть задает ему судьбу, а третья обрезает нить его жизни, и тогда он умирает. Так вот получается, вторая Мойра, ее зовут Лахесис, просто ошиблась, направила нить моей жизни не в ту сторону. Неверно задала судьбу...

— М-да, — сказал Фрол, почесав затылок. — Интересно было бы знать, много ли их таких... насчет которых... ну... ошибается эта самая Мойра?

— Хвата-ает, наверняка, — сказал Слава. — Но с Лилией-то ошибка уже замечена и учтена...

— Ай, да что мы всё обо мне да обо мне! — блеснув в воздухе вилкой, взмахнула Лилия руками, как дирижер перед увертюрой. — Хватит! Давайте о чем-нибудь другом!

— Но сначала выпьем за наш новый техцентр! — сказал Фрол, потянувшись к шампанскому.

Празднество продолжалось. Разговоры заводились разные. Светлана ни с того ни с сего вспомнила, как нас схомутали вымогатели. Фрол сразу одернул ее, и она спохватилась:

— Да, да, всё время забываю, что об этом не надо говорить... Но сейчас вот просто слушала Лилию и вспомнила, ка-ак она тогда переживала!

— Да неужели? — засмеялся я. — *Знаю, как она переживала!*

— Точно-точно! Звонила мне...

— Ай, не надо об этом! — опять взмахнула руками Лилия.

— Хорошо, хорошо, не буду! Но ты, Лилия, все-таки расскажи, как это у вас протекает — репетиции и прочее...

И так всякий раз: о чем бы ни заходил разговор, он возвращался к театральной деятельности Лилии.

Когда мы сидели с ней в такси и мчались по освещенным фонарями улицам, она после долгого молчания вдруг засмеялась и, как бы потешаясь над собой, сказала:

— О-о-ох!.. И ведь никогда, никогда не любила быть в центре внимания! Ну и угораздило ж меня!

14

В понедельник, как и обещал Фрол, к нам пришел Владимир Николаевич Отрошенко, высокий человек пятидесяти лет, с абсолютно лысой головой, морщинистым выпуклым лбом и острым взглядом из-под густых белых бровей. Он говорил отрывисто, быстро, но вместе с тем и очень внятно. Сразу было видно: привык отдавать распоряжения и не терпит лишних слов. Полтора года назад он расстался с заводом «Трансмаш», тем самым, где когда-то трудились мои тесть и теща, — то ли сам ушел, то ли сократили, я не понял, но факт,

что работал он там главным инженером и, видимо, был одним из последних, кто еще оставался на этом заводе, где теперь уже, возможно, и никого не было, кроме какого-нибудь кон- курсного управляющего.

Полтора года Отрошенко был безработным, стоял на учете на бирже труда, там и нашел его Фрол среди многих кандидатур. Фрол подписал Владимиру Николаевичу заявление о приеме на работу синим концом своего двухцветного карандаша, и я повел его по нашему техцентру, всё подробно объясняя. Он слушал молча, заложив руки за спину; лицо его было суровым, взгляд быстро перебегал с предмета на предмет, надолго задерживаясь лишь на людях. За этот час с лишним он не произнес ни слова, не задал ни одного вопроса, так что мне даже и непонятно было, доходит ли до него то, о чем я говорю. Но когда мы, обойдя, наконец, все цеха и участки, вышли на крыльцо, он заговорил о делах с осведомленностью, ничуть не меньшей, чем наша, словно создавал этот техцентр вместе с нами. Я был сражен наповал. Так быстро ухватить, понять, запомнить всё! Это, конечно, в калах. Уж тут-то Мойра не ошиблась. На несколько мгновений меня охватило огромное, всепоглощающее и довольно-таки неприятное изумление: да что же это за жизнь у нас такая, если вот этот человек — человек большого ума, ведавший технической частью завода-гиганта, вне всяких сомнений, способный успешно руководить таким заводом, оказывается безработным и вынужден устраиваться на предприятие малого бизнеса?!

— Вам всё у нас подходит? — спросил я его.

— Вполне.

— Кабинет свой видели?

— Отличный кабинет.

— А как вам оклад?

— Пойдет, — улыбнулся он неожиданно мягкой улыбкой, куда только и подевалась вся его суровость. — На «Трансмаше» я, бывало, по году и больше вообще ничего не получал, так что...

— Поработаете немного, мы вам обязательно повысим. Владимир Николаевич, у меня к вам просьба.

— Слушаю.

— Возьмите, пожалуйста, всё в свои руки на ближайшее время.

— Хорошо.

— А то у меня личные дела...

— Всё будет в порядке, Виктор Иванович, — сделал он успокаивающий жест рукой и опять мягкой улыбнулся. — Я ведь только этому и научился в жизни — держать всё в своих руках.

Никогда и никому не признался бы я, что это у меня за личные дела. А они, конечно, были всё те же: искать, искать новую жену! Я толком еще и не занимался этим, хотя решение мое оставалось твердым, я ни разу в нем не усомнился, но из-за нехватки времени поиски мои до сего момента носили, так сказать, спорадический характер, и всё, что мне удалось — пяток проходных знакомств с легким трёпом в кафешках и быстро истаивающими в памяти лицами. Но теперь свободное время появилось, и я взялся за дело всерьез.

Наш город с его полуторамилионным населением превратился для меня в охотничье угодье. Машина стала помехой, как лишняя тяжесть для охотника, но первое время необходимо было каждый день заезжать в «Кардан», проверять на всякий случай, всё ли в порядке, — поэтому я ездил на своей «семерке», углубляясь в каменные дебри, выплывая на гладь площадей, скользя по протокам проспектов, задерживаясь у плавней скверов, подруливая к болотинам пляжей... В каком-нибудь многолюдном месте припарковывал машину, выходил из нее и шел, переводя оптический прицел своего взгляда с одного женского лица на другое, пока в перекрестье не попадала та, которая на первый взгляд могла подойти, и тогда я вкладывал в ствол своей жадности обновить жизнь патрон заготовленного заранее вопроса и выстреливал: *«Не подскажите, как пройти в протезную мастерскую?»* — *«Понятия не имею»*. — *«Значит, у вас нет среди родственников инвалидов?»* — *«Надеюсь, никогда и не будет»*. — *«Извините, я хочу предложить вам сплавить во-он на тот островочек»*. — *«Я не купаюсь, только загораю»*. — *«И не скучно вам?»* — *«Не думаю, что с вами было бы интересней, даже и на сказочном островке»*. — *«Девушка, десятитысячную купюру не разменяете?»* — *«А разве есть такие?»* — *«У меня есть, только что напечатал»*. — *«Простите, с фальшивомонетчиками не общаюсь»*. Промахи, промахи. Поначалу я всё время мазал. Но был уверен: здесь, в городской суতোлке обретается *та, которая мне нужна*, и раньше или позже она обязательно встретится.

Три недели езды на машине не принесли ничего обнадеживающего. Отпадали уличные забегаловки, кафе, ночные бары, дискотеки, там отдыхал в основном зеленый пустой молодежь. Окончательно убедившись, что на Отрошенко положиться можно, что он правит «Карданом» уверенно и сильно, я стал ездить в городском транспорте, и сразу наклонилось знакомство как будто обещающее: пышная светловолосая риэлторша двадцати двух лет. Мне понравилось ее приветливое ослепительно-белое лицо с часто втягивающимися от улыбок во-

ронками ямочек на щеках. Но это знакомство увяло сразу после того, как она, покачивая высоким стаканом с бледно-малиновым коктейлем и весело-хитро шурясь на меня через стол, полунамеками поведала о каком-то своем бешеном любовном загуле, из-за которого вылетела из пединститута. Затем я познакомился с технологом молочного комбината, довольно-таки привлекательной девушкой двадцати девяти лет, именно девушкой, она сама сказала, что ни одного мужчины у ней не было, и я не мог не поверить — особенно после того, как она битых два часа на одной монотонной ноте, не давая мне вставить ни слова, напористо долдонила о своем недруге, мастере разливо-моечного цеха, женщине, как я понял, немолодой, но сумевшей в чем-то (я так и не понял, в чем) перебежать ей дорогу. У меня заболела голова, упало настроение, и я даже грешным делом подумал: *«А может, неверная жена не самое большое несчастье для семьянина? Эта, пожалуй, куда хуже!»*

Вдоволь наездившись в автобусах и троллейбусах по всем городским маршрутам, покада не начали встречаться попутчицы, с которыми уже заговаривал, я переместил акцент поиска на читальные залы областной библиотеки, стал пропадать в ней ежедневно. Что называется, засел в лабаз. Дней через десять, в течении которых я поговорил со многими читательницами, а заодно перелистал горы газет, журналов, пособий по автоделу и прочих изданий, в моем прицеле замаячил ожидаемый объект: женщина аккурат такая, какую я и рассчитывал встретить в этих стенах, — интеллектуалка. Я увидел ее на открытии выставки изданий из фондов библиотеки в фойе на втором этаже. Она была в повседневном темно-коричневом костюме, в очках с золоченой оправой; у ней был высокий чистый лоб и предельно простая прическа (пробор посередине в шатенистых волнистых волосах). Не красавица, но внешность приятная. Она стояла за спинами двух опрятных пожилых библиотечаршей с одинаковыми седыми косичками, на концах которых белели маленькие бантики. Библиотечарши рассказывали о старинных книгах и журналах, разложенных на столах и выставленных на стендах. Я потихоньку пробрался к ней и остановился рядом. Немного погодя, склонив к ней голову, тихо спросил:

— Извините, я не расслышал... Как она сказала?

— Журнал «Отечественные записки», — ответила она шепотом мне на ухо. — В том экземпляре, который она показала, Белинский напечатал начало «Былого и дум» Герцена.

Я хотел было задать еще вопрос, но она, серьезно посмотрев на меня снизу, поверх очков, приложила палец к губам:

— Тсс. — И шепнула: — Потом.

И когда настало это «потом», то есть когда библиотекарьши закончили знакомить присутствующих с выставкой и пригласили продолжить знакомство самостоятельно, я задал ей свой вопрос, и она сходу стала отвечать. Я подбрасывал новые вопросы, а она отвечала, энергично, с чудаконатой самозабвенностью, постепенно распаяясь, особенно когда я поощрительно кивал и удивленно качал головой: вот это, мол, познания! Глаза ее начинали гореть, на смугловатом лице выступал румянец, в нем таяла маленькая милая родинка под левым глазом и трепетно дрожал нежный пушок над уголками влажных губ. Мы переходили от стола к столу и от стеллажа к стеллажу, а потом как-то незаметно перешли в ее кабинет, где она взяла с полки толстый справочник и стала его листать, чтобы ответить на очередной мой вопрос. Тут-то и выяснилось, что она — научный сотрудник библиотеки, заведующая каким-то отделом, кандидат филологических наук. Все роившиеся в моей голове вопросы мгновенно улетучились, но меня все-таки хватило на то, чтобы преодолеть внезапный эмоциональный паралич и задать ей в лоб главный вопрос: замужем ли она. После долгой паузы, настороженно глядя на меня немного уменьшенными стеклами очков глазами, она прошептала: «Свершилось чудо дивное с тех пор...» — и спросила, для какой цели нужна мне эта информация. Я молча, выжидаяще продолжал смотреть на нее. И дождался-таки ответа. Оказалось, она на четыре года старше меня, но замужем не была: личную жизнь поглотила наука. Я тут же предложил ей отужинать со мной, и она, глядя уже не на меня, а на монитор компьютера, со скрипотцой в голосе ответила:

— Я подумую. Вы теперь знаете, где меня найти. Заходите.

Попрощавшись и выйдя из ее кабинета, я пошел по задумчивым просторам этого огромного строения, вспоминая, как живо мы только что общались, и с досадой думая, что если бы это происходило в каком-нибудь телесериале или современном ходовом романе, мы бы с ней в тот же день оказались в одной постели, а здесь — облом и никакой определенности впереди. А она, между тем, в процессе беседы не на шутку понравилась мне. Я выждал три дня и пошел к ней. Оказалось, она за это время приготовила для меня стопку книг. И сразу дала задание — прочитать их все, а там, мол, видно будет. Мол, прежде чем знакомиться основательно, необходимо выяснить, возможно ли между нами интеллектуальное согласие. Консенсус, так сказать. Она говорила это на полном серьезе. Мне стало смешно, но я не подал вида, взял книги, и дома полистал всех этих хильдебрандов, руи-

сов, чосеров, барборов и прочих древних авторов (она специализировалась на зарубежной литературе средних веков), а на следующий день отвез их в библиотеку и оставил на первом этаже, где записывают читателей, попросив сидевших там женщин передать ей. Я был изрядно расстроен, но жалел только о том, что мне вовремя не пришла в голову мысль предложить ей в ответ изучить несколько книг по автоделу. Для консенсуса, так сказать.

После этого библиотечный лабаз, разумеется, пришлось покинуть. А недели через две, в конце августа, я вынужден был закрыть и охотничий сезон: Фрол взялся названивать мне на мобильник по нескольку раз в день и выговаривать за «филонство в надвигающиеся тяжкие времена». Пришлось вернуться к делам. Я с трудом выходил из поиска; за три месяца он стал частью меня, верней, я стал придатком поиска. Я чувствовал: *«Никогда больше такого не повторится, даже если на следующий год открыть новый сезон, если всё не разрешится раньше, будет уже не то, а значит, вряд ли в мою небогатую впечатлениями жизнь когда-нибудь еще ворвется разом такая уйма свежих, а порой и сюрпризных впечатлений»*.

16

Времена-то действительно наступали нелегкие: начинался кризис. Везде говорили, что он накатывает из-за океана; я в это не вникал, но знал точно, что последние заводы, которые еще как-то работали у нас в городе, теряли остатки заказов, и на них шли сокращения. Денег у людей, естественно, становилось меньше, а у нас соответственно шел на убыль клиент. До нас доходили сведения, что уже были случаи, и немало, когда автовладельцы возвращали взятые в кредит машины. Росла плата за аренду, подсакивали тарифы на энергоносители, воду, тепло... Наши доходы падали, нужна была финансовая поддержка, но получать кредиты уже было невозможно, банки их попросту перестали давать, а если и давали, то под такие дикие проценты, что и смысла не было брать. К слову, президент Че-банка Вырезков воспользовался-таки нашей «домашней заготовкой»: опасаясь, что кредит не будет возвращен, изъял крупную сумму из оборота одной строительной компании, и она сразу остановилась. Другие банкиры последовали его примеру, и стройки стали останавливаться одна за другой по всему городу. Это в свою очередь отразилось на предприятиях, выпускающих стройматериалы, на фирмах, торгующих ими, на автотранспортных организациях, обслуживающих строительство, а в конечном итоге опять же наносило удар по нашему сегменту

рынка. Благо, у нас долгов не было: мы успели продать автостоянку и рассчитались с Че-банком за кредит. Но работать нам становилось всё трудней. *«И опять в глубине души зарождалась тоска, уже не та, невнятная, а обостряющаяся».* У большинства участников рынка были те же проблемы. Кто-то из них, очевидно, уповал на региональный Союз предпринимателей, работа которого неожиданно заглохла. Но нашлись активисты, сколотили инициативную группу и направили ее к председателю президиума Шпитаеву, после чего было назначено собрание. Оно проходило в здании бывшего управления угасшего сельского строительства (Шпитаев купил его, и теперь в нем размещались офисные и рабочие помещения его торговой фирмы.) Актовый зал был полон. Мы со Славой и Фролом сидели на заднем ряду, и я не без удивления осматривался. Раньше в этом зале тянулись ряды черных фанерно-гнутых откидных сидений, как в украинском кинотеатре, под потолком висели запыленные плафоны, а по давно не беленым и серым от пыли стенам тянулись трещины, напоминавшие реки на контурной карте СССР. Теперь все сидели на стульях, обитых зеленым бархатом, с удобными подлокотниками и высокими фигурными спинками (каждый стул походил на трон); с потолка, расписанного парящими в нежных облачках розоволицыми ангелочками, свисала старинная люстра; сцену обрамляла деревянная мореная резьба, а между окон в салатных морщинистых занавесках, над бронзовыми канделябрами, местами позеленевшими от времени, красовались в больших овалах портреты каких-то бородатых людей, что делало это помещение похожим на концертный зал консерватории.

На сцену поднялись и расселись за длинным дубовым столом члены президиума. Шпитаев восседал в центре. В двух-трех местах зала раздалась самостоятельные хлопки, не перешедшие в аплодисменты. Женщина-секретарь объявила о начале собрания. Шпитаев встал, вышел к трибуне и заговорил в микрофон:

— Господа! Все мы сейчас, надо это прямо сказать, переживаем... э-э... определенные...

Но тут кто-то крикнул из зала:

— Где твои обещания?!

Мгновенно поднялся гвалт.

— Ти-хо-о! — вскочил сидевший на первом ряду владелец группы компаний по производству пластиковых окон Ангаров, человек молодой и пышноволосый, но уже с полушарием живота, выступающего из расстегнутого черного бархатного пиджака и туго обтянутого кумачовой рубахой. Он вски-

нул руку и, как только зал стих, сказал: — Давайте зададим гражданину Шпитаеву вопросы по порядку. Позвольте это сделать мне.

Из зала послышалось:

— Давай!

— Банкуй, Ангар!

— Спросите, спросите его, Вениамин Парамонович!

Ангаров вышел на сцену и сказал, обращаясь к Шпитаеву:

— Не мы ли все вместе, Яков Петрович, пробивали строку в региональном бюджете на поддержание малого и среднего бизнеса?

Шпитаев быстро кивнул, отчего сверкнула его начинавшая запотевать лысина.

— Скажите, в таком случае, куда вот уже третий год уходят эти средства?

Шпитаев открыл было рот, но замялся. В зале снова поднялся шум, со всех сторон кричали:

— Говори!

— Колись!

— Где деньги задевал?!

И снова Ангаров призвал всех к тишине и сказал Шпитаеву:

— Но и из федерального бюджета выделялись финансы на эти цели. Конкретно нашему региону! Одному из немногих, между прочим! Нас поддержать хотели, пусть и небольшими деньгами, они и не могли быть большими, мы же с вами знаем, как относятся к нам: мол, вы предприниматели, зарабатывайте сами, а бюджет грузить нечего. Но перечисления были? Были. И где они? Где-е, ответьте?!

Ангаров впился взглядом в Шпитаева, лицо которого наливалось краской, становилось малиновым, потом томатным, и так до гранатового.

— Не можете ответить?! — грозно вопрошал Ангаров. — Хорошо! Давайте, друзья, временно абстрагируемся от этих, малоспособных как-то основательно поправить наши дела средствишек, и вспомним о нашем с вами фонде! О фонде регионального Союза предпринимателей! О фонде, в который мы все регулярно, по инициативе, между прочим, товарища Шпитаева, вносили оговоренный с вами на собрании процент с нашей прибыли, с прибыли каждого из нас. А это уже, уважаемые труженики рынка, серьезные деньги! Или я не прав? А, мэтр Шпитаев?

По залу прокатился шумок. Все смотрели на Шпитаева, а тот вытирал платком лысину... Ангаров, повышая голос, продолжал:

— Так почему же на счету фонда сегодня числится сумма, составляющая ровно четыре рубля шестьдесят восемь копе-

ек? А?! Почему-у?! Не вы ли, Яков Петрович, клятвенно заверяли всех нас, что в случае необходимости деньги из этого фонда будут выделяться фирмам нашего региона, находящимся в наиболее трудном положении?! Такая необходимость, как вы сами должны прекрасно понимать, настала, и довольно давно! Уже десятки фирм, фирмочек, компаний и компанюшек позакрывались из-за кризиса, и никому из них ни гроша не было выделено из этого нашего общего фонда! Но я точно знаю, что многие к вам обращались! Они хватались за соломинку! Взывали к вам о помощи! А вы? Вас невозможно было найти! До вас нельзя было дозвониться!

— Не пойму, почему Шпитаев вообще согласился на это собрание? — шепнул мне Слава. — Почему не сбежал? Может, и не виноват?

— Откуда... — сдавленно проговорил в микрофон Шпитаев. — Откуда данные о средствах фонда?

— Наш юрист пробил, — ответил Ангаров. — И могу вас заверить, это было не так-то просто. Информация, видите ли, оказалась закрытой! И это после ваших слов, сэр Шпитаев, об обязательной прозрачности фонда! Но нам удалось овладеть этой информацией, как и другой, которой, хотелось бы надеяться, вы с нами сейчас поделитесь. Расскажите, пожалуйста, что представляет собой планировка и внешний вид домика... Ой, прошу прощения! Не домика, а замка, который вы изволили воздвигнуть в районе Швейцарских Альп. Именно замка! Готика, видите ли... Всем хорошо-о известно ваше пристрастие к старине. — Он повел рукой, как бы предлагая собравшимся осмотреть зал. — Ну-с, рассказывайте же, граф Шпитаев!

Председатель президиума заговорил было:

— Дело, понимаете, в том...

Но его голос потонул в поднявшемся реве. Со всех сторон несло:

— А-а, во-он куда наши деньжата пошли!

— Думал, не вскрыется?!

— Да он втихую хотел! Не думал, что кризис бабахнет!

— А если б не кризис, оно б ему и сошло!

Шум нарастал. Но Ангаров больше не усмирлял предпринимателей. Он посмотрел в сторону входа и сделал приглашающий жест рукой. И тут же в зал стали входить молодые ребята. Они несли к сцене пачки стекла, мешки с сухими строительными смесями, с керамзитом, еще с чем-то; двое парней в синей форме охранников, с засунутыми под ремни топорами, несли деревянную дверь. Следом шли другие... Они поднимались на сцену и, согнав со своих мест членов президиума, опрокинув

стол и разбросав по сторонам стулья, начинали бить стекла, высыпать из мешков, поднимая тучи пыли, цемент и шпаклевку, рвать рулоны обоев, разбрасывать обесценившуюся одежду и обувь, слесарный инструмент и даже мелкую аудиотехнику. Охранники показательно рубили топорами дверь.

— Гляди-ите! Все-е смотрите, во что превращается сегодня наш бизнес! — долгоруковским жестом указывая на сцену и глядя на словно приросшего к кафедре Шпитаева, произнес Ангаров очень громко, трагическим тоном, и я подумал: «Вот кому Несчастливцева-то играть в народном театре!» — И вам, Яков Петрович, нет никакого дела до наших бед?!

Акция приобретала угрожающий характер, и Фрол сказал:

— Пора овес жать.

Мы поднялись и стали пробираться к выходу, слыша сквозь шум голос Ангарова:

— Но это еще не все! Мы прямо сейчас выберем новый президиум! А с гражданином Шпитаевым поступим так, как в дореволюционные капиталистические времена поступали рабочие с никудышным директором. Они вывозили его с территории завода на тачке!

Мы уже почти выбрались в проход, когда могучий длинноволосый мужик, смахивающий на попа и даже одетый в похожее на рясу черное пальто, вкатил в зал большую одноколесную тачку, наверное, позаимствованную для этой акции в «Музее кирпича», недавно открытого на Новоселовском стройрынке, директор которого тоже сидел в зале.

Пропустив мужика с тачкой, мы вышли под визгливые крики Шпитаева:

— У меня всё оформлено! Документально! Я могу хоть завтра предоставить вам полный отчет о расходах фонда...

Уже из машины мы наблюдали, как, сверкая на осеннем солнце, открылись стеклянные двери здания, и из них выкатили на тачке Шпитаева. Он сидел в позе отдыхающего, раскинув руки и подставив лицо солнцу, словно это была не тачка, а шезлонг; его нелепо задранные ноги быстро и не в лад сгибались и разгибались. Двое охранников с торчащими из-за ремней топорами, с силой толкнули за рукоятки тачку, и она, громыхая по ступенькам высокого крыльца, покатила вниз, съехала на асфальт, стремительно промчалась до газона и, ударившись колесом о бордюр, выбросила экс-председателя на пожухлую траву. Высыпавшие на крыльцо предприниматели хохотали, а Шпитаев, поднимаясь, вопил:

— Меня же из моей же собственности... Да как вы смеете! Людоеды! Люциферы! Оппортунисты заднего крыла! Я на вас найду управу! Я вас привлеку! Всех до единого! Все-ех!

Но судя по веселым лицам двух стоявших поблизости блюстителей порядка, никому никакими юридическими последствиями это не грозило.

Мы уже отъехали довольно далеко, как вдруг в кармане сидевшего сзади Фрола заиграла мелодия «Взвейтесь кострами». Он достал мобильник и включил громкую связь.

— Фрол Сергеевич! — услышали мы звенящий победной радостью голос Ангарова. — Что ж вы улизнули? Я вам кричал, кричал...

— А в чем дело?

— Я намерен предложить вашу кандидатуру в новый состав президиума! Можете не сомневаться, пройдете! Возвращайтесь, ждем!

Ангаров отключился. Слава остановил машину и спросил:

— Ну что, разворачиваться?

— Подожди, — сказал Фрол. — Дай подумать.

— А что там думать? Разве нам это повредит?

Фрол молчал, думал. Но недолго.

— Не, ну его... — сказал он. — Не надо нам... в этот ил... Потом не отмоемся... Вперед!

— Так нам никогда не подняться, — со вздохом врубил скорость Слава. — Дальше-то как будем?

— Как и раньше, — буркнул Фрол. — Крутиться.

17

...А жена моя, между тем, продолжала набирать силу в нелегком, а порой даже и мучительном процессе исправления ошибки Мойры. Театр по-прежнему занимал всё ее время, и мы опять же виделись не каждый день, но в июне и в июле не каждый день виделись уже не только потому, что она нередко приходила, когда я спал без задних ног, а еще и потому, что я время от времени, изнуренный «поиском», приходил, когда спала она, просыпаясь, если я что-нибудь с грохотом ронял. «А-а, и у тебя... загруз...», — сонно проборматывала она во тьме и тут же снова отключалась. В августе она была на гастролях в Кургане, а в сентябре пошла в отпуск, но весь месяц ушел на поездки, сначала на какой-то мастер-класс в Санкт-Петербург, затем на какую-то творческую лабораторию в Новосибирск, а потом главный режиссер Петровцев устроил ей стажировку в Москве у одной знаменитой старой актрисы, с которой хорошо был знаком по работе в столице (он и сам был москвич, а в нашем городе работал по контракту). Актриса, как рассказывала мне Лилия, поначалу встретила ее с прохладцей, сказала, что заниматься они будут, согласно договоренности, по два часа в день. Но когда Лилия под-

нялась на «мхатовскую» сцену и что-то сыграла для знакомства, старейшина русского театра неожиданно расплакалась, по-девичьи легко взбежала на сцену и обняла Лилию со словами: «Бог ты мой, вот так Стаська! Убил! Да это же я в молодости, только внешность другая... Но какой же, деточка, яркий и какой жаркий горит в тебе уголек! Свой уголек! Его надо, надо раздуть!» В тот же день, договорившись с начальством, она увезла Лилию в себе на подмосковную дачу, где они и провели всю стажировочную неделю.

— Она молодой сыграла в кино ту роль, которую я сейчас репетирую у нас в театре, — говорила Лилия, когда я вез ее на машине из аэропорта. — И я поняла... Теперь я знаю, как это играть... И вообще, мне так много дала эта стажировка! Чему только она не научила меня!.. Да, Витя, вот что. Мне надо, чтобы ты хотя бы иногда приходил ко мне на репетиции.

— Зачем?

— Надо! Приходи! Я скажу, когда.

— Да зачем?

— Мне это будет помогать. При тебе я буду максимально собрана. Это мне та великая актриса и посоветовала. Да у нас в театре и есть такое: на репетиции приходят мужья, жены... И прессу на репетиции приглашают...

— Но у меня нет времени! У нас теперь...

— Нет, нет! Обещай, что будешь! О-бе-щай!

— Н-ну... хорошо...

Ей всегда удавалось вытянуть из меня обещание. Да я вообще-то и сам по себе человек покладистый. А если уж пообещал, то делаю.

И уже через несколько дней я первый раз в жизни входил в здание театра со служебного входа. Сидевшая на вахте старушка в пестром мексиканском пончо, в розовом чепце, с бело-пуховым вязаньем в руках, услышав, что я к Чернобуровой, умиленно заулыбалась и сказала: «Лилечка предупредила» — и так долго и подробно объясняла, как пройти в зал, что я буквально через десять шагов заблудился и минут пятнадцать блуждал в сумрачных театральных лабиринтах, и мне хотелось закричать, как в лесу... Наконец, я толкнулся в какую-то дверь, за ней был мрак, но я пошел напропалую, веря, что где-то там впереди должен быть свет. И точно, вскоре различил свет и вышел в него... И тут же услышал знакомый мне, негромкий и удивленный голос главного режиссера Петровцева:

— Вы как там оказались, Виктор Иванович?

— Мой муж пришел посмотреть репетицию! — слышался голос Лилии. — Я вам об этом говорила, Станислав Владимирович!

Тут я увидел, что стою на сцене, а голоса идут из зала, из полумрака, в котором едва различаются ряды кресел и ярусы. Лилия выбежала ко мне на свет по проходу; на ней было светлое платье, какие носили во времена Пушкина: сверху в обтяжку, в талию, с глухим воротником и длинными рукавами, а книзу широченно расходится до пола, и внизу — две зигзагообразные черные полосы по кругу. Она поднялась на сцену, подбежала, смеясь и обдавая меня каким-то приятным, но вместе с тем и чужим запахом, прижалась ко мне и крикнула в зал:

— Тонь! Возьми там, пожалуйста, на кресле мой телефон и сфоткай нас! Когда-то еще доведется сняться на сцене с мужем!

Через пару мгновений из полумрака вышла подруга Лилии актриса Настенкина, молодая пышная дама с милостивым лицом, в длинном черном платье и в накинутом на плечи коричневом узорчатом платке с кистями. Она с приветливой улыбкой кивнула мне. Подойдя поближе к сцене, Настенкина стала снимать нас на мобильник Лилии, просила меня улыбнуться, но я, шутливо ссылаясь на то, что в таком месте не могу быть несерьезным, наоборот, старался нагнать на лицо хмурой сосредоточенности. Наконец, Настенкина вдоволь поснимала нас, и мы спустились в зал и пошли по проходу к столу, освещенному настольной лампой; там двигались какие-то тени, слышались голоса. Когда мы подошли к столу, главный режиссер Петровцев поздоровался со мной за руку. Это был далеко не старый, лет сорока с небольшим человек с приятным лицом и рыжеватыми волосами, настолько мягкий и интеллигентный в общении, что казалось, и голоса ни на кого не способен повысить, не то что опуститься до ругани или, тем более, до какой-нибудь там режиссерской тирании. Я читал в прессе, что этим он и актеров всегда располагает к себе и что главная особенность его работы заключается в умении сплотить их в ходе репетиций в одно целое, можно даже сказать, в одну семью, так что уже вроде и не он создает спектакль, руководя действиями актеров, а как бы сама эта их внутренняя слитность создает его, и уже всё само собой получается гармонично, ярко, интересно. Я уже был знаком со всей труппой, с кем-то Лилия познакомила меня, когда я приходил к ней на спектакли, с другими — на вокзале, когда против своей воли, по ее жесткому настоянию провозжал ее на гастроли в Курган. Там-то она познакомила меня и с Петровцевым, и как только мы немного поговорили (я рассказывал о нашем «Кардане», отвечая на его вопросы, которые он задавал явно не из вежливости или праздного любопытства, а из живого профессионального интереса к

жизни вообще), я почувствовал к нему такое расположение, что стоило подошедшему к нам директору театра спросить, не можем ли мы оказать им спонсорскую помощь, тут же твердо пообещал это сделать, правда, добавив, что придется несколько повременить, так как мы сейчас находимся в затруднительном положении, но с другой стороны, у нас уже имеется опыт на этот счет, мы помогали кукольному театру, и при первой же возможности... сразу... обязательно... И недавно некоторую сумму драмтеатру перевели.

Дух театра обволакивал меня и просачивался в мое нутро уже и рабочей своей, изнаночной, так сказать, стороной, я это ощущал, усаживаясь за спинами актеров среди других приглашенных гостей и слушая Петровцева, который, стоя в проходе, говорил актерам нечто совершенно непонятное мне, и только когда он заговорил, обращаясь к Лилии, я вроде начал что-то понимать.

— В этом эпизоде, — неторопливо, в полной тишине ронял он слова, — нам надо оттенить одну очень важную сторону характера Кроткой, на чем, я думаю, и основывает исход всей этой истории Федор Михайлович Достоевский. Она — нестерпимый тиран души для героя и мучитель, а для нее неустрашимым мучителем становится ее совесть. И надо показать, что уже здесь, в этом эпизоде она ее начинает тревожить. И значит, весь этот блеск ее остроумия, вся правда в суждениях, возникают не только из-за открывшейся ее глазам внутренней сущности этого поручика, его гадкости, но еще именно и из-за этих зачатков угрызений совести, которые впоследствии, дойдя уже до каких-то пределов, вынудят ее назвать себя преступницей... Понятно, да? Ну, выходим!

Петровцев сел за стол с настольной лампой, а на сцену вышли сначала Лилия, потом народный артист Александр Данилович Сергеев, тот самый, который вел курс в институте искусств, а за ними — Дионисий Ковалев, актер лет тридцати, длинный и костлявый. И вот они начали играть. Ковалев, в не очень ладно сидящем сером мундире со сверкающими желтыми пуговицами в два ряда, объяснялся в любви Лилии, резко накладывая себе на грудь в области сердца руку на руку и припадая перед ней на одно колено, так что всколыхивались его длинные волосы, а Лилия отвечала ему смехом и короткими колкими фразами. Сергеев, игравший, как я понял, мужа героини Лилии, подслушивал за перегородкой...

Я сидел в первом от прохода кресле, а передо мной, во втором кресле от прохода, сидела актриса Настенкина и, повернувшись ко мне и приблизившись так, что я чувствовал легкую табачную примесь в ее дыхании, шепотом говорила:

— С Лилией всегда очень легко работать! Вот, к примеру, мы с ней в паре играем... выскакиваем на сцену в обнимку, в белых пеньюарах, проносимся в танце... Да вы, наверное, видели?

— Видел, — кивнул я.

— Так вот эту роль я раньше играла с Хозариной, и с ней все шло туго, особенно — диалог.. А сейчас, с Лилией, ну никакого сравнения! Сплошное удовольствие!

— А как там Хозарина? — поинтересовался я.

— Как всегда. Скандалит. Запустила в режиссера торшером на репетиции, и ее подвергли коллективному осуждению. Теперь, говорят, собирается уходить и из «Яруса»... А Лилия меня потрясает, честное слово! К нам из Питера приезжала Сафьянова, режиссер. Она ставила сказку со зверьми из джунглей, и я слышала, как она сказала про Лилию: у ней и плоть какая-то такая... звериная... силища в ней невероятная! Она там львицу играет. Не видели? Посмотрите!.. А сейчас вы ведь слышали, что ей говорил Петровцев? Так вот мне бы на ее месте пришлось примеряться, прицеливаться, пробовать. А она, смотрите, играет и сразу в точку!

Всё это, по правде говоря, начинало меня доставать. Мне уже надоело всё делать против своей воли, под натиском жены, с которой я давно мысленно расстался, надоело встречать ее из поездов, провожать, а теперь еще и торчать здесь, когда своих дел невпроворот. Слова о ее актерских достоинствах уже раздражали меня. Хорошую свинью я себе подложил, нечего сказать! Как вот теперь выпутываться буду? Я всерьез начинал задумываться о том, чтобы порвать с ней немедленно, уйти, но мысль «куда?» всякий раз отрезвляла меня и вынуждала возвращаться к первоисходному: сначала надо *найти*. И я продолжал жить, подчиняясь предлагаемым судьбой обстоятельствам, а тогда, в зале, терпеливо слушал Настенкину и даже с вежливым участием справлялся о здоровье ее мужа-актера, недавно сломавшего ногу на репетиции. А потом еще и расспрашивал о театральной жизни, которая на самом деле была мне до лампочки. Мы тихонько разговаривали с Настенкиной, пока режиссер не обернулся от своего стола и не сказал ей: «Тут появляется Акулина...» И Настенкина встала и пошла на сцену, а я вдруг вспомнил слова Петровцева о совести и, опустив голову, задумался. Хоть вроде и не была для меня совесть «неустранимым мучителем», однако оказывалась она тем, что довольно-таки ощутимо беспокоило меня в те дни. Искать новую жену при реально существующей прежней все-таки было не безнакладно: иногда я испытывал неприятные уколы этой самой сове-

сти, и тогда приходилось прибегать к оправданиям: дескать, «она-то вон что», но было тут и другое, мне думалось о её совести: «*Неужели в моменты тех закувырков ничего, нисколько её не грызло и не беспокоило, как меня, и всё было легко и запросто?*» И глядя, как она выполняет на сцене поставленную режиссером задачу, думал: «*Если б в ней было то, что она изображает сейчас, это не дало бы ей соскользнуть, остановило*». И думал об этом до конца репетиции и потом, когда сидели в её и Настенкиной гримёрке, попивая чай с сушками и печеньем и глядя, как Дионисий Ковалев изображает пьяного в автобусе и другие смешные штуки, и когда ехали домой, и дома, во время ее уже самостоятельной репетиции у наискось подвешенного к стене большого овального зеркала в витиеватой, под старину, раме, купленного мной накануне по ее просьбе (подобное этому зеркало для репетиций она видела в Москве, в доме-музее великой актрисы Марии Ермоловой). И все-таки не удержался, спросил: «Слушай, Петровцев там про совесть говорил... А у тебя не случилось, чтоб совесть для тебя становилась таким же мучителем, как для твоей героини?» Она посмотрела на меня удивленно и ответила: «Ну что ты чепуху-то всякую спрашиваешь?» И я, засмеявшись и подумав: «*Конечно, совесть к воротнику не пришьешь*», постарался забыть об этом, и больше не думал, разве что вскользь на премьере «Кроткой», где Лилия устроила мне место в первом ряду, откуда, разумеется, до мельчайших подробностей было видно всю ее игру. Поначалу она играла очаровательную, нежную кротость Кроткой, постепенно перерастающую в бунт, и в этом искуснейшем перерастании она всё больше и больше захватывала внимание зрителей. Ее игра втягивала и меня, и я физически чувствовал, как она с неодолимостью хорошо обученного войска завоевывает и завоевывает зал, и его атмосфера словно бы загустевает, пронизываясь и набухая готовым вот-вот разорваться зарядом потрясённости и восторга (и напряженно-внимательный, сидел в специальной ложе недавно заступивший на должность глава области, наш новый региональный президент). И это было уже совсем не то, что в «Топазе»: совершенно другая высота. В конце спектакля голос ее звучал в тишине перевозданной, она медленно двигалась к краю сцены, прижимая к груди икону с золоченым окладом и произнося завершающий монолог; по ее лицу медленно ползли слезы, и мне отчетливо запомнились чьи-то не сыгранные, а настоящие, живые всхлипывания в зале; и когда она договорила и, тихо и нежно вскрикнув, исчезла, провалилась под сцену, что означало: бросилась на мостовую из окна, — скопив-

шийся в зале заряд разорвался и оглушил меня аплодисментами и криками «браво»; и как-то сразу, в то самое мгновение, я понял, что становлюсь свидетелем *ее*, как говорят, звездного часа, той стартовой черты, с которой она неизбежно пойдет на взлет.

Смутно помню, как проталкивался к выходу сквозь отчаянно бьющую в ладоши толпу. У дверей, обернувшись, успел увидеть счастливую улыбку на ее рдеющем лице, поклон с прижатой к груди точно так же, как минутой раньше была прижата икона, охапкой цветов. Когда я шагал через фойе, мне глупо вспомнилось, как в первые студенческие годы я мечтал примерно об этом же, представляя себя в пике карьеры — директором какого-нибудь автозавода, с несколькими тысячами людей под собой, которые бы точно так же аплодировали, когда б я выходил к ним на трибуну заводской площади. И то, что вместо этого я навсегда обречён быть руководителем двух-трех десятков человек, а значит, у меня никогда не будет большой цели в жизни, сейчас как-то особенно досадно было сознавать.

Выйдя из театра, я сел в машину и поехал домой. Вскоре в кармане заиграл мобильник, я достал его и услышал *ее* непривычно высокий и звонкий голос: «Ну, ты где?! Я же сказала: после спектакля — ко мне за кулисы!» Я ответил, что у меня разболелась голова, и мне надо срочно уснуть, поскольку завтра с утра на работу, отключил телефон и с еще большей досадой подумал, что все-таки, наверное, придется уходить от нее в никуда. Не очень-то я уже надеялся на успех в «поиске» в ближайшее время.

Но почему-то именно в те дни мне встретилась *«та, которая мне нужна»*.

18

Она встретилась, вопреки моим предположениям, не в городской сутолоке, а в стороне от нее.

В тот день я вернулся с работы в десятом часу, загнал машину в гараж и пошел домой. Стоял конец октября, и в это не очень позднее время было уже темно, как ночью. Бабье лето затянулось; тепло, безветренно; деревья облетели еще не все, а на некоторых тополях даже и листва оставалась зеленой; ее освещали фонари у школы, через футбольное поле которой я неторопливо шагал. Торопиться было и некуда, никто не ждал меня дома: жена придет часу в двенадцатом, а то и позже. Я всё еще чувствовал взвинченность от дневной мороки с поездками в разные места, постоянным напрягом в контактах с людьми, стычкой с нагрянувшими налоговиками и прочим,

прочим, во что нет-нет да и врывались напоминания о сцено-успехе Лилии — через включенное в машине радио, передававшее длинное интервью с ней; через телевизор в кафе, где ее показывали крупным планом в разных сценах из спектакля; через толстую еженедельную газету в руках вахтера, где на всю первую страницу красовалось ее фото... Взвинченность, однако, постепенно уходила, я успокаивался и, шагая то по утоптанному грунту, то по пружинящей под ногами мураве, глядя на небо в звездах над девятиэтажными домами и на тонкий, желтый, как высохший стручок мышиного горошка, месяц, уносился мыслями во-он в то поднебесье, с высоты коего всё земное должно казаться ничтожным, а человек потрясающе мелким. Расхожие думы вяло текли по моим извилинам, когда, пройдя меж двух девятиэтажек, я пошел по асфальтовой дорожке, пересекавшей небольшой березовый массивчик, гуманно не тронутый застройщиками. Сквозь оголенные ветви я увидел скользнувшую по небу звезду, и даже успел загадать желание, ощутив что-то вроде благого предчувствия, сладко дрогнувшего на сердце. Меж стволов берез проглядывала хорошо освещенная улица Льва Толстого, видны были, точно остатки этой упавшей звезды, уносящиеся с треском искры на концах троллейбусных рогов... А по дорожке, что пересекала занятую мной по направлению к девятиэтажке, которую я только что миновал, двигался, невесть откуда появившись, силуэт женщины, похоже, молодой, судя по очертаниям спадавших на плечи волос и еле различимому профилю, недурной внешности. Я вдруг почувствовал одобряющий толчок внутри, мгновенно собрался и включился в режим «поиска»:

— Извините, не подскажете, что это за местность?

— Такие вопросы, — донесся до меня насмешливый голос, — полагаются задавать в пьяном виде.

Я рассмеялся, но тут же осадил себя и спросил серьезно:

— Ну а что, если я и в самом деле заблудился?

— В трех березах?

— В жизни. Вся моя жизнь — сплошное заблуждение.

— Вот даже как. И давно блуждаете?

— Ну, не так чтобы очень... — Я уже ступил на дорожку, по которой шла она, свернул и пошел рядышком с ней, почти невидимой. Нечаянно задев ее плечо, я неожиданно ощутил прилив тугой радостной силы.

Она говорила:

— Значит, вам надо что-то делать... Обретать веру, что ли... Веры же нет у вас?

— Нет, Веры нет. Есть Лилия, жена.

— Остроумно. А почему таким тоном о жене-то? Не из-за нее ли блуждаете?

— Из-за нее, из-за нее. Разводиться с ней собираюсь.

— Ну-у, это процесс, который может тянуться десятилетиями.

— У меня не затянется!

— О-о, в голосе — кремень. Видно, серьезное решение... Дети-то есть?

— Нет, детей нет... А ваше семейное положение, извиняюсь, что из себя представляет?

Мы медленно шли рядом и разговаривали так, словно были знакомы давно, а еще через полминуты и на «ты» перешли. Я узнал, что мужа у нее нет, но есть пятилетний сын; здесь она в гостях у сестры; живет с родителями, я не понял, где, но переспрашивать не стал. Меня будто несло в упругой и свежей воздушной струе, обдавая теплом и поднимая все выше, так что с каждой секундой становилось свободней, легче, веселей. Она была среднего женского роста, то есть гораздо ниже меня, и я сверху вниз искоса поглядывал на нее на ходу, пытаюсь различить черты лица, но мешала темнота, а потом, ближе к девятиэтажке, где было освещено, мешали ползущие по ее лицу тени ветвей, мне же хотелось поскорей увидеть его, и когда, наконец, мы вышли под свет фонаря и остановились у подъезда, я стал разглядывать ее с такой жадностью, что вроде даже смутил. *«Почему я никогда не встречал ее здесь раньше?»* Пригожее свежее лицо с каким-то нездешним, крепким румянцем, длинные вьющиеся каштановые волосы, сочные губы, веселые карие глаза, быстро, с интересом взглянувшие на меня и тут же скользнувшие мимо. На вид я бы дал ей чуть-чуть больше двадцати лет (потом оказалось, ей двадцать четыре). Главное, как ни пытался я отыскать в ее лице и в глазах признаки хорошо изученной мной, характерной для горожанки внутренней *порабощенности* не находил. Их попросту не было, *«и это отлично очень даже подходит, только б в остальном порядок внутри...»*

— Ну что? — спросила она с улыбкой, посмотрев на меня прямо. — Разглядел?

Я покивал, по-прежнему не сводя с нее глаз.

— И что дальше?

— Давай... погуляем... — предложил я, чувствуя, как начинает подводить голос: хрипит, срывается. — Или... в кафе... Кхах!.. В «Огни Новосёлвки». Пойдем?

— А спрашивал, что за местность! — засмеялась она. И сказала со вздохом: — Нет, не могу. В магазин ходила. — Она приподняла чем-то набитый пластиковый пакет. — За удовольствием. Сготовить надо...

-
- Тогда, может, завтра?
— Нет, завтра не получится.
— А когда?

— Оч-чень трудно сказать... — Она задумалась, опустив глаза. И вдруг посмотрела на меня быстрым, но внимательным взглядом. Снова подумала. И сказала не очень уверенно: — Созваниваться надо будет... — И решительней: — Ну, хорошо. Дай мне свой сотовый. Я позвоню. — И достала телефон из кармана синей болоньевой куртки.

Я диктовал ей номер, а в голове шла легкая кружь.

— Нажми вызов, — попросил я и, доставая уже сигнализирующий мобильник, спросил: — Как тебя звать?

— Надежда.

— Меня Виктор.

— Ну вот и состоялось знакомство! — засмеялась она. — Под сенью опавших берез! Романтика... Ой, жизнь-пережизнь!.. Ну ладно, пока!

И, помахав рукой, ушла в подъезд.

А я повернулся и пошел в сторону своего дома, пьянея от посвежевшего вдруг воздуха с запахом горелых листьев, от всё звучавшего в ушах ее голоса и смеха. И шел я, пошатываясь, как пьяный. Теперь я мог на законных основаниях спрашивать, что это за местность.

19

Мокрый снег летел мне в лицо, крупные хлопья косо падали на крыши проезжающих машин, липли к ветровым стеклам, исчезали под скользящими туда-сюда «дворниками». Боковые стекла трамвая, вывернувшего со звоном из-за поворота, были сплошь и толсто облеплены снегом. Прохожие шли под порывами ветра задом или боком, закрывая лица воротниками пальто и рукавами. А я стоял у развилки дорог, тяжело дыша, поправляя наспех надетую куртку и поплотнее натягивая на голову кепку, чуть не слетевшую, пока я бежал сюда от «Кардана».

Она позвонила две-три минуты назад. С той встречи прошло одиннадцать дней. Уже на следующий день я заскучал по ней, как будто и в самом деле мы были знакомы давно. И решил не дожидаться ее звонка, позвонил сам. В ответ казенный женский голос сообщил, что «телефон абонента выключен или находится вне зоны обслуживания». Вся моя жизнь последующих дней протекала под этот голос. Десятки и десятки раз я посылая ей вызов, но ответ не менялся. Я верил: обмануть она не могла, и если сказала, что позвонит, то раньше или позже позвонит, а раз пока не звонит, то на это есть

важные причины. И я уже собирался искать ее: идти в тот дом, обзванивать все квартиры подъезда, в который она вошла, пока не выйдет ее сестра. Конечно, сестра могла не сказать, где ее найти, или даже не признаться, что она сестра, просто закрыть дверь и всё. Тогда, думал я, найму частного детектива Серегина. Он найдет, наверняка. Думал, выдержу ровно две недели и начну поиск, теперь уже конкретный. Через два дня пошел бы, точно.

Но вдруг вот только что, когда мы со Славой и Владимиром Николаевичем Отрошенко сидели в кабинете у Фрола и решали текущие вопросы, мой мобильник заголосил. Мне должен был звонить с шиномонтажки наш автомастер Чубуков по важному делу, и я был уверен, что это он, но когда достал из кармана телефон, то увидел на экранчике мерцающее имя «Надежда». И выскочил из кабинета, как ошпаренный. В коридоре прижал мобильник к уху и услышал ее веселый голос:

— Привет! Ты где сейчас? Дай координаты!

Я заорал:

— На Кутузовской! Перекресток у ипподрома знаешь?

— Знаю, знаю.

— Ну вот, я рядом!

— Ой, хорошо! И я неподалеку. Подходи к тому перекрестку, встретимся!

Я бросился было на улицу, но спохватился, ворвался в кабинет и сказал:

— Отлучусь...

— Куда? — летел мне вслед голос Фрола, но я уже мчался в свой кабинет, а там накидывал куртку и, нахлобучивая кепку, выскакивал на лестницу, сбегал по ней и пулей вылетал на улицу, под ветер и мокрый снег...

И теперь стоял, уже облепленный белыми хлопьями, и глядел по сторонам, выискивая ее среди прохожих...

— Виктор! — донеслось до меня сзади сквозь уличный шум.

Я обернулся. Она выглядывала, открыв дверцу, из белой «Нивы», только что проехавшей мимо меня и остановившейся чуть поодаль. Я рванул к ней так резко, что она отпрянула к рулю, и пока влезал на переднее сиденье и захлопывал дверцу, так и сидела, отпрянув, прижав тыльную сторону левой руки ко рту и глядя на меня сильно блестящими, смеющимися глазами; а я схватил двумя руками ее правую руку и, чувствуя прилив уже знакомой радостной силы, с той же, что и тогда, жадностью смотрел, смотрел в ее лицо в каплях от успевшего налететь снега.

— Осторожней, пожалуйста, — шептала она. — У меня нет средств для тушения пожара!

— Ну что ж ты... Что ж ты... А?! — говорил я, превозмогая бешеный стук сердца. — Почему так долго не звонила?! Что у тебя случилось?!

— Ой, и не спрашивай! И говорить не хочу! Ты сейчас занят?

— Да... Дела всякие... Вот здесь, — кивнул я на «совушку».

— А, ты там работаешь... Ну, я тоже вся в делах, но надо перекусить, а то с утра ни крупинки, ни маслинки во рту. Но хоть сколько-нибудь свободного времени у тебя есть?

— Минут сорок, думаю, есть.

— Ну, так прокатишься со мной?

— Конечно! Поехали!

Она тронула машину, и когда «совушка» проплывала мимо, сказала:

— А красив ваш «Кардан»! Я как в первый раз его увидела, так даже остановилась.

— Мы с этим зданием победили на конкурсе «Лучший строительный объект года», — сказал я, чувствуя, как во мне всё так и ликует.

— И кто же это вам придумал такое загляденье?

— Одна студентка, Ася. Теперь она, правда, не студентка. Третий год на Севере... И уже, представь, заместитель главного архитектора города! Ну, и проекты ее славятся...

Засигналил мой мобильник. Я достал его и услышал недовольный голос Фрола:

— Ты не забыл?!

— Да сделаю всё, сделаю! Не звонил он еще! — Я отключил телефон и, пряча его в карман, спросил Надежду: — Это твоя машина?

— Моя.

— Если судить на слух, ей не помешала бы хорошая профилактика.

— Мне пришлось много ездить в последнее время. Не успевала заняться машиной. А автосервиса там, где я живу, нет.

— А где ты живешь?

— Семьдесят километров от города. Село Топольки.

— А-а, — протянул я, несколько озадаченный, но тут же подумал: «А может, это и лучше». — Ну, тогда понятно, почему телефон постоянно «вне зоны обслуживания»... — *«Понятно и откуда этот нездешний крепкий румянец, и почему раньше не встречал ее у нас».* — Но я же и эсэмэски слал. Не доходили, что ли?

— Доходили. А телефон просто был отключен.

— Почему?

— Ситуация требовала...

У торгового центра она припарковала машину. Мы вышли из нее, она закрыла дверцы (сигнализации, конечно, не было) и пошла под падающим снегом, а я, шагая за ней, поднимаясь по ступенькам крыльца в сумрак под навес, проходя через одни и вторые стеклянные двери и уже в ярком электрическом свете следуя меж длинно тянувшихся стеклянных прилавков, многоцветных от бижутерии, парфюмерии, косметики, украдкой осматривал ее всю, с каждым шагом всё больше и больше убеждаясь, что все-таки она — женщина на все сто. На ней была джинсовая юбка ниже колен и джинсовая безрукавка поверх оранжевой кофточки из ангорки, хорошо идущей к ее каштановым волосам, которые были не распущены, как тогда, а перетянуты сзади резинкой и при ходьбе колыхались волнистым хвостом. Всё сидело на ней ладно, по фигуре, что там и говорить, классной. В ее свободной легкой походке, в твердом постукивании каблуков, в медленных, в такт походке, движениях рук (в правой она держала кошелек из коричневой кожи) чувствовалась независимость и уверенность человека, что называется, прочно ставшего на ноги в этой жизни. И вдобавок, при всём ее нежнейшем женском обаянии, в ней ощущалась какая-то устойчивая внутренняя крепость, сила. А когда я, стоя сзади нее на ползущем вверх эскалаторе, попытался придержать ее за талию, и она, не оборачиваясь, взяла мою руку и, отодвигая, сжала ее, я ощутил и немалую физическую силу.

Мы пришли на самый верх торгового центра, в экспресс-кафе, где стояло с десяток зеленых пластмассовых столиков с красными пластмассовыми стульями и буфет со стеклянной витриной, за которым полная женщина в белом халате и белом накрахмаленном кокошнике цедила из крана пиво в поллитровый прозрачный стакан. Перед ней понуро стоял паренек в заношенной сизой куртке, явно безработный. Еще один посетитель, маленький пожилой человек с остренькой седой бородкой и остатками седых волос на висках и затылке сидел за столиком и ел пельмени с кэтчупом.

— Тебе чего взять? — спросил я.

— Не беспокойся, — ответила она, глядя на витрину буфета. — Я сама возьму.

— Но...

— Я приглашаю, я и беру, — сказала она тихо, но с той твердостью в голосе, которая всегда убивает у меня желание возражать дальше. — Есть что будешь?

— Не хочу, ел уже, обед-то недавно был... Ну, там пирожок какой-нибудь, за компанию...

— А пить?

— Чай.

И вот мы сидим у барьера, за которым раскидывается весь простор торгового центра, от стеклянного купола вверх, светящегося белым дневным светом, но непрозрачного от снега, до лестниц и переходов внизу, торговых отделов и точек, киосков и закусок; там всюду люди, и среди прилавков, где только что проходили мы, и внизу под нами — ходят вверх и вниз по широченным ступенькам. На столике передо мной — белый стаканчик с белой ложечкой и пакетиком, с каждой секундой всё больше коричневеющем в кипятке, а рядом, на салфетке — круассан цвета персика. Она сидит напротив, перед ней — куриное филе под соусом с картофельным пюре и зеленым горошком на белой пластмассовой тарелочке, маленький тетрапак с разрезанным апельсином на боку и белоснежное пирожное на тарелочке из картона.

— Когда я бываю в городе, всегда захожу сюда, — сказала она, придерживая филе белой пластмассовой вилочкой и разрезая его таким же белым пластмассовым ножиком. — Подышать цивилизацией.

Я помаленьку откусывал от слоеного пирожка с ветчиной и сыром, запивая горячим чаем с ложечки, и разговаривал с ней, разглядывая ее лицо и, по правде говоря, испытывая нарастающий испуг: уж больно бегло, как выяснялось, рассматривал я его в прошлый раз, и если тогда оно показалось мне просто симпатичным, то теперь я видел, что она красива, но не обычной, не поверхностной, что ли, а сложной какой-то, трудно постижимой красотой, которую чем больше пытаешься понять, тем больше в ней погрязаешь, может быть, потому, что в таком лице при внимательном взгляде, скорее всего, даже и без всякого предела постоянно обнаруживается что-нибудь да новое; я, например, только сейчас увидел, что в ее карих глазах, затененных длинными и довольно густыми, почти мохнатыми ресницами, таится золотистый оттенок, что ее темные брови отблескивают, как дорогой мех, а верхняя губа, наверняка необычайно мягкая и нежная, выточена с ювелирным изяществом, что ее скулы... ну, короче, испуг мой, похожий на тот, который испытывает при мысли о выходе на ринг боксер, недавно побывавший в нокауте, рос, переходя в сомнения: а светит ли мне здесь то, на что я рассчитывал, то бишь «в супруге уверенье»? И хотелось сейчас же узнать это. Она, продолжая есть и говорить, поглядывала на меня, и мне показалось, хотела о чем-то спросить, и один раз даже уже вроде была готова спросить, но вместо этого, повернувшись в ту сторону, где ел пельмени пожилой человек, взглянувший на нас своими веселыми и добрыми, похожими на две блестящие капельки росы глазами, сказала:

— Какой славный старичок! Одного святого мне напоминает...

Тут засигналил мой мобильник. Благо, я уже съел круассан и допивал чай. Звонил, конечно, наш автоуниверсал Чубуков.

— Сейчас буду, — ответил я.

— Вышел лимит свободного времени? — спросила Надежда. Она доедала пирожное, запивая соком.

— Да, у нас удачный заказ, на двенадцать машин, от одного частника, у него свой таксопарк... В общем, сегодня я под завязку, а на завтра постараюсь освободиться. Так что давай договоримся на завтра.... А сейчас мне надо быстренько, быстренько к нашему шиномонтажу...

— Я подвезу.

— Да ладно, доберусь на маршрутке. Езжай, у тебя ведь тоже дела!

— Подвезу, — повторила она негромко и вместе с тем так, что я опять же не смог возразить...

А на следующее утро я подъехал к одной из новосёловских автостоянок, когда она выезжала из ворот. Было довольно морозно, но уже безветренно. За ограждениями стоянки виднелся выползающий в тумане из-за горизонта красный шар солнца. Повсюду белел снег. Она села в мою «семерку», а я — в ее «Ниву». Я ехал впереди, она следом. Подъехав к «Кардану», я загнал ее машину в бокс и дал команду провести полное техническое обслуживание и установить сигнализацию. Потом мы ездили на моей машине в землеустроительную, юридическую и прочие конторы, где надо было оформлять и переоформлять бумаги на ее бизнес. У ней, как оказалось, в тех краях, где она жила, было несколько торговых точек. Но кризис и ее взял в оборот, ей тоже приходилось крутиться...

Вечером мы сидели в кафе «Огни Новосёловки», за столиком, накрытым темно-бардовой шелковой скатертью. Желтый свет настольной лампы выхватывал из полумрака ее лицо. Мы пили шампанское, закусывали фруктами, ели какие-то салаты и мясо, хитрым способом запеченное в тесто. Мне было очень легко.

Потом, когда шли по той же самой асфальтовой дорожке среди берез к ее дому (от кафе это буквально через дорогу), я, естественно, приобнял ее и потянулся губами к ее губам. Но она мягко отстранилась и, отворачивая лицо, сказала:

— Только сюда. — Я с трудом различил в темноте, что она показывает пальцем на щеку. — Как ромашку.

— Это почему же так? — удивленно спросил я.

— У меня только так, — говорила она тихо, но твердость в ее голосе слышалась хорошо. — Остальное — после того, как всё будет официально оформлено. По-другому я не могу.

Мне почему-то сразу вспомнилось то, что говорила она при первой нашей встрече, и я сказал:

— Ты что-то такое про веру говорила. Ты верующая, что ли?

— Безусловно.

— Не религиозная ли фанатичка, случаем? — засмеялся я.

— Нет, — ответила она серьезно, но тут же засмеялась мне в тон: — Скажешь тоже! — и добавила, перестав смеяться: — Нет, вовсе нет. Просто уважаю радолобов.

— А кто это?

— Долго объяснять. Потом как-нибудь... А ты сам-то хоть крещеный?

— Я-то?... У меня, знаешь ли, был случай... — Мы медленно шли по дорожке к мерцающему сквозь ветви свету. Она держала меня под руку. — Однажды я получил серьезное ранение. Нож задел кость, и врачи говорили: как бы не пришлось отнять руку. Но обошлось. И всё же после того я пошел и... ну, на всякий случай, для защиты, что ли... Покрестился... Теперь иногда захожу в часовенку... Молитву там, свечку...

— Хорошее дело.

— И мне так думается. — Я остановился, она тоже. Лицо ее всё так же смутно различалось в темноте, но я видел, что она улыбается. Почесав затылок, я сказал: — Ну что ж... Давай, хоть как ромашку... — И, нагнувшись, сначала неловко ткнулся носом в теплую негу ее лица, а уж потом коснулся его губами. В голову ударил запах ее волос, и поплыла, поплыла голова... И до чего ж трудно было удержаться, чтоб не прижать ее к себе, не попробовать, что называется, прильнуть к ее губам. И я попробовал. Но она с такой силой уперлась руками мне в грудь, что я пробормотал:

— Достаточно.

И отпустил ее. И мы пошли дальше. Я чувствовал, что она опять улыбается. А мне вдруг захотелось запеть или заорать во все горло!

Когда остановились у подъезда, я весело сказал:

— А машина твоя уже готова. Ты точно думаешь уехать завтра утром?

— Да. Надо.

— Значит, завтра с утра подкачу на ней к этому подъезду...

— Подъезжай к остановке. Я там буду ждать.

— Ладно. Но главное, вот что... Я хочу съездить к тебе в Топольки. Не возражаешь?

Она слегка вздрогнула, вскидывая на меня взгляд, и после некоторого молчания, глядя мне прямо в глаза, сказала:

— В зависимости от твоих намерений.

Я сказал, глядя ей так же прямо в глаза:
— У меня серьезные намерения.
— Тогда я должна спросить... Мой сын не будет помехой для твоих серьезных намерений?
— Не будет, — ответил я твердо. — Я и хочу, чтобы ты показала мне сына, познакомила с родителями... Ну, так как?
— Приезжай.
— Только у меня просьба. Не отключай больше телефон. Хорошо?
— Ну, теперь-то, конечно, не буду! — засмеялась она.

20

Очень хотелось поскорей приехать в Топольки, но вырваться я смог только через две с лишним недели. Мне уже легче было ждать встречи с ней, ведь теперь каждый день мы разговаривали по телефону. Я решил не предупреждать ее, нагреть неожиданно. Радостно было мчаться к ней в машине по шоссе, хоть и немало безрадостного увиделось по дороге. Я много слышал о том, что в области у нас полный развал, но только сейчас, глядя на проплывающие мимо заброшенные дома и хозяйства, от которых оставались скелеты ферм да торчащие из-под снега части поломанной техники, убеждался в этом.

В Топольках было не лучше. Свернув с шоссе на бугристую дорогу, ведущую к селу, я увидел большое разрушенное строение, уцелела лишь пристройка с округлой крышей; остатки его стен были разной высоты с разных сторон, и в одно из мгновений, когда я проезжал мимо, оно показалось мне похожим на огромного, поверженного на спину быка. В самом селе, большом, растянутом в длину вдоль шоссе, нет-нет да и попадались дома с пустыми оконными проемами. Проезжая по центральной безлюдной улице, я заметил там, дальше, с другого края, кирпичный домик; его шиферная крыша с одной стороны провалилась, а окна были заколочены досками. Я подумал: «Но если отремонтировать, будет, как теремочек! И садик там летом, должно быть, чудесный...»

Наконец, я остановился у дома, где жила Надежда, надел шапку, накинул шарф, застегнул пуговицы пальто и вышел из машины. Было только начало дня, около одиннадцати. День выдался на славу: не холодно, еле ощутимый ветерок свежит лицо. На небе — сплошная яркая синь, ни шерстинки от облаков, солнышко светит так, что взгляд на нем не задержать и на секунду. И какой же густой, чистый и свежий воздух здесь! На крышах домов с дымящимися трубами, во дворах и на огородах до рези в глазах сверкает чистейший снег. Село отвечает названию: в нем много тополей. Сейчас,

конечно, все они голые, но можно представить, какие тучи пуха разносятся здесь летом.

Я подошел к штакетнику, за которым стояли голые яблоньки, и тут же у крыльца дома, выскочив из будки, залаяла рыжая дворняга на цепи. Из дома вышел человек возрастом под пятьдесят, в коричневой телогрейке, синих шерстяных брюках от «олимпийки», заправленных в валенки, и в заячьей шапке-ушанке — одно ухо завернуто внутрь, другое свисает на сторону. В руках у него была охалка новых метелок. Легко сбжав с крыльца и цыкнув на собаку, он пошел к стоявшему впритык к гаражу сараю с распахнутой настезь дверью, на несколько секунд исчез в нём и вышел уже без метелок, отряхивая телогрейку и глядя в мою сторону.

— Добрый день! — громко сказал я.

— Порадуюсь, если он и в самом деле окажется добрым, — ответил хозяин вроде спокойно, голоса не повышая, но слова его прозвучали зычно. Сразу угадывался человек, много отработавший на руководящих должностях.

Он неторопливо шел ко мне. А я думал: «*Отец. Нет? Не ошибся ли домом?*»

— Здравствуйте, — сказал он, приближаясь и глядя на меня изучающе. — Что ищете, юноша, в нашем скорбном селенье?

Теперь я не сомневался, что это ее отец, хоть и была она совершенно не похожа на него внешне.

Я ответил, стараясь выглядеть серьезным:

— Участь.

Он замер на месте и вдруг захохотал, громко, сочно, задирая голову и трясясь, так что трепетало торчавшее в сторону ухо шапки.

— У-уча-ась... — повторил он с хохотом. Просмеявшись, вытер слёзы и сказал: — Хорошо-о... Принято... Как у нас говорил один тракторист: «И выпала мне горькая участь: вино в магазине кончилось, осталась одна «Столичная»...»

Я тоже засмеялся и сказал:

— Мне бы Надежду Запевалову увидеть.

— Я понял. Говорила она: мол, гость ожидается... В школе Надя, у Аллы Сергеевны... Ну, будем знакомы, — протянул он мне руку над штакетником. — Запевалов Василий Степанович.

— Виктор, — пожал я его сухошавую крепкую руку и спросил: — А Алла Сергеевна, она кто?

— Мать ее. По совместительству — директор школы и учитель.

— А где у вас школа?

— А вот, если так прямо, прямо, прямо идти, а потом свернуть... Но можно и по телефону вызвать.

— Нет, я лучше пройду. Хочу село посмотреть.

— Дельное дело...

— Ничего, если машину оставлю здесь?

— Да уж лучше во двор поставить. А то ведь как-то негостеприимно получится. — И он стал открывать деревянные ворота.

Я загнал свой «жигулёнок» во двор и отправился в школу. Долго пришлось идти по пустынной улице. Но вот и люди попались навстречу. Двое парней лет по восемнадцати в черных куртках, спортивных штанах, разбитых кроссовках и вязанных шапочках, шли навстречу, пошатываясь и потно лоснясь на солнце красными физиономиями. Я спросил было:

— Ребята, где у вас тут...

Но один из них, поздоровей и повыше, пьяно-зло перебил:

— Ты откеля, шегол? Тебя чё, окольцевать?

Второй сказал ему:

— Кончай, Тимоха! Не видишь, добрый парень!

— А мы поглядим, сколь в нем добра, — угрожающе сказал Тимоха и пошел на меня, выставляя руки. Видно, хотел взять за грудки. Я перехватил его правую руку, аккуратно дал подсечку, и он полетел мимо меня в сугроб под плетнем, на котором висели какие-то замерзшие тряпки.

— Я же сказал, добрый парень! — заголосил второй, глядя на меня с опаской и отступая.

Я пошел дальше. Сзади сыпались матерки. Тимоха, похоже, хотел продолжить, да приятель его удерживал.

Из ближнего дома, довольно ветхого, вышла простоволосая старушка в накинутах на плечи старой дохе и пошла к калитке.

— Здравствуйте, бабушка, — сказал я. — Скажите, пожалуйста, далеко ли еще до школы?

— Справился... — проворчала она, недобро взглянув на меня. — Здоровый, а ума-то... С мальцами связался...

Я хотел объяснить, что не виноват, но она сказала:

— Дальше ступай. До первого поворота, и — выдешь к школе-то... налево...

И пошла в дом напротив.

«Ну всё, — с досадой подумал я, шагая дальше. — Теперь вся деревня будет знать!»

До первого поворота пришлось пройти еще прилично. Все-таки большое село.

Я специально свернул не налево, а направо, туда, где над крышами деревянных домов возвышались каменные строения. И вскоре вышел на асфальтированную площадь. Я шел и всё-всё осматривал. Спроси меня в тот момент, зачем мне это, я бы и ответить не смог. Однако уже тогда чувствовал: «Здесь у меня

много всего впереди». Как человек городской я мало что понимал в сельской жизни, но догадывался: вон в том двухэтажном панельном здании в форме куба, должно быть, располагаются местные власти — сельская администрация или как там. Рядом стояло еще одно здание, поменьше. Это, как сказали мне две женщины у продуктового магазина, контора совхоза «Первомайский», почти уже не существующего. Был здесь мемориальный скверик с обелиском и мраморной плитой, на которой золотыми буквами сияли на солнце имена ушедших на фронт и не вернувшихся. Был каменный Дом культуры, построенный, наверное, еще в шестидесятых годах, небольшой, но приличный, и даже фасад подновлен. Подходя к окраине села, я к своему удивлению увидел благоустроенный четырехэтажный панельный дом. Рядом стояло два трехэтажных кирпичных дома. А вон тот недострой, уже на самой окраине, не иначе, подарок перестроечных лет: кирпичные стены подняты лишь до второго этажа. Чуть дальше — фундамент такого же большого дома. И все это заросло кустарником и деревьями; вокруг торчит из снега, качаясь на ветру, сухой промерзший бурьян. А еще дальше, за окраиной, видны бетонные стены каких-то построек, похоже, начинающих разваливаться.

Шагая уже по направлению к школе, я поневоле прислушивался к постоянному шуму, доносившемуся из-за перелесков с северной стороны.

Людей мне встретилось немного. В них было мало жизни. Только на румянном лице дородной конопатой молодежи в серой шубе и белом платке в красных цветах светилось счастье. Она прохаживалась по расчищенной от снега дорожке двора, держа в руках грудничка, завернутого в розовое стеганое одеяльце. Из дома к ней вышел одетый по-домашнему плотный парень с белой, как отметина, прядью в рыжеватых волосах, и они вместе, откинув угол одеяльца, смеясь и разговаривая, смотрели в лицо ребенка, а потом рядышком пошли в дом. Глядя на них, я чувствовал, как в той едкой копоти, что натянуло мне на душу увиденное здесь, заструилось теплое живое чувство, и оно росло, когда, подходя к школе, я глядел на стоявшую у железных ворот школьного двора белую «Ниву» Надежды.

Школа была довольно большой, двухэтажной, со спортивным залом и палисадником, где среди прочих деревьев опять же росло много тополей.

Войдя в школу, я спросил у проходившей по коридору девочки с вертящимся и сверкающим в солнечном свете из окон глобусом в руках, где кабинет директора, и она показала на одну из дверей. Я подошел к ней, постучался и, услышав «Да!», вошел. За единственным столом сидела, бегая пальцами по

клавиатуре компьютера, женщина в очках, в строгом сером костюме, с сельско-учительской прической: каштановые волосы, плотно облегая голову, собраны сзади в узел. На вид я никак не дал бы ей больше сорока лет. Надежда очень похожа на нее. Когда я поздоровался и сказал, зачем пришел, она некоторое время смотрела на меня с интересом, потом улыбнулась и спросила:

— Значит, вы — Виктор?

Я кивнул.

— Ну, а я — Алла Сергеевна, — сказала она, вставая из-за стола. — Пойдемте!

Мы вышли из кабинета, поднялись на второй этаж и вошли в один из классов.

— Надя, к тебе гость!

В дымчато-золотистом солнечном свете из окна Надежда, одетая в черные брюки и блузку из атласа в зелено-бардовых узорах, стояла на столе сбоку от доски и жужжащей электродрелью высверливала дыру в стене. Увидев меня, она пошатнулась, дрель тут же смолкла. Я бросился к ней, подхватил под локти, и она прыгнула на пол. Мгновенно вспыхнув, заливаясь краской и смеясь, выговаривала:

— Ну разве можно так пугать?! И зачем же как снег на голову?! А если б я в Марьино была? Или в Строгино? Или в райцентре, где у меня тоже точка?

— Поехал бы туда! — отвечал я, чувствуя, что тоже краснею, и остро, до дрожи в груди ощущая исходящий от нее нутряной каленый жар. — Но мне, выходит, повезло... Кхм!.. А что это за неженскую работу ты выполняешь?

За Надежду ответила Алла Сергеевна, указав на стопу лежащих на передней парте больших остекленных портретов в рельефных деревянных рамках:

— Да вот Надя привезла. Пушкин, Лермонтов, Толстой, Достоевский и Чехов. Надо развесить...

— А можно мне это сделать? — вызвался я.

И забрал дрель у Надежды. А она, всё горя лицом и смущенно улыбаясь, сказала Алле Сергеевне:

— Ну, тогда, мам, я домой. А? Приготовлю что-нибудь.

— Разумеется, иди. Мы с Виктором разберемся...

21

Я был уверен: когда Надежда уйдет, Алла Сергеевна начнет расспрашивать меня о том, что в таких случаях обычно хотят узнать матери. Но ошибся: она ни разу ни о чем не спросила, хоть мы пробыли наедине не меньше часа. Спрашивал только я, да и то немного. Много и не понадобилось. Видимо, она сама хотела рассказать мне о Надежде всё, включая и то, чего сама

Надежда, может быть, никогда бы и не рассказала. И мне потребовалось задать лишь один да другой вопрос для затравки: сначала о том, как живется нынче сельским учителям, потом о происхождении села, а дальше уж разговор наш, верней, ее рассказ, тѣк сам собой. Я рассекал ножом на части пускавшую солнечные зайчики по потолку и стенам лакированную деревянную плашку, обрезок какой-то школьной поделки; вырезал из этих частей круглые штыри, взбирался на стол, сверлил дрелью дырки в недавно побеленной стене; вбивал штыри, вкручивал шурупы и вешал портреты. И все слушал Аллу Сергеевну.

Она говорила не прерываясь, то сидя на стуле, то подавая мне молоток или отвертку. По ее словам выходило, что сельским учителям и раньше-то жилось туго, а теперь из-за того же кризиса их положение еще более ухудшается: сняли какие-то надбавки к зарплате, лишили льгот на оплату коммунальных услуг. А в целом надвигается и сюда разгулявшийся по области с ее постоянно убывающим населением процесс изменения статуса школ, когда одиннадцатилетка превращается в девятилетку, а девятилетка — в четырехлетку. Но чего еще можно ожидать, если с начала перестроечных времен от тысячи с лишним жителей Топольков осталось немногим больше трехсот, и в этом году не только со всего села, но и плюс с двух из трех относящихся к этой центральной усадьбе деревень, где нет уже никаких школ, набрали всего один первый класс, тогда как в советское время всегда набирали не меньше пяти.

И получается, реальная угроза стоит перед этим селом, построенном вятскими переселенцами по столыпинской реформе в начале двадцатого века. Когда Алла Сергеевна рассказывала об этом, я представлял, как бородатые мужики в холщовых рубахах и кожаных сапогах тянут сюда летним днём на подводах с лошаадьми-тяжеловозами сосновые бревна из смешанных лесов, как всюю стучат топоры и растекается от тесанины запах смолья вперемешку с запахом дыма и варева из временных землянок... Женщины и дети садили во дворах новых домов привезенные с вятской земли саженцы тополей и лип. Липы вскоре исчезли, не прижились, а тополя пошли в рост так буйно, что не шибко благозвучное первоначальное название села сменили на «Топольки», и тогда же пошла традиция — сажать тополек, если кто-то родился; позже топольки сажали те, кто уходил на фронт Первой мировой войны, веря в примету: посадишь тополек — вернешься; а потом уже топольки сажали и те, кто уходил воевать в Великую Отечественную... Шло время, старые тополя спиливали на дрова, пни выкорчевывали, а на их место садили новые топольки, и традиция эта жила и жила, жила до недавнего

времени, но теперь уже не сажают здесь топольков, иссяк у людей интерес, может быть, потому, что перестали верить в лучшее, — с грустью говорила Алла Сергеевна. Она знала здесь всё, хоть сама, оказывается, не деревенская: родилась и выросла в городе, окончила педагогическое училище, а сюда, в Топольки, попала по распределению. И как раз в тот год, когда она начала работать в этой школе учителем младших классов, из города вернулся коренной топольчанин Василий Запевалов — после сельхозинститута, куда его направили от совхоза. Они познакомились и вскоре поженились, через год родилась дочь Марина, а еще через два года — Надежда. Алла Сергеевна старалась приобщать дочерей к городу: все каникулы, зимние, летние и прочие они в городе и проводили, у ее родителей, то бишь у бабушки с дедушкой, которые живут в районе Иртышской набережной. Бывало, правда, отправляли их и в пионерский лагерь, но это лишь на месяц, остальные два летних месяца всё равно в городе. Они даже одно полугодие проучились в городской школе, когда Марина была в девятом классе, а Надежда в седьмом. Марина после девятого поступила в медицинское училище. Жила, конечно, у бабушки с дедушкой. У ней всё очень хорошо сложилось: когда оканчивала училище и проходила практику в городской травматологической больнице, ее полюбил молодой заведующим, взаимно, так что семья получилась такой же прочной, как у родителей. Теперь они жили в своей квартире, с двумя сыновьями, в той самой девятиэтажке на Новосёловке, возле которой мы познакомились с Надеждой.

А у Надежды всё сложилось иначе. После девятого класса и она уехала в город. И поступила в техникум транспортного строительства. Жила тоже у бабушки с дедушкой, но точно так же, как и сестра, не хотела сидеть у них на шее, и всё время, пока училась, опять же, как и сестра, подрабатывала техничкой в школе, крыльцо которой было видно из их окон. Ее хватало на всё: и на учебу, и на работу, и на занятия в автошколе, а потом и в секции автомобильного спорта, и на русские народные танцы и песни в художественной самодеятельности к праздникам, и на то, чтобы окончить техникум по двум специальностям: «Строительство зданий и сооружений» и «Экономика». Не хватило только на то, чтобы почувствовать подвох судьбы... Он был военный, капитан. Приходил в ту самую школу, где она мыла полы, в гости к учителю физкультуры, много старше его, но, тем не менее, они были приятелями: физкультурник в прошлом тоже был военным, и они какое-то время вместе служили. И этот капитан, Коля, долгое время не замечал ее, даже когда она просила его убраться ноги, швабрия пол в кабинете физкультурника,

потому как в том возрасте, около пятнадцати лет, она еще была, по словам Аллы Сергеевны, невзрачной, почти дурнушкой, почему и не обращали на нее внимания ни одноклассники, ни однокурсники. Когда она училась на последнем курсе техникума, капитан уже не приходил в гости к физкультурнику в школу, а подкатывал к ней на «Волге».

И вот однажды, как всегда, в вечернее время, закончив работу, Надежда вышла из школы и увидела знакомого человека в военной форме. Склонив голову у поднятого капота, он растерянно смотрел в нутро своей «Волги». Она подошла и спросила: «Что у вас тут?» «Искра пропала», — ответил капитан, даже не посмотрев на нее. «Сейчас найдем, — сказала она. — Разрешите-ка...» И действительно, быстро наладила зажигание и, вытирая руки платком, пошла к дому напротив. «Постойте! — окликнул ее капитан. — Кто вы?» Она ответила, оглядываясь на ходу и смеясь: «Добрая фея!» Увидев ее лицо, капитан обомлел. Он узнал ее, но, как говорил ей позже, долго не мог поверить, что это она, а потом еще дольше пребывал в дичайшем недоумении: как же он мог упустить момент чудесного орнитологического превращения?

На следующий день, когда Надежда пришла домой после занятий в техникуме, капитан сидел у них в комнате за столом и играл в карты с бабушкой и дедушкой. Шел громогласный, оживленный, то и дело прерываемый смехом разговор. В вазе на комодке красовался букет разномастных цветов, а на краю стола лежал огромный торт. «Я пришел поблагодарить вас за вчерашнее, — говорил капитан, галантно целуя Надежде руку. — Если бы не ваше счастливое вмешательство, я бы, наверное, до сих пор искал эту проклятую искру!» Она впервые увидела, верней, более-менее хорошенько рассмотрела этого человека выше сапог, мешавших осуществлять трудовые функции, и все те романтические мечтания, что будоражили ее воображение в школьные годы — от чтения книг, к которым их с сестрой приобщала Алла Сергеевна, обожавшая хорошую литературу, особенно русскую классику, почему и окончила плюс к училищу заочный филфак пединститута и дальше работала уже не на младших классах, а преподавала русский язык и литературу в старших (даже и теперь, в директорском чине), — все эти мечтания, как я понял, нашли для Надежды свое жизненное воплощение в облике этого капитана, веселого добряка и красавца, безукоризненного чистюлю и аккуратиста: *«Мундир с иголочки, всегда как новый, а в сапоги или армейские туфли можно смотреться, как в зеркало»*. Наверное, в тот момент она ощущала себя так, будто попала во что-то похожее на тургеневс-

кую идиллию. Капитан очень понравился бабушке, уважавшей военных еще со времен ее работы поваром в Доме офицеров. Он понравился деду, который, несмотря на возраст, продолжал трудиться на высокой должности в остатках треста крупнопанельного домостроения, и ему было о чём поговорить с капитаном, ведь тот начинал офицерскую службу в стройбате. В общем, капитан наперед горячо был зван в гости и бабушкой, и дедушкой. На следующий день он устроил Надежде веселый культпоход в приезжий зверинец. Потом они побывали на выставке японских кукол. А на третий день он предложил ей выйти за него замуж, тут же объяснив причину скоропалительности: его ждет новое назначение, и буквально через месяц придется отсюда уехать. Надежда как раз заканчивала техникум, оставалось защитить диплом, по времени она укладывалась. Они поехали в Топольки, где капитан произвел хорошее впечатление и на родителей, с ним было о чем поговорить и отцу Надежды, начальнику МТС, поскольку капитан, как выяснилось, одно время где-то служил и зампотехом. Было, правда, нечто слегка насторожившее Аллу Сергеевну, например, чрезмерная холёность Коли, в коей виделась ей некая фальшь, и то, что он старше Надежды на десять лет: ему в то время было двадцать восемь. Кроме того, в разговоре Коля обмолвился, что «однажды был женат, да вот не сложилось, не о чем и говорить...» Но этим деталям в конечном итоге не было придано особого значения, потому что в целом Коля показал себя молодцом. Обходительный, выдержанный, всегда с обаятельной улыбкой. И что очень важно — непьющий. Он и в самом деле не употреблял ни капли, объясняя это странной реакцией на спиртное: «Стоит глотнуть, лицо разносит, как тесто на дрожжах!». И даже на свадьбе, немногочисленной, сыгранной в городе, в ресторанчике «Бриз», у него в бокале вместо шампанского пускала пузырьки минеральная вода. В общем, диплом был защищен, свидетельство о браке получено, и молодые уехали в большой уральский город.

Там жили на съемной квартире. Надежде не удалось найти работу по специальности, и она устроилась нянечкой в ясли-сад. Пролетел год, и она родила сына. Ему было полтора месяца, когда Коля сказал, что получил новое назначение, и скоро снова придется переезжать. Лето подходило к концу, но было очень тепло, когда они с вещами приехали на вокзал. Поднялись на второй этаж, в зал ожидания. Коля сказал, что пойдет узнать, не задерживается ли поезд, дал ей свой бумажник и ушел. Она ждала долго. Наконец, проголодавшись, заплакал завернутый в легкое одеяло сын, которого она всё это время держала на руках. Она покормила его грудью и только после

этого почувствовала неладное. Зачем Коля бумажник-то ей оставил? И что это за странная виноватая улыбка мелькнула на его губах, когда он уходил? Да и ушел-то (до нее только сейчас дошло) с чемоданом, в котором были его вещи. А ей осталась сумка с вещами ее и сына. Она открыла бумажник. В нем лежали деньги и свернутый тетрадный листок. Развернув его, она прочитала слова глубочайших извинений. Каждое слово кричало страстным презрением к себе, раскаяньем и болью за нее. Но ничего нельзя поделать, писал Коля. Он встретил другую, без нее ему не жить, и вот приходится прибегать к такому нелегкому для него повороту. «Деньги в бумажнике — для тебя, — писал он в конце. — Там хватит и на дорогу, и какое-то время на жизнь. Помогать буду. Уезжай домой, и не поминай лихом. Ты для меня значила очень много!!!»

Каких бы чувств ни испытывала в ту минуту Надежда, но она, по словам Аллы Сергеевны, не проронила ни слезинки. И никуда не поехала. Она вернулась с вокзала в тот садик, из которого вчера уволилась, больше было некуда. Заведующая согласилась взять ее на прежнее место, еще не занятое, даже пока без регистрации, и разрешила первое время ночевать с сыном в садике. А через несколько дней работавшая там сторожем пенсионерка взяла ее к себе на квартиру: она жила в благоустроенном доме в рабочем поселке километрах в тридцати от города, с мужем-шофером. Они и зарегистрировали ее в своей двухкомнатной квартире.

На следующий же день после первого ночного дежурства Надежда с сыном на руках пришла в воинскую часть, и тогда-то ей открылось то, чего она не знала раньше. Оказалось, капитан Коля был до нее женат не «однажды», а трижды, и от каждого из этих браков росло в разных городах по ребенку. Думаю, капитан относился к тому типу людей, которых я для себя называю «гейзеритами». У нас на факультете была одна девица, так вот ее время от времени охватывала необыкновенная страсть — то к лучшему в институте «кавээншику», то к солисту институтской рок-группы, то еще к кому-нибудь, и всякий раз эта страсть взрывалась в ней наподобие гейзера, и она убежденно говорила всем: «Это любовь! Любовь настоящая, огромная! На всю жизнь!» Но проходило немного времени, и любовь куда-то бесследно исчезала. Она говорила: «Пустяки... ошибка...» — и ждала, пока накопится очередная порция любовной энергии, как в гейзере, чтобы рвануть с новой силой. И вот такой тип подвернулся Надежде. Но до чего же удивительной выдержкой обладал капитан Коля! Ни разу ничем не выдал своего охлаждения. Ничего не знала она и о его истинных делах на службе. Куда, например,

делась «Волга», возле которой у школы он воспылал новой страстью? В воинской части Надежде объяснили, что на прежнем месте он, как отвечающий за продовольственное и вещевое обеспечение гарнизона, был уличен в каких-то махинациях, с помощью которых вроде как и разжился средствами на машину, но потом ему пришлось срочно продать ее, чтобы возместить ущерб и не угодить на скамью подсудимых. С огромным трудом ему удалось тогда удержаться в армии, но место службы пришлось сменить. А в том уральском городе он опять во что-то влип, вынужден был демобилизоваться, и уехал с новой молоденькой женой, которая месяца за три до того, приехав откуда-то издалека, устроилась массовиком в клуб военного городка.

Рассказывая об этом, пожилой майор-финансист всё рылся в каких-то бумагах, пока не нашел то, что искал. «Вы подписывали этот документ?» — спросил он.

«Да, — сказала Надежда, взглянув на бумагу. — Подпись моя. Он мне давал подписать. А что это?»

«Почему же вы не смотрите, что подписываете?»

«А зачем смотреть? Я ему верила.»

«Согласно этому документу, уважаемая Надежда Васильевна, вы должны в нашу кассу двести пятьдесят тысяч рублей! Срок, в течение которого вам надлежит их выплатить, истекает через пять с половиной месяцев!»

Она подумала и сказала: «Что ж, придется возвращать...»

Финансист засмеялся, но тут же смущенно кашлянул и сказал: «Не скрою, я абсолютно не надеюсь на то, что вы сумеете вернуть эту сумму. Хотите добрый совет?.. Уезжайте. Но не домой. Дома вас найдут. Куда-нибудь в другое место. И не регистрируйтесь. Поживите какое-то время так. А там, глядишь, всё само собой и замнется...»

«Что же, вы предлагаете мне удариться в бега?»

«Выходит, так. Мне просто жалко вас...»

«Спасибо, я ценю ваше сочувствие. Но вы сказали, у меня есть пять с половиной месяцев?»

«Есть.»

«Вполне может хватить, чтобы вернуть долг», — сказала Надежда. И ушла, качая на руках сына.

В тот же день она поговорила с шофером Аркадием Федоровичем, мужем той женщины, которая пустила ее на квартиру. Аркадий Федорович не достиг еще пенсионного возраста, но давненько лишился работы. Уже на другой день Надежда начала составлять что-то вроде своего собственного бизнес-плана, и одновременно звонить, разузнавать... Наконец, дала объявления в газеты и на телевидение, в «бегущую строку»:

«Молодая женщина, желающая открыть свое предприятие, возьмет кредит под хорошие проценты». Далее следовал номер ее сотового телефона. Пошли звонки. В основном предлагали интим, что она и предвидела. И сразу говорила: «Всего наилучшего!» И отключалась. А если те звонили опять, уже не отвечала. Она верила: должен найтись кто-то нормальный, по-настоящему деловой, которого заинтересуют «хорошие проценты». И такие действительно находились, с несколькими она даже встретилась, но, к сожалению, это были предприниматели не того размаха, они были не в состоянии дать ей нужную сумму. Обращаться же за кредитом в банки было бессмысленно, ведь у ней не было никакого имущества для залога. Но и в банки обращалась, потому что самым главным для нее было: не сидеть, а хоть что-то делать, делать! Время у ней было, поскольку работала она только ночами. Конечно, очень тяжело было всё это делать с грудным ребенком на руках, но поскольку хозяйка квартиры Дарья Антоновна тоже работала ночами, то днем можно было, нацедив молока в бутылочку, оставлять сына с ней: она охотно соглашалась.

И вот, похоже, улыбнулась удача. Ей позвонил человек, по голосу серьезный, представился генеральным директором лесоторговой фирмы. И пригласил к себе в офис переговорить «по ее вопросу». Она пришла. Это был мужчина возрастом за сорок, представительного вида, красивый. Посмотрев на нее долгим изучающим взглядом, он спросил: «Ну и какую сумму вы хотите получить?» Она ответила: «Пятьсот тысяч рублей. Но это минимум. Вообще-то мне надо семьсот». «Да, неслабая заявочка... — проговорил Григорий Эдуардович (так его звали). — А вы уверены, что сумеете извлечь пользу из этих средств?» «Послушайте...» — сказала она, но он ее перебил: «Какой конкретно деятельностью вы собираетесь заниматься?» Она ответила: «Я не хочу говорить. Могу сказать только одно: через год я вам всё верну». Он усмехнулся: «У меня есть куда более выгодное для вас предложение. Мне нужна хозяйка... Ну, или как это сказать... Домоуправляющая, что ли... Я на днях завершаю строительство дома, недалеко от города. Да что там дома! Дворца! Из самых лучших пород древесины! В нем пока никто не живет, а ему нужен уход, женское тепло...» Надежда встала со словами: «Я надеялась, что иду к порядочному человеку. Всего наилучшего!» И пошла из офиса. Лесоторговец кричал ей вслед: «От своего же блага отказываешься! Пожалеешь!»

На следующий день он позвонил ей снова. Она не ответила. Он позвонил еще, потом, видимо, понял, что бесполезно, и больше не звонил. Но дня через три заявился к ней на

квартиру. Каким-то образом, наверное, через телевидение или газеты, куда она давала объявления, сумел найти. Она не стала его гнать, но и за порог не пустила, вышла с ним на улицу. Он сразу начал извиняться, говорить, что она не так его поняла, ничего дурного он не замышлял, а всего-навсего предложил ей хорошее место, где она была бы и при деле, и всем обеспечена...

«Мне нужен кредит, а не ваше место», — ответила она.

«Но вы меня тоже поймите! — вскричал он. — Я не могу рисковать такими деньгами!»

«Я же сказала — верну!»

«А если нет?!»

«Если нет?.. — Она подумала и ответила: — Давайте, Григорий Эдуардович, решим по-деловому. Я предлагаю вот что. Вы даете мне кредит. Если через год я его не верну, то поработаю у вас домоуправляющей».

«Точно? — с сомнением спросил он. — Не обманете? Не исчезнете, как дым в трубу?»

«Это можно оформить документально! — резко ответила она. — В присутствии юриста!»

«Даже так?.. — Лесоторговец крикнул. — Да-а, тяже-елый вы человек... А знаете... Раз всё так оборачивается... Согласен! Оформим!»

И в тот же день они в его офисе заключили письменное соглашение.

Получив наличными пятьсот тысяч рублей (семьсот он все-таки не дал, сказал, что и пятьсот для него накладно), Надежда вместе с безработным шофером Аркадием Федоровичем поехала в Нижний Новгород. Сына взяла с собой. На автозаводе купила две «ГАЗели». И они погнали их домой. Стоял конец сентября, осень на всем пути выдалась погожей, теплой. Накормленный грудью и убаюканный качкой сын спал в кабине микроавтобуса сбоку от Надежды в подвешенной к спинке сиденья люльке, которую Аркадий Федорович, как корзину, сплел из ореховых ветвей.

Когда пригнали машины, Надежда сразу взяла в аренду два пустующих бокса в гараже филиала крупного завода, ради которого когда-то и был построен тот рабочий поселок, где жила она на квартире у Аркадия Федоровича и его жены. Получила лицензию и открыла новый рейс маршрутного такси — от поселка до города и обратно. Из садика ей, конечно, пришлось уволиться. Она приняла еще двоих безработных водителей, приятелей и ровесников Аркадия Федоровича, и они работали четвером, два дня через два дня. Время было благоприятное, экономика шла на подъем, и хоть был этот подъем не так уж велик, но рабочие места в городе, как и в поселке, всё же от-

крывались; люди из поселка устраивались на городские предприятия, а горожан наоборот, приглашали на работу в поселковый филиал; и тем и другим надо было ездить из города в поселок и обратно, а ездить на такое расстояние в битком набитом автобусе, разумеется, удовольствие небольшое, и все старались попасть на маршрутку, стоимость же проезда на пригородном рейсе в два раза больше, чем на городском, поэтому денежки сразу пошли очень и очень неплохо, стекались и стекались на ее счет, и никаких проблем не было ни с оплатой аренды гаража, ни с покупкой горючки и запчастей, ни с зарплатой шоферам, коей были они очень довольны. Они говорили Надежде: «Зачем тебе самой-то гонять? Ребенок же у тебя! Найми еще одного водилу!» Она отвечала: «Нет, мне надо самой! Мне так надо!» Они говорили: «А не тяжело так-то вот: на мужичьей работе с ребенком?» Она говорила: «Ну, вы же видите — справляюсь!» И в самом деле, она и денег накачивала не меньше, а иногда и больше мужиков, и сын всегда у ней был сыт и ухожен. «На автогонках бывало тяжелых!» — сказала она как-то шоферам. Пассажиры первое время жаловались: мол, слишком быстро она возит, опасно. Потом привыкли.

Через три с половиной месяца после начала работы она пришла в воинскую часть, к майору-финансисту, и выложила перед ним наличными весь капитанский долг. Майор ошалело смотрел на деньги, спрашивая севшим голосом: «Откуда это?..» Она объяснила, добавив: «Как видите, в срок я уложилась». Майор быстро всё оформил, сдал долг в армейскую кассу и попросил Надежду пройти с ним к начальнику части, полковнику. Тот, выслушав майора, сразу предложил Надежде хорошо оплачиваемую работу с перспективой офицерских курсов, по окончании которых она, получив звание лейтенанта, заступит на майорскую должность вот этого финансиста, который давно уже просится в запас. Надежда отказалась, и попросила только об одном: помочь разыскать Колю. «У меня пока ничего не получается, — говорила она. — Не могу найти! А мне надо с ним развестись!» Полковник сказал: «Плохо, что не хотите пойти к нам. Но я обещаю: для вас сделаю всё. Подключу своих знакомых из соответствующих структур. Не сомневайтесь, Койтова вам найдут!»

И сдержал слово, Колю скоро нашли. Он сидел под следствием в Вычегде, став жертвой очередного любовно-гейзерного взрыва. Новый объект повстречался ему на предприятии, куда он устроился заместителем начальника охраны. На сей раз это была не столь уж и молодая, на пару лет даже постарше его красавица-вдова, заведовавшая какой-то лабораторией. Он и с ней хотел сбегать, да что-то замешкался,

протянул время, наверное, не сумел ее быстро уговорить, и предыдущая обо всем узнала, а она была не только массовиком, но и артисткой любительского цирка, жонглировала бутылками из-под шампанского, ездила на одноколесном велосипеде, держа на носу длинный штырь с уставленным бокалами подносом, а кроме того метала ножи, причем, этот номер был у ней гвоздевым (Надежда сама от души аплодировала ей в клубе военного городка, когда она, стоя на авансцене с десятком ножей в руке лицом к залу, вдруг поворачивалась к высокому деревянному щиту в глубине сцены и начинала бросать ножи в фуражку, воротничок, портянку, офицерский галстук и прочие предметы армейского быта, которые ассистент подбрасывал в воздух с довольно-таки приличной частотой, но все они оказывались приколотыми к щиту). Случайно узнав о том, что Коля собрался бежать с другой, она разузнала ее адрес и пришла к ней. Коля как раз был там. Она достала из сумки ножи и велела Коле сесть на стул у стены. Иначе, мол, первый же нож полетит в него. Коля сел. Завлабораторией хотела было поднять крик, но как только циркачка начала ей выкладывать всю правду (которую узнала наперед, обзвонив те места, где служил Коля), замолчала и только смотрела, как один за другим летят ножи, втыкаясь в стену вокруг бледного лица Коли. Когда ее рассказ подошел к концу, оставался последний нож. Понуро сидевшая завлабораторией вдруг сказала: «Дайте-ка мне метнуть. Я знаю, куда целить...» И тут, воспользовавшись секундной паузой, Коля сделал бешеный прыжок, схватил руку циркачки, да как-то неловко ее завернул, и нож вошел ей под ребро. Завлабораторией вскочила, бросилась к ним, и Коля тем же ножом сильно поранил и ее. Женщин увезли в больницу, а Колю — в тюрьму.

Туда Надежда и отправила документы, необходимые для развода. Получив его, вернула себе девичью фамилию, на нее переоформила и свидетельство о рождении сына. Когда последний раз созванивалась с судьей, та сказала, что Колю посадили на семь лет. Надежда накупила теплой одежды и долгохранящихся продуктов и послала на служебный адрес судьи, попросив в письме передать Коле, если это возможно, а если нет, использовать по своему усмотрению; но если все-таки у ней получится передать, писала она, то не надо говорить Коле, от кого всё это.

А работа продолжалась. Надежда возила пассажиров на «газельке», а в свободное время взялась строить капитальный гараж, прямо в поселке, на специально купленном участке земли. Это было необходимо по той причине, что из арендованных боксов ее в любой момент могли попросить. Она сама сделала чер-

тежи гаража, сама отработала в качестве прораба, руководя двумя бригадами строителей. Гараж был построен весной, за месяц с небольшим, просторный, с подсобным помещением, всего на два бокса, но к ним можно было пристраивать еще.

И вот прошел год, точней, одиннадцать с лишним месяцев с того дня, как Надежда взяла кредит. Она позвонила кредитору и назначила встречу в номере гостиницы «Россия», попросив захватить свой экземпляр их соглашения. Должно быть, Григорий Эдуардович решил, что это сдача, что она проиграла. Во всяком случае, приехал он один. Не иначе, и ее рассчитывал застать одну. Но вместе с ней в номере сидела женщина, как выяснилось, нотариус, и двое здоровяков с лицами мальчишек в синих формах охранной фирмы. У них было по блестящей кобуре на боках, они сидели рядышком на диване и были похожи на братьев-близнецов. Лесоторговцу пришлось достать из кармана его экземпляр соглашения и паспорт. Нотариус сверила оба экземпляра и сделала запись в своей книге.

А Надежда сказала:

«Григорий Эдуардович, вот вам чистый листок, напишите, пожалуйста, расписку в получении суммы кредита, который вы мне выдавали, плюс проценты...»

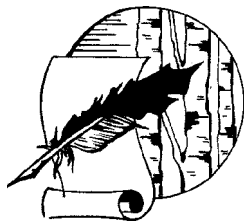
«Надя, мне надо поговорить с тобой наедине...» — начал было лесоторговец, но Надежда покосилась на охранников, и те, одновременно приподнимаясь, взглянули на Григория Эдуардовича так, что он вздохнул, сел за стол и стал писать расписку.

Надежда вынула из сумочки и положила на стол семь пачек тысячерублевок и одну — пятисоток, все в банковских упаковках. Нотариус быстро всё оформила, расписка была получена, подписи поставлены.

«Прощайте, Григорий Эдуардович, — сказала, вставая, Надежда. — Как бы там ни было, а вы меня всё же выручили, за это спасибо. Но вам придется немного побыть здесь. Попейте с ребятами пива, закусите. В холодильнике найдете...»

Он рванулся за ней, но охранники удержали его. Он кричал ей вслед, просил выслушать. Она вместе с нотариусом ушла. Аркадий Федорович отвез ее в поселок на «газеле». У ней уже всё было готово к отъезду домой. Новая «Нива», лучшая машина для сельской местности, заправленная и загруженная всем необходимым для дальней дороги, стояла у подъезда. Газельный бизнес она передала Аркадию Федоровичу. Уехала в тот же день. Сын не висел теперь в люльке, а сидел рядом с ней в кабине. Он уже и ходить мог.

Продолжение следует

Анатолий АВРУТИН

ПОСЛЕ ПОЖАРА

* * *

Сверкнёт в ладони огонёк,
Погаснет вдалеке...
Мы — спички... Каждый одинок
И спрятан в коробке.

Бренчим... Не скажешь: «Не хочу!..»
Черкнут о злой фосфор...
Кому-то зажигать свечу,
Кому-то — жечь собор.

ПАМЯТИ МАМЫ

1

Птицы громко кричали о том, что ты тихо ушла,
Замолкали на миг... И встревоженно снова кричали.
И не видела света внезапно наставшая мгла.
Только птицы кричали... Испуганно птицы кричали.

Мне бы вздрогнуть от боли, но кожа моя запеклась,
И молчанья свинец опалил воспаленное горло.
И гремучий осколок порвал нашу зыбкую связь,
И зловещая ночь над бедой моей крылья простёрла.

И какие-то люди в двойной, непрозрачный чехол
Положили твоё голубое прозрачное тело...
Погасили свечу... Но цветок в изголовье расцвёл,
И неясная сила в тяжёлом бутоне вскипела.

Мы назавтра пришли... Через ужас назавтра пришли...
Там лежала не ты, а твоя оскорблённая брэнность.

И узнать не смогли ни единой родимой черты,
Лишь на плечи легла чёрных дней роковая согбенность.

Почему, почему в этот год всё случилось не так,
Как мечталось, когда стекленели февральские льдинки,
И казался проблемой какой-то извечный пустяк...
А сейчас чередую — поминки, поминки, поминки?..

Будто съёжилось небо со всех погребальных сторон,
И на ватных ногах чуть плетётся согбенное тело.
Но цветёт и не чахнет всё тот же багряный бутон,
И глядит мне в глаза, как недавно мне мама глядела.

2

Мамино наследство... Старенькая кружка,
Полкатушки ниток, ножницы и плащ.
Да с гусиным пухом смятая подушка,
Где забился в перья одинокий плач.

Многое мне, мама, видится иначе,
Нынче не поплакать полночью, вдвоём...
Мне опять не спится на измятом плаче,
Как всегда, неслышном плаче на твоём...

3

Мне без мамы и дышать нелегко,
Нынче мама высоко-высоко...
Стросит с неба: “Ты опять нездоров?!”
И не нужно мне других докторов.

Мне без мамы тяжело говорить,
Оборвалась пуповинная нить.
Бьет осколки... Недолёт... Перелёт...
Это мама мне солгать не даёт.

Мне без мамы эти травы топтать,
И без мамы мне её понимать,
Хоть без мамы я не чую земли,
Будто горем мне подошвы сожгли.

Мама видится росинкой в цветке,
Огонёчком, что мелькнул вдалеке,
Причитаньем: “Наглядеться бы впрок...
Не спеши ко мне подольше, сынок!..”

* * *

Ветер выл... Из окон сильно дуло.
Босиком... По лужам... Через грязь.
Незаметно детство промелькнуло,
Ну а следом юность пронеслась.

Тихо жил... Грешил не много вроде.
То любовь... То книжки... То дела.
Всё страшился — молодость проходит,
А уже и зрелость отошла.

И лицо у женщины не рдеет,
Если в лифте встретится со мной...
Мне всю жизнь казалось, что согреет
Родина и стужей ледяной.

Что не может Родина по-волчьи
Поднимать отступников на щит.
Мне казалось — Родина и молча
Говорит со мною, говорит...

А теперь всё спуталось навеки,
Глаз влажнеет, прошлое двоя.
И любимой вздрогнувшие веки —
Это нынче Родина моя.

* * *

Вослед за солнцем года умчали,
Плоды с деревьев опали глухо...
Зато примчали мои печали,
Слова шепнуть для поддержки духа.
А на веранде, в немодной шали,
Неспешно вяжет носки старуха.

Неспешно... Не суетливы спицы.
Слегка движенья морщинят шею.
«Свяжу... Им з́ зиму не сноситься...
Свяжу.. И вскорости заболею...
Спина немеет, не слышит ухо...»
Неспешно вяжет носки старуха.

Жалеет: «Осенью не успела.
Хворала... Были еще тревоги.

Душа и тело тогда болело,
А нынче только душа и ноги...»
А на веранде тепло и сухо.
Неспешно вяжет носки старуха.

Устали пальцы... И в белой саже
Стекло... Снег цедится, как сквозь сито.
Старуха вяжет... Хоть вправду — даже
Носочки некому и носить-то...
В дому она да петух Петруха...
Неспешно вяжет носки старуха.

* * *

Вороны немели от крика,
А мы всё брели по судьбе.
Мне — ландыш, тебе — повилика,
И лютики — тоже тебе.

Брели... И казалось, что скоро
Нас выведет к счастью... Вдвоём.
Туда, где стальная опора
Ржавела в проулке твоём.

Что ждет нас?.. В ответ: «Погоди-ка...»
Малиновый сок на губе.
Мне — ландыш, тебе — повилика,
И лютики — тоже тебе.

Цветы изъяснялись на странном
Наречье... На то и цветы...
И сделалось небо — туманным,
И чем-то несбыточным — ты.

Любовь велика́ и вели́ка,
Всплывает, как при ворожке:
«Мне — ландыш, тебе — повилика,
И лютики — тоже тебе...»

* * *

Всё это было так давно —
Мечты-мечталочки...
Сидит старик... А мне смешно...
Сидит на лавочке.

Сидит... И с памятью вдвоём
Своё калякают.
Сидит... И палочка при нём,
И утварь всякая.

Что обменял, что подобрал —
Узлы да тряпочки.
Твердит про ценный драгметалл
В сгоревшей лампочке.

Твердит, что Родина сдана,
Что тяжко — с грыжею.
Твердит... А слушает одна
Дворняга рыжая.

А я шагаю из кино
К подруге Аллочке.
И доедаю эскимо —
Вон то, на палочке.

И у меня довольный вид,
Под мышкой — книжица.
И так смешно, что он сидит,
Когда всё движется...

Но годы мчат по виражу,
И — делать нечего! —
Сижу на лавочке, сижу
Напрасным вечером.

Тех, кто смеётся, не виня,
Кто мимо бегают..
Сижу... И слушает меня
Дворняга пегая.

* * *

Наступает такая пора —
Золотая пора листопада.
Кроме спички и кроме пера
Ничего-то мне больше не надо.

Спичкой нервною чиркну в ночи,
Подожгу эти нищие стены...

Про пожар — не звони, не кричи,
В нём все фразы, что не сокровенны.
Всё, что лгало в красивости строк,
Все наброски в набухшей тетради,
Всё, что прежде не смял и не сжёг,
Что явились напрасности ради...

Пусть огонь шуганёт в облака,
Выше мрака, обмана превыше.
Пусть останется только строка,
Да перо еще строчку припишет.
Если выживут, значит, судьба...
Выжить — больше, чем смертная кара.
И торчат, как печная труба —
Там... На огнище... После пожара.

БАБУШКА

Утром внуку путь далёк,
А короче нет.
Бабка алый уголёк
Смотрит на просвет.

Всё ей видно сквозь багрец,
Сквозь прозрачный жар —
Где начало, где конец,
Где коварный яр.

Где рябина на юру,
Где разбитый мост.
— Эта тучка — не к добру,
Не увидишь звёзд.

Слева — ржавые стога,
Справа — чёрный крест.
В липкой тине берега —
Обойди окрест.

Смотрит бабка сквозь огонь,
Рытвинки на лбу.
— Встретишь девицу — не тронь,
Не гневи судьбу.

Встретишь птицу — улететь
Хочет — пусть летит.

Пусть висит без дела плеть
И ружьё молчит!

Пусть не брызнет, в зле слепа,
Из ружьишка дробь.
Только б черная тропа
Не умчала в топь.

Не скачи наискосок
И очей не прячь!..
Внук отчаян... Путь далёк.
Огонёк горяч.

— Я, внучок, почти слепа,
Мусор в уголке.
Только вся твоя судьба
В этом уголке.

И пока мне сквозь него
Зрится свет в ночи,
Не случится ничего,
Ты скачи, скачи!

А доскачешь — позабудь,
Счастья не тая,
Что тебе шептала в путь
Бабушка твоя!..

* * *

Где цветень июньская? Было да сплыло.
Любимая, видишь, как задекабрило?
На ветках — пороша, на окнах — пороша,
И вóроны каркают по-скоморошья.

Я всё повторяю: «Любимая, где ты?»
Ведь даже пропетые песни не спеты...
Хоть поздняя осень весну повторила,
Любимая, видишь, как задекабрило?

Грачи улетели... Но всё же, но всё же
Перчатка не льнёт к цепенеющей коже.
И чувствуешь — что-то в душе не остыло...
Любимая, видишь, как задекабрило?

Не тает ледок. Минус три. Воскресенье.
От собственной памяти нету спасенья.
Друг к другу манит нас какая-то сила...
Любимая, видишь, как задекабрило?

* * *

Порой ночами видел наяву
Те годы, где упругим было тело,
Где я сгребал опавшую листву,
И та листва дымилась, но горела.
Теперь гляжу почти издалека
Я на себя... Опять листву сгребаю.
Она летит... Я сам душой сгораю.
Поджечь — не поднимается рука.

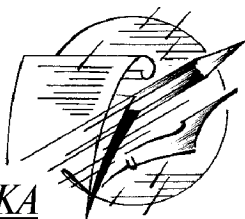
г. Минск

«Я НЕ ПЕРВЫЙ, А ЕДИНСТВЕННЫЙ!»

В этом году исполнилось 125 лет со дня рождения Г.К. Жукова. Из опубликованного о прославленном полководце наиболее интересными, правдивыми, насыщенными разнообразными фактами представляются документальные записи известного русского поэта и публициста Феликса Чуева, в которых Г.К. Жуков выписан ёмко, психологически выразительно, без приторного елеса, с глубоким уважением, как и должно относиться к исторической фигуре столь огромного масштаба и бурного, сильного темперамента.

«Скажу сразу: Георгий Константинович неколебимо стоит в ряду моих самых любимых героев, в которых я видел образец доблести и мужества, — таких, как Суворов, Сталин, Чкалов», — пишет Ф. Чуев (Здесь и далее цитирую его литературный очерк «Маршал Жуков» в журнале «Молодая гвардия», 1995 г., № 8).

Прямолинейный, жёсткий, нетерпимый ко лжи и фальши — с одной стороны, и с другой — великодушный, эмоциональный, даже сентиментальный. Вспомним хотя бы, как в редкие, свободные от фронтовой службы минуты он

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

брал в руки баян, тихо и проникновенно наигрывал любимые русские народные песни...

Чрезвычайно многогранной была эта яркая личность, олицетворяющая подлинно русский национальный характер с присущим ему необъятным диапазоном неповторимых черт и особенностей. Даже в ряду гениев таких людей называют «штучными», уникальными.

Особенно ненавидел и презирал Георгий Константинович лесть и угодничество перед властью имущими, ценил в людях прежде всего деловые качества и нравственную добродетель. Вот характерный пример.

«— Доложите Георгию Константиновичу, что прибыл маршал (такой-то)», — сказал приехавший с опросным листом встретившему его офицеру на даче Жукова. Тот удалился и вскоре вернулся, отрапортовал:

— Четырежды Герой Советского Союза Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков приказал передать, что он не знает маршала (такого-то)!..

Маршал-то приехал послевоенный, хрущёвский, «списочный»...»

Не в силах низвергнуть легендарного маршала с пьедестала как великолепного военного стратега, злопыхатели и хулители Г.К. Жукова облыжно обвиняют его в бессмысленной жестокости и даже издевательствах над сослуживцами. Да, жёсткость с его стороны была, бывала и жестокость. Но всё это не могло не оправдываться объективными суровыми обстоятельствами военного лихолетья, когда решалась судьба Родины.

Вспомним лето—осень грозного 1941 года. Несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, всё более усложнялось положение на фронтах, одно поражение следовало за другим, создалась реальная угроза захвата фашистскими полчищами Москвы. Враг уже хвастливо трубил на весь тревожно затаившийся мир о предстоящем победном параде в русской столице...

В тот отчаянный час даже человек железной воли и необыкновенной выдержки Сталин на миг дрогнул, взволнованно обратившись к Жукову: сумеем ли мы отстоять столицу?.. Полководец твёрдо отвечал: «Москву мы не сдадим!» И наша столица выстояла!

Как известно из документальных источников, под Москвой Красная Армия имела незначительное превосходство над гитлеровцами в живой силе и вооружении, но стратегически продуманное высшим командованием контрнаступление позволило достаточно далеко отбросить врага и, главное, ли-

шить его наступательного порыва, внушить нашему народу и всему миру веру в неизбежный разгром фашистского рейха.

Все, кто соприкасался с Жуковым, отмечали: он действовал всегда решительно и смело. Его железная воля передавалась подчинённым всех рангов. Победа под Москвой была поистине исторической, похоронившей гитлеровский план молниеносной войны. Не щедрый на громкие похвалы своим полководцам Сталин потом скажет: «Жуков отстоял Москву».

Мощный контрудар советских войск стал результатом коллективного разума верховного командования, в котором Г.К. Жуков занимал ведущее место. По словам видного военного историка, кандидата исторических наук Алексея Исаева, «Жуков планировал конкретику военных действий. С ним все советовались, когда начинать...»

Тщетны попытки злобных недругов России списать поражение немцев в Московской битве на «роковые ошибки Гитлера», нестерпимо холодную зиму 1941—1942 годов и прочие причины, как будто наши бойцы воевали в неких особых тепличных условиях. Один из комментаторов в этой связи едко иронизирует: «Да... Под Москвой трещали русские нещадные морозы, под Курском пала русская невыносимая жара, а под Сталинградом сломала планы врага русская слишком низкая облачность...»

Как признают исследователи, Г.К. Жуков является ключевым инициатором и организатором многих наших побед. В годы Великой Отечественной войны он стал едва ли не самым ответственным лицом за судьбы миллионов солдат и показал себя невероятно талантливым и прагматичным полководцем. Даже битые фашистские генералы в своих мемуарах вынуждены признать его бесспорным гением полководческого искусства, а наш народ по праву именует Георгием-Победоносцем. Не случайно за ним закрепилось звание, не предусмотренное «табелью о рангах» — Народный Маршал.

Кто считал, сколько тревожных бессонных ночей провёл в тот опасный и напряжённый период войны Георгий Константинович? Сколько исколесил раскисших от непогоды дорог, неустанно мотаясь по разным участкам фронта, сколько потерял сил и здоровья?..

После войны, работая над мемуарами «Воспоминания и размышления», Маршал коротко, со свойственным военному человеку лаконизмом подчеркнул: битва за Москву была самой тяжёлой в ходе Великой Отечественной войны.

Читая публикации о знаменитом полководце, порой создаётся ложное представление, будто он был стальным моно-

литом, начисто лишённым каких-либо эмоций. Можно лишь догадываться, какие мучительные переживания изматывали душу полководца в это трагическое лихолетье.

А каково было ему знать, что в его родной деревне Стрелковка, которую вот-вот захватят рвущиеся к столице фашисты, живут его престарелая мать и сестра?! Лишь в последний момент их удалось вывезти в безопасное место. С присущей им сатанинской злобой гитлеровцы сожгли его родовое гнездо дотла.

Георгий Константинович рассказывал, как благословляла его в детстве мать, навсегда провожая из деревни в Москву, в неведомую жизненную дорогу: «Помолившись, присели по старинному русскому обычаю на лавку. «Ну, сынок, с Богом!» — сказала мать и, не выдержав, горько заплакала, прижав меня к себе...»

Генерал армии Афанасий Павлантьевич Белобородов, командовавший под Москвой 78-й стрелковой дивизией, вспоминал, как на одном из приёмов в честь Дня Победы к нему подошёл Жуков, тепло поздоровался, обнял и спросил: «Помнишь, Павлантьич, ноябрь сорок первого?.. Волоколамку помнишь? У-ух, и тяжело было...» Глаза у него повлажнели, рука, лежащая на моём плече, дрогнула. Но я не удивился. Вспоминать самые критические дни обороны Москвы даже такому человеку железной воли, каким я знал Жукова, было невероятно тяжело...»

Генерал-майор в отставке Н.И. Протасеня вспоминает: «Да, личность Г.К. Жукова противоречива, противоречива и его практическая деятельность на всех армейских должностях. Известно, что он допускал и ошибки, и просчёты, будучи начальником Генерального штаба. Но ведь были триумфальные победы во время командования фронтами. И весьма важно, что сам Жуков никогда не отрицал, а признавал долю своей вины во всех допущенных ошибках. Он был человеком полным энергии, никогда не отступал перед трудностями, всегда сохраняя оптимизм даже при неудачах, всегда отдавал щедрость своей души окружающим людям».

Питавший огромное уважение к боевому соратнику по оружию и верному другу маршал А.М. Василевский отмечал, что среди других военачальников Георгий Константинович выделялся «суворовским озарением». Можно объяснить эти слова так, что разум и действия Народного Маршала озарялись Богом для принятия единственно правильного решения так же, как у победоносного Суворова. Озарение, известно, это Божия помощь. Преподобный Иоанн Лествичник говорил о том, что помощь Господа подаётся только верным.

В мемуарной литературе о Маршале Победы особняком стоит книга воспоминаний об отце Марии Георгиевны Жуковой «Маршал Жуков — мой отец» (М.: изд. Сретенского монастыря, 2005), отмеченная рядом литературных премий. В книге, выдержавшей несколько изданий, может быть, впервые столь глубоко и трепетно воссоздан живой, эмоционально-экспрессивный образ непобедимого полководца, сумевшего сохранить верное сердце православного христианина в условиях государственного идеологического богохульства.

Мария Георгиевна даёт ясный ответ на вопрос: каким на самом деле был полководец как человек, как яркая индивидуальность. Вопреки официально установленной дате рождения — 1 декабря, она уточняет подлинную дату рождения отца — 2 декабря и сообщает, что, согласно церковным канонам, он был крещён на восьмой день, выпавший на 9 декабря (26 ноября по старому стилю), когда празднуется память великомученика Георгия, в честь которого и получил своё имя.

«Факт, что отец сам праздновал свой день рождения именно второго декабря, — утверждает дочь маршала. — ...У меня, конечно, обострённое восприятие всего, что связано с именем отца, потому что для меня он — очень высокий идеал!» И приводит проникновенные слова, написанные о Жукове архимандритом Кириллом (Павловым): «Печать избранничества чувствуется во всей его жизни... Промысел Божий избрал его быть спасителем России в тяжёлую годину испытаний. Недаром Георгия Константиновича все русские люди любят как своего национального героя».

«Архимандрит Кирилл (я очень почитаю его и бесконечно благодарна за то, что он несколько раз принимал меня в своей келье) дал мне камертон отношения к любви и нелюбви к моему отцу», — отмечает Мария Георгиевна.

«И в отношении вашего отца, и в отношении вас будет много недоброжелателей, — сказал батюшка. — Но тех, кто испытывает любовь, будет несравненно больше». И когда я вижу какие-то выпадения в адрес отца, неправду и порой дьявольскую злобу, то вспоминаю слова отца Кирилла. Он ведь прошёл всю войну. Его келейница сказала: у отца Кирилла есть две настольные книги, которые он читает всегда. Первая — это Евангелие, а вторая — «Воспоминания и размышления» маршала Жукова».

«Меня очень радует историк Алексей Исаев, который способен таким, как Резун, миллионными тиражами выпускавший свои насквозь лживые книжки, ответить аргументировано, развенчать эти злые мифы...» — говорит Мария Георгиевна.

евна. И продолжает: «Мне кажется, он всегда был честен перед людьми, перед самим собой и перед Господом Богом. ...Когда постоянно молишься о родном человеке, то и чувствуешь его живым. «Скоро я умру, но с того света я буду наблюдать за тобой и в трудную минуту к тебе приду», — вспоминает Мария Георгиевна завет отца. — Много раз потом я вспоминала этот разговор, размышляла над его словами — именно ими он перекинул для меня мостик из тёмной жизни в жизнь вечную».

Наместник Сретенского монастыря в Москве архимандрит Тихон (Шевкунов) разъяснил Марии Георгиевне: «Слова Георгия Константиновича говорят о том, что он как православный христианин верил в бессмертие души, а вы должны о нём молиться».

Поистине Г.К. Жуков был ниспослан свыше возглавлять победоносное шествие Красной Армии в жестокой схватке с фашизмом. Наша историческая жертвенная Победа выпала на день памяти великомученика Георгия, на Пасху. Война началась в воскресенье, в день памяти Всех Святых, в земле Русской просиявших. «Думаю, всё это не случайно происходило в нашей истории, — говорит Мария Георгиевна. — Ведь Господь правит миром. Действительно, можно только удивляться связи жизненного пути отца с его небесным покровителем — великомучеником Георгием Победоносцем. ...А если говорить о вере отца, то лучше всего о его вере скажут его дела». «По плодам их узнаете их» — сказал Господь (Мф. 7:16).

Выходец из бедной крестьянской семьи, плоть от плоти русского народа, Г.К. Жуков, безусловно, осознавал: без православной веры нет России, не может быть сломлен жестокий враг, нет личной жизни, нет национальной культуры и памяти, нет будущего. Исконно Православие цементирует и воодушевляет нашу веру в неизбывную победу над врагами Отечества.

Известно, что маршалы Жуков, Василевский, Шапошников перед каждым сражением говорили: «С Богом!..» И не удивительно: они прошли школу мужества и верности родине ещё до революции 1917 года (Георгий Жуков окончил три класса церковно-приходской школы), начинали военную службу рядовыми солдатами, их мировоззренческий, духовно-православный уклад не могли поколебать официальные атеистические догмы советской эпохи.

Крестил младенца Георгия священник Василий Всесвятский на следующий день после появления того на свет. нарекли младенца в честь святого великомученика Георгия

Победоносца, римского полководца, принявшего мучения и смерть за исповедание веры Христовой.

В народной памяти прочно закрепились такие истории. Один человек рассказывал, что в начале войны Жуков прислал в их деревню под Нарофоминском машину со священником, чтобы окрестить всех детей. Священник из села Омельец Брестской области в письме к Жукову, поздравляя его с Победой, пожаловался, что все колокола с церкви были увезены оккупантами. Вскоре от маршала пришла посылка весом в тонну — три колокола! Колокола висят там и по сей день. А прихожане бережно хранят письмо маршала.

В Киеве есть чудотворная Гербовецкая икона Божией Матери, которую маршал отбил у фашистов. В одной из своих проповедей архимандрит Кирилл говорит: «Надо отдать должное руководству страны, которое воздвигло такого гениального полководца, как Жуков. В прежние времена Господь воздвигал для России Суворова, Кутузова. В наше время Георгий Жуков — это была милость Божия. Мы обязаны ему спасением».

...Не станем излишне героизировать и романтизировать гениального полководца. В быту, в отдельные минуты опасного военного лихолетья, в рутине житейской повседневности он подчас давал волю своему горячему нраву, демонстрировал далеко не лучшие черты своей крутой натуры: гневливость, вспыльчивость и т.п.

«Любопытный рассказ я услышал от моряков о том, как на одном из наших флотов, ожидая приезда министра обороны Г.К. Жукова, стали усердно готовить для него крейсер и, зная его своеобразное отношение к морякам, назначили командиром крейсера молодого капитана третьего ранга, сделал его как бы козлом отпущения, — пишет Ф. Чувев. — А чтоб смягчить ответственность и непредсказуемость последнего, срочно повысили его в звании — до капитана второго ранга.

Во время плаванья Жуков сидел в командирской каюте, и капитан второго ранга старался не попадаться ему на глаза. Однако Жуков его вызвал. И спросил:

— Ну, как дела, подполковник?

Тот что-то ответил.

— Водку пьёшь? — спросил Жуков.

Командир крейсера задумался.

— Ладно, вижу, что пьёшь. Доставай, что там у тебя есть.

Выпили. Жуков говорит:

— Что же это, у тебя такой большой *пароход*, а ты всего подполковник? — И обратился к своему помощнику:

— Запиши ему полковника! А то неудобно: такой большой *пароход*, а он подполковник...

Прекрасно ведь знал Георгий Константинович, что не пароход, а крейсер, не подполковник, а капитан второго ранга, но два раза нарочно повторил. И командира корабля грустно осенило: приказом министра обороны ему будет присвоено звание «полковник», спишут на берег, и станет он служить на суше...

— Товарищ министр обороны! Если Вы решили повысить мне звание, то прошу записать не «полковник», а «капитан первого ранга»!

— Тоже мне, напридумывали всяких рангов — таких и званий не бывает! Ладно, пусть будет капитаном первого ранга, раз такой большой *пароход*...

И таким порой бывал Маршал: шокирующе непредсказуемым, обескураживающе парадоксальным. В то же время ему, казалось бы, недолюбливавшему морской флот и «пароходы», принадлежит гордая фраза: «За этот участок, где стояли военные моряки, я всегда был спокоен!»

Горой стоял Маршал за рядового солдата, с отцовской любовью относился к низшим чинам. Яростно ненавидел мелочность, расхлябанность, амбициозное честолюбие, бюрократическую волокиту. Встречаясь с подобным в военной среде, мгновенно взрывался неудержимым гневом, голос его звенел сталью. Безответственные ленивцы и разгильдяи в полной мере на себе ощущали силу жуковской суровости.

Показателен эпизод в кинофильме режиссёра Ю.Н. Озерова «Битва за Москву». Подразделение молодых курсантов военного училища спешно окапывается на передовой, готовясь героически встретить врага. К ним подъезжает легковой автомобиль с командующим Жуковым. Георгий Константинович подходит к бойцам, ободряюще интересуется их настроением, готовностью отразить наступление оккупантов и вдруг замечает, что в сырую холодную погоду они всё ещё не обмундированы по-зимнему, гимнастёрки их намокли и не спасают от пронизывающего ветра...

Жуков вскипает горячим гневом и отдаёт сопровождавшему офицеру жёсткую команду: курсантам немедленно доставить шинели, а отвечающего за обмундирование нерадивого интенданта отдать под суд. Гадать не приходится — виновного ждёт трибунал и, возможно, расстрел. Таковы неумолимые жестокие правила беспощадной битвы. На войне как на войне.

На прощание командующий проникновенно, по-отцовски обращается к курсантам:

— Я прошу вас, сынки, продержитесь! Два дня, ещё два дня...

Жуков знал: на подходе к фронту свежие резервные воинские части. Но им нужно время, хотя бы пару дней, чтобы успеть доехать до фронта и, вступив в бой, погнать лютого врага вспять.

...Послевоенная жизнь легендарного маршала сложилась крайне драматично. Его надежде целиком посвятить себя необходимому реформированию армии не суждено было сбыться. Ему пришлось испытать и временное недоверие подозрительного Сталина, и понижение в должности, и особенно морально угнетавшее его предательство одного из верных в прошлом боевых товарищей, и даже грязное и несправедливое обвинение в причастности к грабёжам в Германии...

Естественно, это выбивало из колеи, подрывало здоровье, не давало ему всерьёз заняться служебными делами и написанием мемуаров о минувшей войне, мешало разглядеть, кто верный друг, а кто подлый и коварный враг.

В июне 1957 года Георгий Константинович совершил роковой шаг, выступив союзником Хрущёва против «старых» сталинских соратников (Молотова, Маленкова, Кагановича, Ворошилова), пытавшихся на заседании Президиума ЦК убрать Хрущёва с высшей партийной должности.

Ещё до начала работы Июньского пленума ЦК партии Г.К. Жуков жёстко заявил:

— Я требую созыва пленума. Армия не потерпит снятия тов. Хрущёва на Президиуме. Должны быть соблюдены все нормы социалистической законности.

«Армия не потерпит» — означало, что танки Кантемировской и Таманской дивизий, базирующиеся под Москвой, по первому же приказу министра обороны Жукова окажутся в столице и наведут должный порядок.

— Я категорически настаиваю на срочном созыве пленума ЦК, — продолжал маршал. — Вопрос стоит гораздо шире, чем полагает группа. Я хочу на пленуме поставить вопрос о Молотове, Кагановиче, Ворошилове, Маленкове. Я имею на руках материалы об их кровавых злодеяниях в 1937—1938 годах. И им не место в Президиуме и даже в ЦК КПСС. И если сегодня группой будет принято решение о смещении Хрущёва с должности Первого секретаря, я не подчинюсь этому решению и обращусь немедленно к партии через парторганизацию Вооружённых сил!

Грозное и неожиданное заявление Маршала Победы вызвало шок и повергло в ужас «антипартийную группу».

На июньском пленуме ЦК КПСС Георгий Константинович продолжил гневно клеймить инициаторов смещения Хрущёва:

— Товарищи, весь наш народ носил Молотова, Кагановича в своём сердце, как знамя. Мы верили в их чистоту, объективность. А на самом деле вы видите, насколько это грязные люди. Если бы только народ знал, что у них на руках невинная кровь (то, что у Хрущёва тоже на руках невинная кровь, Георгий Константинович деликатно умолчал. — **В.Ю.**), то их бы встречал не аплодисментами, а камнями. Народ поставил бы вопрос ребром — могут ли они в дальнейшем быть руководителями нашей партии. Я считаю — не могут! Я вношу предложение: пусть Маленков, Каганович, Молотов выступят вслед за мной и дадут объяснение по злоупотреблению властью и расскажут о своих раскольничьих замыслах...»

Донельзя растерянным и подавленным «раскольникам» дали слово для оправдания, но их неуверенные блёклые речи утонули в шумных осуждающих возгласах многолюдного зала: «Позор! Вон из партии!» «Раскаялся» лишь Ворошилов: подойдя к Хрущёву, он виноватым голосом пролепетал: «Прости, Никита Сергеевич! Бес попутал...»

Сокрушительная победа Хрущёва не могла бы состояться без прямой и решающей поддержки Жукова, наглядно показавшего, что всемогущая армия может свергнуть любого нерадивого руководителя страны. И Хрущёва это очень волновало, ведь Жуков был министром обороны и мог, по мнению Никиты Сергеевича, легко сместить его самого...

Кто-то из низвергнутых «раскольников» тогда бросил в лицо Г.К. Жукову: «Ты будешь следующим!» Так оно скоро и произошло.

Но очень далёкий от подковёрных игр кремлёвских небожителей маршал был твёрдо уверен, что Хрущёв — человек чести и верности своему слову. Это была его большая ошибка. Полководец не разглядел, как это часто случалось в мировой истории, «тёмной лошадки», одержимой непомерным властолюбием.

В октябре 1957 года, спустя всего лишь четыре месяца после Июньского пленума ЦК, возвратившегося в Москву после визита в Югославию Г.К. Жукова сняли с министерского поста, что явилось для него огромным моральным ударом...

Маршал авиации А.Е. Голованов рассказывал: «Когда Жуков прилетел в Москву, не зная, что уже снят Хрущёвым, его встретила на аэродроме не обычная свита, а порученец, сообщивший об освобождении с поста министра обороны.

— А кого назначили? — спросил Жуков.

— Малиновского, товарищ маршал.

— Ну, это ещё ничего, — сказал Жуков, — а то я подумал — Фурцеву...» (министра культуры СССР — **В.Ю.**)

Это тоже Жуков. Едко-ироничный, самолюбивый, остро ранимый, беспечно доверившийся — и кому?! Хитроумному Хрущёву. Не разглядев, что тот цинично использовал его высочайший воинский авторитет, славу как мощный рычаг на пути к вождленному кремлёвскому олимпу.

Полководец и мыслитель не допускал, что ему отплатит чёрной неблагодарностью тот, кого он буквально спас от неминуемого падения в политическую бездну. Вождь страны Сталин от него не требовал прогнуться, а мелкотравчатый Хрущёв жаждал подмять под себя всех.

По свидетельству современников, Хрущёв был малообразованным, но вовсе не глупым человеком, опытным аппаратчиком и отменным интриганом. Он плохо разбирался в вопросах экономики, зато обладал житейской сметкой, что сделало его серьёзнейшим игроком на политическом поле и вовсе не случайно вывело на путь к бесконтрольной и единоличной власти.

Г.К. Жуков дважды спасал Хрущёва от неизбежного падения в политическое небытие, возможно, и от физической расправы кремлёвскими «друзьями-товарищами». Впервые это произошло после смерти Сталина.

26 июня 1953 г. всесильный глава МВД СССР Лаврентий Берия был арестован группой военных во главе с Жуковым прямо на заседании Совета министров. Приговором специального присутствия Верховного Суда СССР он был обвинён в предательстве и работе на буржуазное правительство Азербайджана и приговорён к высшей мере наказания — расстрелу.

Длительное время Берия находился в ближнем кругу Сталина и считал себя первым претендентом на место умершего вождя, для этого он обладал всеми качествами: природным умом и хитростью, огромным опытом партийной деятельности и работы в спецслужбах. Во время Великой Отечественной войны ему была доверена оборона Кавказа. Памятны его заслуги в создании атомного оружия, а также планируемый им курс на либерализацию советского общества.

Что заставило Маршала Победы поддаться на уговоры Хрущёва и его ближайшего окружения «скинуть ненавистного Берия»?.. Он хорошо помнил, как его несправедливо обвинённые боевые товарищи пострадали в казематах Лубянки, и этого он простить Берии не мог. У армии тоже было много причин ненавидеть главу МВД, осуществлявшего незаконные репрессии против военных.

Для подстраховки при аресте Берии приняли решение ввести в Москву танки. Около трёхсот грозных машин Канте-

мировской и Таманской дивизий заняли стратегические точки столицы, но арест Берии прошёл тихо, «культурно» и фактически незаметно для жителей столицы.

Берия обладал мощным тайным оружием против своих кремлёвских конкурентов, так или иначе участвовавших в большом терроре 1930-х годов: в его архивах хранился на них «чёрный» компромат. Ему казалось, что путь к высшей власти расчищен, поэтому он откровенно игнорировал все партийные органы, в том числе секретариат ЦК, и, сосредоточив в своих руках огромную власть, мог не только снять с должностей всех первых лиц государства, но и подвергнуть физическому уничтожению. Вот почему кремлёвская верхушка так сильно опасалась всесильного наркома МВД, что и послужило их временному единодушному сплочению и решению его скорейшего устранения.

Избавившись от Берии, разогнав по дальним городам и весям членов «антипартийной группы», наконец, коварно сместив Г.К. Жукова с должности министра обороны, Хрущёв окончательно развязал себе руки для единовластного правления, наломав за годы своего «абсолютизма» столько дров, что современные историки всё ещё не могут разгрести завалы его безграмотного и зловещего для страны авантюристического политиканства.

Вряд ли мог предвидеть легендарный Маршал, к каким глобальным социально-политическим катаклизмам подведёт страну его активная поддержка Хрущёва, породившего, по выражению ультра-либералов, пресловутую «хрущёвскую оттепель», а, по словам русских национал-патриотов, трагическую «хрущёвскую слякоть»...

Следовательно, есть основание считать, что именно с Хрущёва началось разрушение нашей великой страны, его неграмотная авантюрно-волюнтаристская политика дала зелёный свет необдуманной и вредной либерализации СССР и в скором времени его крушению.

Либеральные историки и политологи преднамеренно стелкивают Жукова и Сталина с целью осквернить как того, так и другого. Надо прямо сказать: личные отношения между ними были далеко не простыми. Однако достаточно напомнить, что великого полководца наградили четырьмя звёздами Героя Советского Союза. Но ведь высокие награждения Г.К. Жукова были инициированы именно Верховным Главнокомандующим. О высоком и безусловном доверии Сталина к своему маршалу говорит и тот факт, что в самые горькие месяцы отступлений и крупных поражений Красной Армии Сталин направлял его на тот участок, где военная обстанов-

ка была самой опасной и где положение мог исправить только Жуков. 27 августа 1941 года Сталин назначил Жукова своим первым заместителем. Разве могло быть это высокое назначение случайным?..

Г.К. Жуков вспоминал: «К моему сожалению, мои личные отношения со Сталиным не сложились. Но он уважал мою военную голову, а я ценил его государственный разум. ... Сталин меня снимал, понижал, но не унижал. Попробуй меня кто-нибудь при нём обидь — Сталин за меня голову оторвёт!» Сталин не только уважал военно-стратегический дар полководца. Он понимал, что Жуков для народа будет олицетворять нашу историческую Победу и потому способствовал укреплению его авторитета.

Сами за себя говорят знаковые факты: полную и безоговорочную капитуляцию гитлеровской Германии от немецкого фельдмаршала Кейтеля — принимал Жуков. Парад Победы — принимал Жуков. Два ордена Победы — у Жукова. Шесть орденов Ленина — у Жукова. Четыре золотые Звезды Героя — у единственного из полководцев — Жукова. Вот истинное отношение вождя к своему маршалу-победоносцу.

Известно, как в одном из документов переусердствовали и перед подписью Жукова напечатали не «заместитель», а «первый заместитель Верховного Главнокомандующего».

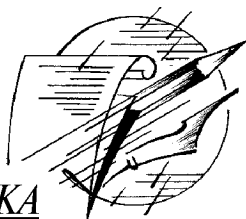
— Я не первый, а единственный! — резко возразил Георгий Константинович.

...В памяти поколений навсегда останется торжественная символическая картина: 24 июня 1945 года, серое, затянутое облаками московское небо, словно оплакивая погибших воинов, слезится дождём. Парад Великой Победы на Красной площади. День Святой Троицы! Из Спасских, святейших ворот Кремля, на Красную площадь лёгкой рысью выезжает на арабском скакуне всадник. Влитый в седло, крепкий и могучий, словно Илья Муромец, он налагает на себя крестное знамение. Через минуту будут бить куранты на Спасской башне, и под фанфары «Славься!» и громогласное «Ура!» воинов-победителей белый конь понесёт Георгия Константиновича Жукова по Красной площади навстречу вечности...

«СТАЛИНГРАД НА ДОНУ»

Город Воронеж был для немцев важным плацдармом, которому отводилась роль краеугольного камня всей летней кампании 1942 года. Захват Воронежа должен был обеспечить прикрытие с севера наступления немецких войск на Кавказ и Сталинград. Не сомневавшиеся в успехе своего плана, они рассчитывали использовать этот рубеж и в дальнейшем для нанесения удара на Москву с юга и для прорыва на среднюю Волгу и отсечения всего юга России от центра. Но это в дальнейшей перспективе. Первой и основной задачей летней кампании было уничтожение русских войск Юго-Западного фронта. Для этого фашистское командование рассчитывало использовать оснащенные новой техникой свежие танковые и моторизованные дивизии 4-й танковой армии Гота и две лучших в составе вермахта полевые армии — 2-ю под командованием Вейхса и 6-ю Паулюса. Вторым эшелоном, для удержания захваченных рубежей выдвигались сателлиты Германии — венгерские, итальянские и румынские армии.

Летний блицкриг 42-го года, так же, как и годом ранее, несмотря на такти-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ческие успехи, потерпел свое фактическое поражение уже в первом же пункте наступления — в Воронеже. Бои, навязанные защитниками города, связали большую часть немецкой группировки, и 6-я армия Паулюса осталась в одиночестве. Она уже была не способна окружить и уничтожить советские войска и лишь преследовала отходящие к Сталинграду части. Даже те дивизии Красной Армии, что попали в тыл немецкого наступления и могли считаться окруженными, по большей части прорывались через скользящую вдоль Дона линию фронта и соединялись с основными войсками без больших потерь. Танковая армия Гота увязла под Воронежем и опоздала со своей переброской на юг, куда смогла отправить в конечном итоге лишь половину дивизий, пытаясь оставшейся половиной сдерживать с севера контрудары советской 5-й танковой армии.

В летних боях за Воронеж немецкие части понесли чрезвычайно большие потери. За первые десять дней уличных боев было убито столько же гитлеровцев сколько в Битве за Москву. Воронеж как плацдарм оказался чрезвычайно тяжелым. Немецкие войска постоянно просили подкрепления. Образованный 7 июля Воронежский фронт, который с 14 июля возглавил генерал Ватутин, с первого же дня повел наступление на фашистов. Оборона Воронежа советскими войсками и ополчением велась с 28 июня по 7 июля, когда немцы овладели правобережной частью города. Начиная с 7 июля, именно немцы из всех сил вели оборону своего плацдарма, постепенно теряя не только захваченные территории и большое количество живой силы и техники, но, что оказалось самым главным, воинский дух, победное настроение и веру в фюрера. Резервы немецкой группировки в районе Воронежа пополнялись из глубокого тыла, на помощь им прибывали части из Франции и весь прогитлеровский интернационал, собранный по многим странам Европы вплоть до Португалии. Река Дон южнее Воронежа была для них непреодолима, оставленные на ее рубежах венгерские и итальянские войска по боеспособности были несравнимы с немецкими и в лучшем случае могли какое-то время удерживать линию фронта по высокому западному берегу. Для их подкрепления немцы были вынуждены держать здесь свои корпуса, которых им так не хватало под Сталинградом. Воронежский фронт постоянно атаковал врага, сковав 30 его дивизий, и создал в своей полосе несколько важных в стратегическом отношении плацдармов, с которых в будущем были проведены три крупные зимние наступательные операции, по-

ложившие начало разгрому всей вражеской группировки и в Сталинградском, и в Воронежском сражении.

16 декабря с Осетровского плацдарма началась среднедонская операция «Малый Сатурн». Войска Воронежского и Юго-Западного фронтов нанесли удар в южном и юго-западном направлении во фланг немецкой группировки, рвущейся к окруженной армии Паулюса. В результате успешно проведенной операции был прорван вражеский фронт шириной до 240 километров. Освобождены сотни населенных пунктов, включая города юга Воронежской области Богучар и Кантемировка. Были разгромлены 5 итальянских, 5 румынских и 1 немецкая дивизии, а также 3 итальянские бригады. Понесли тяжёлые потери 4 пехотных и 2 танковых немецких дивизии. В результате наступления силы, задействованные в операции, продвинулись в тыл группы армий «Дон», что вынудило немцев отказаться от дальнейших планов по деблокированию 6-й армии Паулюса. Наиболее отличившиеся в ходе операции наши соединения получили почётные наименования «Донские», «Кантемировские» и «Тацинские». Тяжелый разгром 8-й итальянской армии усугубил противоречия между немецким и итальянским военным руководством, что привело к выходу Италии из войны на стороне Германии. Эта операция является частью Сталинградской битвы, хотя и происходила на западном берегу Дона в сотнях километров от города на Волге.

Ликвидация остатков отступивших оккупационных войск продолжалась до середины января. В это время выше по Дону началось новое наступление. Острогожско-Россошанская операция Воронежского фронта вошла в историю под названием «Сталинград на Дону». 13 января 1943 года со Сторожевского и Щученского плацдармов и из района Кантемировки были нанесены мощнейшие удары советских войск по сходящимся направлениям в район Алексеевки. За полмесяца операции немецкая оборона была прорвана на 250-километровом участке. Советские войска продвинулись на 140 км, освободив территорию в 22,5 тысячи квадратных километров. Были разгромлены 15 дивизий врага, а еще шести нанесено тяжелое поражение. Почти полностью в котле окружения погибла 2-я венгерская королевская армия, что стало самым крупным поражением Венгрии в истории, перестал существовать элитный итальянский корпус альпийских стрелков: из 57000 солдат из окружения прорвалось чуть более 6000. Безвозвратные потери войск вермахта составили 123 000 человек,

из них 97 тысяч пленными. В то же время потери советских войск оказались относительно небольшими.

К двадцатому числу января немецкому руководству стало понятно, что спасение армии Паулюса в Сталинграде невозможно, и она обречена на уничтожение. После потери фашистами донских оборонительных рубежей Воронеж как плацдарм прикрытия этих боев с севера становился бесполезным, как и очевидным было то, что сил для похода отсюда на Москву собрать уже не удастся. В то же время оперативная обстановка стала чрезвычайно невыгодной для германских войск в районе Воронежа. Они оказались в глубоком 100-километровом выступе. Было очевидно, что советское командование попытается окружить 2-ю немецкую армию так же, как и 6-ю в Сталинграде. И действительно, с развитием успеха Острогожско-Россошанского наступления немедленно началась подготовка новой операции по уничтожению немецких войск, получившей название Воронежской, позже названная историками Воронежско-Касторненской. Перед советским командованием встала дилемма: стоит ли атаковать немцев в Воронеже, увязнув в новых кровопролитных городских боях, как это было здесь же летом и осенью и происходило сейчас в Сталинграде, или вынудить врага отступить из города и настичь его в поле, где и разгромить. Отсутствие в тылу у немцев оперативных резервов позволило спланировать операцию таким образом, который отнимал инициативу у противника. Гитлеровцам для спасения оставался единственный шанс и совсем мало времени.

Начало Воронежско-Касторненской наступательной операции было намечено на 24 января ударом 40-й армии с южного фаса дуги, в зоне которого противник не имел сплошной линии оборонительных рубежей и приспосабливал для своей обороны населенные пункты и отдельные узлы дорог. С севера над группировкой врага нависал силами 13-й армии Брянский фронт и 38-я армия. По центру ударом через Воронеж должна была атаковать 60-я армия генерала Черняховского. В планы в последний момент вмешалась погода. Сильная метель при 20-градусном морозе вынудила отказаться от поддержки авиации, а артподготовка велась вслепую и не принесла ощутимых результатов. Вся тяжесть атаки легла на танкистов и стрелковые части. Танки вязли в глубоком снегу, тыловое снабжение с горючим и боеприпасами вообще не могло пробиться им вслед, тем не менее, благодаря безудержному героизму солдат и их разъяренному натиску наступление начало развиваться. В ночь с 24 на 25 января разведка донесла, что в центральной части города Воронежа на-

чали раздаваться сильные взрывы, немцы подрывали еще уцелевшие здания. Иван Данилович Черняховский отдал приказ немедленно атаковать город. Оказалось, что уже сутки немцы бежали из Воронежа, оставив арьергарды смертников и штрафников для прикрытия отступления. К рассвету оккупированная часть города Воронежа была полностью очищена от врага, а к концу дня наши войска вышли на западный берег Дона. Так для старинного русского города закончилась 212-дневная страшная и жестокая битва.

Окружив 2-ю немецкую армию, наши военачальники принимают новое нестандартное решение. Они оставляют разбираться с окруженной группировкой одну 38-ю армию, а основные силы бросают дальше вперед на Курское и Харьковское направление, стремительно освобождая от врага огромные территории. Окруженная фашистская группировка, пользуясь своим численным превосходством и отсутствием сплошного кольца окружения, разделившись на три группы, предприняла попытку вырваться из котла. В одну ударную группу была собрана вся подвижная техника, горючее и лучшие немецкие дивизии, вторая группа была легче, но также состояла из немецких частей, третья группа, в которой было 2 венгерских и 2 немецких дивизии, была практически обречена с самого начала. В итоге к основным силам немецких войск удалось пробиться разбитым остаткам шести дивизий, вся техника, а также все венгерские части погибли. Гитлеровцы потеряли 83 тысячи своих солдат, 9 немецких и две венгерские дивизии были разгромлены. После этого поражения Гитлер приказал не использовать венгров на линии фронта, прекратил снабжение их армии оружием и транспортом, свалив всю вину на союзников. В Воронежско-Касторненской операции советские войска потеряли 33000 солдат и офицеров.

Итогом зимних боев на Воронежском фронте стало освобождение огромных территорий Воронежской, Курской, Белгородской областей и множества больших и малых населенных пунктов. Германские войска потеряли свои отборные элитные части и двух самых активных союзников в войне. Образовавшаяся брешь в 400 км во фронте от Ливен Орловской области до Купянска Харьковской позволила нашему командованию завладеть стратегической инициативой на южном участке советско-германского противостояния и, развивая успех, в скором времени начать освобождение Украины, и образовать свой стратегический выступ под названием Курская дуга, на котором летом 1943 года окончательно решился исход войны.

Победа на Воронежском направлении далась нашей армии и народу дорогой ценой. В боях за Воронеж погибло более 400 000 советских воинов, многие деревни были сожжены дотла, районные города были разрушены, а сам областной центр практически стерт с лица земли, тысячи мирных граждан были казнены оккупантами или угнаны в рабство, дома и хозяйства разграблены, оставлены минные поля и ловушки. Советским людям предстояло совершить еще один подвиг — возродить свою землю, восстановить из руин родные пепелища, вдохнуть жизнь в выжженную пустыню, и они это сделали...

В советское время к сражениям на Воронежской земле было решено не привлекать внимания по ряду политических причин, большая часть происходивших в войну событий была засекречена. Город Воронеж был награжден орденом Отечественной войны 1 степени и званием «Город воинской славы» уже в период РФ.

СЕРАФИМА

РАССКАЗ

Ныряет солнце в лопухи,
Закат сочится сквозь плетень.
В селеньях нашенских, глухих,
Без потрясений и стихий
Опять ко сну отходит день.
И серебрится молодой,
Затеплив в небеси светец.
И в ожерельях повилик,
Главою к росстаням приник,
По ком-то стонет крест-голбец.
Соседка, проглядев глаза,
Бесцельно кружит у ворот.
И не поверишь, рассказать...
Но мать, она — до гроба мать:
Всё из Афгана сына ждёт...

Паслёновским дворам, беспорядочно разбросанным вдоль двух супротив друг дружки возлежащих холмов, неказистой деревушке этой, сбегавшей под изволок к самой пойме реки, и сейчас не повезло: бе-

ПРОЗА

тонный большак ошмыгнулся, пролѣг в стороне верстах в двадцати пяти. Так и то как полегчало, раньше ведь в рай-центр с ночѣвкой ходили. Одним днѣм, хоть как старайся, не обернуться.

Хотя... на мой погляд, именно в таком месте не обидно и жизнь прожить, и умереть.

Может, по причине глухomanного расположения этой деревеньки, кроме прилаженной на божнице справа от Георгия Победоносца напрочь прожелтившейся карточки, в избе больше ни одного фото и не видать? Хотя... в деревнях-то как раз их обычно уйма по стенам. Скорее всего где-то прибраны другие снимки, просто эта карточка у воском закапанного Евангелия, у намаленных, окружѣнных розоватыми бумажными цветами образов, для хозяйки особо дорогая.

Тѣтка Серафима рада случайной гостье. Под Покрова будет год, как она осталась во всей Паслёновке одна-одинѣшенька. Последняя товарка еѣ, бабка Лукьяновна, с миром отошла ещѣ по первопутку, и Серафиме теперь не с кем ни словечком перекинуться, ни складницу дров под навесом сложить, ни сны не с кем поразгадывать.

Старушка знает, что время так подпортило хранимый на пахнущей вечностью Божничке снимок, что издали уже и не разглядеть на нём еѣ Митюшу. Она допинается до полочки, бережно вынимает из-под обливного, когда-то расшитого алым убористым крестиком полотенца вставленную в самодельную рамку карточку сына. С нежностью дышит на отливающее нездешним светом стекольшко, протирает его краем выбеленной до синевы скатерти и, зачиная рассказ о единственной своей кровиночке, протягивает мне бесценный портрет.

Со мной всегда так. Если приходится смотреть на фотокарточку человека, дожившего до своего века, душа при думах, навеянных снимком, затепливается светлой грустью. А тут... К горлу подкатил такой давкий ком — не проглотить. И сердце ожгла невысказанная жалость к этому, с сержантскими погонами, задорно улыбающемуся вихрастому парню, к неотвратимой безнадежности его судьбы.

— Э-эх! Коли знал бы кто, как мне Митенька достался, какими слѣзными слезьми вымоленный!.. Хоть фильму съмай. Тока разишь теперь всего упомнишь? Память стала — трушляк трушляком. Так и надо думать! Столько, как положил мне Господь, и вовсе не живут... Особливо с таким неизбывным горем... Ить разъедин он у меня был, сыночек-то,.. позднушок. В былые годы, скажу я тебе, в Паслёновке детворы в каждой избе, что мурашей водилось... А он мне, как

есть, один даденый... Но я и тем довольная — и мне, пушай крохотный кусочек материнского счастья, а всё ж таки отве-сился.

День жаворонистый, апрель перебрел холодами, и сей-час, на его исходе, погоды стоят на загляденье. Небеса рас-колоколились волновым заплеском, воздух можно кружкой пить. Скоро земля совсем пропитается солнцем. В заоконье вот-вот брызнут, заразбазаривают цветами бубенчики вишен. На задворках попёрла глухая крапива, полынь, всякий-раз-ный дурнопьян. В палисадовых кустах боярки хором голоса птицы. Вовсю закурдявилась по прогалинам мать-и-маче-ха. Куры-несушки на подворье с кококаньем моют лапы в засолоченной луже, где, видать, после драки плавают сине-золотистые петушки перья.

Завтра Радоница. Пойдём с тёткой Серафимой по первому одуванчиковому разливу в светло-русую рожицу, на погост.

По привычке тётка Серафима усаживается на лавку так, чтобы свет падал справа. Хоть почти и выровняла, одинаково изжевала долгая и многотяжкая судьбина и лоб её, и обе впалые, тряпицами повислые щеки, всё одно и сейчас ещё отчётливо сквозь паутину морщин просматривается крупное, сливового цвета родимое пятно, заляпавшее почти всю ле-вую часть её угаслого лица.

Чёрносмородинные, когда-то бывшие праздничной одеж-дой души, а нынче запавшие, вдавленные временем, выеден-ные до бесцветья солью бессонных ночей Серафимины глаза при мысли о сыне затепливаются. И в ту же минуту сама по себе начинает лучиться из них безмерная ласка. В уголках скукоженных, словно два прошлогодних фасолевых струч-ка, губ даже проявляется, как отблеск прошлого счастья, лёг-кая улыбка. И старушка, научившаяся за горькие годы за-бываться, уходя с головой в это бывшее счастье, заметно жи-вает.

— Ни от кого не секрет, сама, поди, видишь, — уже не стесняясь своего уродства, вдруг поворачивает разговор на смущающую меня тему тётка Серафима, — ягодкой боровой я никогда не слыла. Дак и время, оно тожить кого хочешь согнёт... Чтобы самой от себя не шарахаться, зеркалов в избе ни в жисть не держала... Без них всё ж таки полегшей... Да и за работой забываешься...

Хотя как тут забудешься?.. Не надясь узнала — неман-кая, и смолоду, бывало, ни один парень в мою сторону не взглянет. Годки-товарки, подоспело время, замуж повыска-кивали, ребятишки у них, как грибы после дождя каждый год высыпают... Пойду на речку кой-что располоскать, бабы

мужнины рубахи, детские рубашонки по воде распускают. Угнусь, пральником по камню со всей мочи луплю, луплю — боль эту проклятушую, громаднищую из себя выколачиваю. По деревне иду — шум, гам дитячий звенит, а у меня на дворе — тишина гробовая.

Кого в своём уродстве винить? Мамыньку-покойницу ли, тот Кашеев час, в котором по наущенью сатаны угораздило мне с порчей народиться? Кто ж знает?.. Я по метрикам-то осенская, с девятнадцатого году. Как чуток возросла, знамо дело, на дворе ребяшня дражит, ну, и стала я, значит, мамыньку-то пытатъ: мол, отчего такая беда могла со мною, невинным младенцем, приключиться?

Правда ли, нет, один Господь знает, стало ли то причиной, только рассказала мне рбдная о жутком своём испуге, от которого она мной раньше сроку разродилась.

Тётка Серафима пододвигает колченогую свою табуретку ко мне поближе, налаживается на долгий разговор. Знать, время ему пришло. И я стараюсь старушку не перебивать, помня, как дорог для неё любой человек, заглянувший в это одинокое жильё, а уж коли гость окажется хорошим собеседником или хотя бы слушателем, так на всю оставшуюся Серафимину жизнь станет для неё родным. Да и потом: перед чужим не вот-то распахнёшься, наболевшим, сокровенным не вот-то поделишься.

— А дело было так. Отец мой, вернувшись с Мировой с подтраченным газами нутром, ни за какие коврижки уже не захотел затёсываться ни в белые, ни в красные, ни в какие зелёные. Обженившись, надеялся жить своим семейством, кормясь с небольшого по нынешним меркам клина, прирабатывая, как истари у нас велось, отходом. Сказывают: шубники шил — игрушки, а не шубники!

Но где там! Как закрути-илась Гражданская, как запуржи-ила! Хошь-не хошь виноватым окажешься. Не перед одними, так перед другими. Так и вышло. Осенью девятнадцатого, как посыпались с деревьев в речку краснопёрками листья, со стороны Кром на нашу округу двинулся Деникин. Мужики-то здешние, деревенские, в основном — по фронтам, а отец мой — дома. Вошли, значит, белые в Паслёновку и давай всех на сход собирать. Так, мол, и так: коней сдать, фураж для них поставить, а самое главное — мужиков, кто оружие держать способен, — под запись и в строй.

Отец, знамо дело, засупротивился: коня, мол, не дам, фуражу — и так нема, и сам не пойду, навоевался по самые некуда. Война... Все озлоблены до предела! Доложили фицеру: мол, мужик в крайней хате, хоть ты что хошь, фордыбачит:

коня спрятал, сам в войско нейдёт. Уж не красный ли он? А командёр-то ихний, недолго думая, безо всяких разбирательств возьми да прикажи папаньку вздёрнуть. Для острастки, значит, чтоб другим nepовадно было.

Покуль мамынька со мною во чреве до Хручихиной хаты напрямки по татарнику-мордовнику доколтыхала — тамотка папку сбирались порешить — уж всё и случилось... Не успела, значит, рóдная, вымолить его у фицера. Обхватила она уже остывающие мужнины босые ноги, повисла на них и так-то голосила, так-то выла, что еле оттащили. А она уж и — словно не она, словно умом трехнулася. Не расторопились её до избы довести, на полпути в ржаной копне мною и разрешилась.

С перепугу ли мамынькиного кровь прилила мне к лицу, так ли спервоначалу было предназначено — чего уж теперя гадать? Только врагу не пожелаю с таким обличем народиться, — задумчиво вздохнула тётка Серафима, подняла с колен изробленные руки, утёрла уголком подшалка вызревшую слезу.

— Так и возрастала... всё больше в одиночку да с краешку, не на свету. А как Отечественная-то подоспела, как немец попёр, я уже по нашенским меркам перестаркой была — на двадцать втором годе. Сколько мблodeжи паслёновской поугнал тада антихрист к себе в Германию энту, будь она трижды неладна, в работы!.. А вот мной даже он побрезговал.

Мамынька померла на другой год, как осел в Паслёновке немец. Под Роштво. Январюга, скажу я тебе, в сорок втором выпал редкостнай, наскрость ошпарили земь морозы, даже в феврале, на Тимофея Полузимника отродясь такой леденящей хрупы не видывали. Застудилась, значит, и померла сердешная... Ну, дак какая одёжа-обутка по ту пору? Всю как есть подчистую хриц повыскреб и ношеным не погнушался... Голдовали, конечно. Картошечные лушпайки за счастье почитались.

Об том же, как бедовали и в послевоенные годы, сказывать не стану, небось, без мово сказу насышана: курочка ещё в гнезде, а мы уж полдня со сковородкой. Добавлю лишь, что кажный раз, как вспоминаю ту-то пору, диву даюсь: разишь, такое может обнакновенный человек сдюжить?.. А вот, поди ж ты: значит, может! Самое главное, я так думаю, чтобы душа не запаршивела, коростой не покрылась.

Серафима спохватывается, на удивление проворно поднимается, шаркает потрёпанными бурками к печи, рядом с которой, «под рукой», с гвоздика свешиваются изрядно обо-

бранные за зиму снизки золотистых луковок, бледно-розового чеснока и скукоженные хвостики гнучего перца.

Отодвинув с устья заслонку, старушка ловко, словно молодуха, опершись на рифлёный каток, подтягивает рогачом чугуночек, выкатывает «на продых» взопревшую гречу. Тут же по привычке обметает гусиным крылышком от сора загнетку и возвращается на насиженное место.

Медленно капает день, слово за слово, не спеша, ведёт свой сказ о сыне, о своём житье-бытье тётка Серафима.

— А жила я по-прежнему одна. Куды деваться-то: попала в колесо собака — слезьми захлёбывается, пищит, а бежит. Так и я... Два года до конца войны в землянке: немец-то, отступая, Паслёновку наушшал пожар, ни избёнки не оставил, одне трубы на погорелье торчали. Ну и вот, значит... Потом, попервоначалу, саманкой обзавелась... обнадёживаться-то разу не на кого было. Это уж когда-когда колхоз помог отстроиться. Дай Бог председателю нашему, Митрипальчу, здорovia. Пожалел сударик мою сиротскую немочь.

И всё в работе, в работе... Разной выделки, замесу бывают люди, а я уж, видно, из самого наипростецкого теста. Дак ведь без труда, знамо дело, приходит тока грех. Обжилась я, значит, завился худо-бедно, а всё ж таки и в моей новой избе дымок. Дажить в палисаде, как у людей: всё лето порхал мотыльками мак-самосейка, к августу завивались царские кудри.

В пятьдесят девятом надумала и я, как другие, провесть в новую избу свою радио. По ту пору уже в каждой паслёновской избе под гимн вставали и ложились. Стыдно как-то за такую промашку супротив других. Порешила и порешила... Договорилась с Николаем — он у нас этим делом по деревням в очерёдку уже два месяца занимался. Сам-то проживал в районе, но по своему ремеслу приходилось ему ездить по округе, проводить радио. Район у нас просторный, обыдённой зачастую у него не получалось, зачастую уезжал от семьи с ночёвкой.

В тот день работал он в нескольких дворах и только к вечеру допьялся до мово. Дело было в конце лета, вечера короче, темнеет раньше. Вот и сговорились мы, потому как уже стемнело, что заночует Николай у меня на сеновале — август на исходе, но духота, дажить ночами, — а уже с утраца примется за работу.

Повечерили, значит, мы. Сама знаешь, хочь какие там разносолы в деревне, а всё ж таки в эту пору на столе новины вдосталь: и огурцы тебе, и помидоры, и картошечка с развару. Постелила я гостю в сеннике, и он отправился спать.

Серафима запнулась, словно принялась всматриваться в тот вечер, припоминать ту, невероятно важную для неё мину-ту, так неожиданно изменившую её жизнь.

— Прибралась я на столе, смотрю: у рукомойника на гвоздочке клетчатая зеленоватая Николаева рубаха. И так-то крепко от неё пахнет мужиком... Вот и пришло мне в голову.. Дай, думаю, хочь разок в жизни постираю, пусть и чужую, но всё ж таки мужицкую рубаху. А как принялась за пости-рушку, глядь — в нагрудном кармане карточка. Парнишка на ней — вылитый Николай, годков десяти. И такой мило-видный, глазки востренькие... папкины глазки. И статью, по всему видать, в отца выладнился.

Серафима даже прищурилась, словно держала в руках и рассматривала мальчишкину карточку.

— Закончила я со стиркой, воду с крыльца выплеснула, и надумалось мне сбежать к омутку, распустить Николае-ву рубаху по воде, как обычно полоскают мужнины под-штаники да рубахи наши паслёновские бабы. А заодно ис-купнуться.

...Вернулась на подворье, уж деревня утомонилась, разве-сила на тёплом ветерке рубаху. Села на крылечный порожек, сон — ну тебе ни в одном глазу. И вдруг, и сама не знаю, как вышло... Расскажи кто, и не поверила бы, что такая я, ока-зывается, рысковая, что на такое способна. По правде-то сказать, я ведь из самого что ни на есть робкого десятку. Для меня случившееся не только в редкость, но вообще из ряда вон... Поднялась я, значит, и скрозь темень напрямиком в сен-ник. Думаю: вот тебе, Симка, подарок, с неба упавший!

Разговор наш с Николаем передать не могу. Потому как вроде не в себе была. От волнения почти ничего не помню... да и сколько с той ночи минуло!

— Сын у меня, Сима! — заговорил, было, Николай, — да и грех на сердце стопудовым камнем ляжет, дурная слава об нас покатится.

— А и пусть! — шепчу я ему, а у самой лицо от стыдобушки жаром полыхает, — прошу тебя, не сори сейчас словами, не побрезгуй, Бога ради... подари мне немножко тепла. В семью твою вовек не встряну, дитя от тебя хочу, боле ничем никогда не потревожу. Уйдёшь — забудь меня, только не оставь пус-тоцветом, прогорклой вековухой... ведь скоро догорю...

Сказать по чистой совести, пожалел меня тогда Николай... Видать, Бога в сердце имел, — прошептала срывающимся голосом, будто для себя, страдалица.

Задохнулась охрипшая, распятая душенька тётки Сера-фимы, словно старушка надорвала грудь. И у меня, всхлип-

нув про себя, замерло сердце, боюсь пошевелиться, даю ей перевести дух.

— Весь август проработал в Паслёновке Николай, все ноченьки отколыбелил по моему почину у меня на сеновале. Сколько охапок сена перевели мы на труху, сколько звёзд осыпалось за месяц над подворьем, озаряя моё счастье!

А как пришла пора сворачивать Николаю в нашей деревне дела, я уже была почти уверена, что понесла. Хочь и переполнялась душа моя радостными переливами, словно солнечные зайчики в ней поселились, ни словечком ему, родимому, не обмолвилась. А зачем?.. Пушай себе живёт со спокойным сердцем... Семья у него... Вить не зря же умные люди ещё исстари приметили: мол, на чужом-то несчастье своо счастья не построишь.

Может, и узнал бы когда случайным случаем Николай, что бегаёт по Паслёновке мальчишка — его потретик... да такой-то ладненький, с его востренькими глазами. Да, видать, не суждено... А всё войница эта, проклятушая... Всё прибирает к своим загребушим рукам... Он ведь, Николай-то, в окопах от первого дня до последнего... Вот и вскрылись раны... Сама видела: и спина — в рытвинах, и живот исполосован. Года с той ночи не прошло, как не стало отца моего Митеньки...

Как сынишка в разум вошёл, я, конечно, рассказала ему, какой геройский был у него папка. Придумывать-то особо ничего и не надо было. А мальчонке без этого никак нельзя... Человек не должен чувствовать себя безродным.

Она призадумалась и вздохнула.

— Перед армией Митя обмолвился: мол, даже на могилке у отца побывал и со старшим братом познакомился. Уж как он измудрился, озаботился, не знаю, только думаю: правильно сделал.

Да и с измальства он у меня был смышлë-онай! Растолковывать ничего не приходилось — только намекни, он тут же точь-в-точь и переснимет. Не заметила, как разговаривать начал. А ползать и вовсе не ползал. Встал себе, да и пошёл. Самостоятельной — не приведи Господь!

Серафима умилилась сердцем, кажется, на лице её даже морщины разгладились. Не лицо, а сама ласка ласковая. И улыбка зацвела такая нежная, такая неувыдливая. Никакие иные воспоминания не могут посеять и взрастить в Серафиме схожих цветов радости, как думы о сыне Мите.

— А уж какой пытливый! От этого с ним беспристанно всякие-разные неурядки приключались. Вот, к примеру, это ж надо было додуматься испытанья с самим собой произвести. С собственным языком. А ну как навосе его лишился бы?

— Это как же так? — не выдерживаю я.

— Да как, как? Очень даже просто. Годков пять Митеньке по ту пору было. Соседский Витька, вымахал — орясина-орясинной, а в голове — мякина. Возьми да подначь энтот рангутан малюго: мол, слабо тебе, Митька, замок амбарный лизнуть?

А дело-то было под Хрищенье. СЫночка и смекнуть не смекнул, на что его Витька-паразит подтолкнул.

— Вот делов-то! — говорит, да и лизь амбарник.

Язык тотчас и пристыл. Так ещё бы! Чай, не май месяц, холодрыга за тридцать. Прибёг забубённый Витька за мной.

— Тётка Сима! Ваш оголец приморозился!

Что тут поделаешь? Пришлось замок с амбару отмыкать, да вместе с Митей, с бедолажным его языком доставлять в избу. Так и сидел у печки: водой тёплой поливала, покуль замок от языка не отвалился.

Две недели потом мучился, ни есть, ни пить не мог. Дак и энтото мало. Только оклемался, давай на спор с Толькой и Мишкой Крюковыми сосульки с ихнего пчельника грызть. А зачинщиком опять тот-то Витька был. Сам-то, небось, не спробовал, всё над малышнёй насмеялся. После того спора провалялся мой Митенька на печке ажни до самого Прощёного дня.

Так и это ему уроком не стало. Если пересчитать, пальцев неостанет, сколько разов из-за своо любопытствования попадал он в оказии.

А то вот ещё случай. Кабы не мои молитвы да бабка Матвеевна, в тот раз уж Митеньке точно из беды не выбраться. Надрали они с закадычным своим дружком Толькой на задворье полны карманы паслёну вперемешку с дурманом, уселись у Крюковых на крыльце, собрались опробовать, что за хрукты-овощи такие. Слава Господу, на ту пору Матвеевна с огороду вернулась: не успели как следно приложиться.

Покуль у Мити двое суток от бабкиного узвара нутро выворачивало, я омывала слезьми перед божницей половицы: «Божечка! Мила-а-й! Не отымай Ты у меня единственную кровиночку! Не допусти смертыньки безвинному дитяти мому! Пошли Митеньке исцеление! Каюсь, каюсь! Знаю, помню, как не помнить-то? Их у меня, грехов-то, ажни сто мешков! Не вменияй Ты сыночку грехи мои... Чего тебе стоит, Всесильная?! Вить мне без сыночка хочь головой в пролубь».

Снизюшли Небеса до моих молитв: туда-сюда, глядь, уж опять Митюша на ногах, опять чегой-то затевает, всё-то ему неймётся.

А сердешнай был! До каждой козявицы жалостливый. Бывало, у кота нашего Кусихвоста мышей отымит и на волю

отпустит. Кот-то с голодухи ли, хищного ли интересу ради даже тараканов, что кишели в запечье, ловить наловчился. По правде сказать, поменило их тогда изрядно, а то ведь как с ими не сражайся, расплодились, по ночам стены и лавки от этой усатой твари шевелились.

Уж поболее подрост Митя, годков десяти был, такое живчик начередил, думала, посла того дня сниму с Полкана цепь, на его шею накину да к столбу, что матицу посередь избы подпирает, и прикую, чтобы со двора боле ни шагу.

В самое половодье случилось. Морозы стояли в тот год страшные. Речка почти до донного доньшка промёрзла. А с началом поста, как не упиралась, всё ж таки тронулась. Грохот, скрежет по всей пойме. Лдины сшибаются, переворачиваются, одна на другую насаждает. Смотреть — и то жутко.

Под Вербное было-то, как чичас помню, на Акулинин день.

Уж как она там оказалась, неведомо, с верхов, из Копыркино приплыла, что ли ча? Сидит, значит, на крыге рыженькая такая, с кошку, ну, чтоб не приврать, пушай, с две варежки, собачонка. Сидит, морду вверху задрала и так-то жалостливо, так-то слёзно воет — ну, что твоя баба по покойнику голосит.

Как нарочно на то время спровадился Митя спозаранку в лозинник. Помнишь, наши у Кривой балки завсегда там вербу по болотоцветнику к празднику ломали? Ушёл и ушёл. Час нету Мити, два нету, уж пора возврататься. Я и по двору управилась. Солнце на полпракитки вскарабкалось. Обед стряпаю, а сама глаза проглядела. В редкую стёжку ведь пообещает и не сполнит.

Вдруг врывается в избу Толька Крюков и прям с порогу: «Тётка Сима! Митьку вашего на крыгах за деревню уносит! Батька воротину снял, на речку побёг».

А получилось-то как? Уж и домой ребятишки с вербой возвращались. В недобрый час возьми и подвернись им эта несчастная собачонка. Разишь, Митя мог пройтить мимо? Кинулся вызволять!

Когда я, наконец, очутилась у воды, Петро Крюков, Толькин батька, и ещё пара наших мужиков с лестницами и баграми уже передыхали на берегу. Митя в обхватку с собачонкой сидел на крюковской воротине.

— От жеж паразит! Что ж ты, такой-разэтакий, делаешь? Угомон тебя возьми! Сердце выковырнул из груди! Рази не ведаешь, что на Акулину вода в реке — не Божья роса, русалки нынче опосля зимы просыпаются! А тебе — завей горе верёвочку! Вот утащили бы под крыгу — и с концами! — накинудась, было, я на сына и давай страшать.

А потом вижу: дело плохо. Ах ты Господи! Чевой-то неладное с им! Ни жив ни мёртв, надо бы пуще, да некуда: губёнки синие трясутся, зубы стучат, кухвайку хочь выжимай, набрякла от воды. Невелика я росточком, а только откуда силы взялись? Вскинула его на плечо, как куль с мукой, да и потащила до дому. И давай и внутрих, и снаружи: то гусиным салом, то нутряным жиром, то гусиным салом. А сама думаю: в таком разе теперя точно привяжу. Куды там!.. Разишь в каждый след доглядишь? Да и под юбкой мужика, как ни крути, не вырастишь...

Тут вдруг Серафима ещё ниже опустила бескрылье плечей — снова зальдилось её сердце, ушла в шаль, на лице опять проступила витиеватая ажурь морщин. А от уголков рта пролегли две глубокие борозды. Под глазами — несчётное перекрестье дорог. Глаза её вдруг погасли, и прижившаяся в душе старая заскорузлая печаль чёрной тенью накрыла старушку — краше в гроб кладут. Разговор сам собой скомкался. Избу поглотила такая тишь, что слышно было, как под шкурой многолетних обоев шебаршились суетливые мышцы.

— Стану, бывало, с ним разговоры разговаривать: мол, жаль ты моя, вить случись что с тобой, тотчас и у меня сердце на куски, — очнулась Серафима, — а вот поди ж ты... живу... По радио слыхала: мол, долголетие — знак особого благоволения Господа к человеку... И зачем оно мне?.. Какой во мне теперя прок?.. Мити-то, опорухи моей, нету...

Лучше бы она заплакала. Может, хоть на чуточку легче бы стала крестиком расшитая её судьба, выношенные ею муки. Но Серафима давно свои слёзы истратила. Зато до конца старушкиного века пригнездилась жгучая, ничем не унимаемая боль в её опустошённом потерями и временем сердце.

— После школы выучился сынок на шофёра. А осенью семьдесят девятого подоспело время идти на службу. И вить не брали сиротинку-то! Да он: мол, как жа? Срамно супротив ребят! Стыдоба вить! И дообивал на свою... да и на мою голову порог военкомата!

С той минуты, как узнала я, что он попал в Афган, вздрагивала от малейшего шороха, не хватало духу слушать по радио новости... Ведь уже доставили матерям и схоронили в Ясенево и в Успенском двух Митиных одногодок. Я и ждала, и боялась появления у моей калитки Зинки-почтальонши...

Он погиб в восьмидесятом, в последний день зимы... В гробу я его не видала, закрытый казённый гроб... Накричалась до немогу, до онеменья. Душа искалечилась, промёрзла наскрость — не живописать словами. Все до единой косточки,

словно через мясорубку пропустили... Дажить и не знаю, как измудрилась наша фельдшеричка Климовна меня с того света достать.

Письмо пришло через три дня после похорон. Шуточное ли дело?.. Открываю, а в нём карточка... И Митя во весь рот улыбается! Пишет: мол, всё у него хорошо. Я тада, простодыра, хочь слабина в коленях, как во хмелю — в военкомат. Внутрях всё запеклось, отдышалась: да так, мол, и так, письмо получила. Может, со слепу чего в ём не разобрала? Зародились сумления... Тока скажите правду, кого вы мне в гробу доставили?

А они не обнадѣжили... ещё тужей завязали мою судьбу в вузляк... Бывают, мол, с почтой накладки... Помстилось тебе, мать. Выбрось из головы свои угарные мысли, не сумлевайся... Пал твой сын смертью храбрых двадцать девятого февраля в Кунарском наступлении.

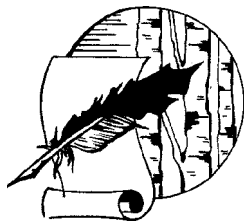
Только какая ж мать поверит, скажи мне на милость, коли сыновней рукой выведено: всё у меня хорошо, мама?.. И такой весёлый!.. Вить без него мне, словно небо без Бога.

До перехвата дыхания стало мне жаль засиротевшую тётку Серафиму. Позже, признаюсь как на духу, не без душевного трепета, навела я справки. То, Кунарское наступление 29 февраля — 12 марта, — рейд батальонов Советской армии в провинции Кунар. В бою у кишлака Шигал 29 февраля в первом столкновении в истории Афганской войны подразделения ВДВ с моджахедами были убиты 37 наших ребят, 1 пропал без вести и 26 ранены.

И вот теперь думаю: правильно ли я поступила, что снова приехала в утеплённую верой избу, чтобы рассказать тётке Серафиме, — она ведь горе своё и без того пила глубоким ковшом, — ещё и о без вести пропавшем в том наступлении парне?

— Отец Небесный! Да это мой Митя! Мёртвым я его не видала! — снова осветилась, упрочилась надеждой измыканная, но так и не свыкшаяся с потерей мать. — Третьево днись опять сон об нём был, вещует мне сердце: живой!

г. Орёл

Владимир СИЛКИН

ВЕЧНЫЕ НЕЗАБУДКИ

ПОБЕДА

Сняла шинель под городом Берлином,
Шла по нему и презирала страх.
Она, в своём величии былинном,
Знамёна поднимала на рейхстаг.

Она не знала, кем была для деда,
Не знала, кем явилась для отца.
Шла по Берлину светлая Победа,
Не пряча обожжённого лица.

И в этот день шагали с нею рядом,
Не видевшие этого лица,
Защитники Москвы и Сталинграда,
Исполнившие долг свой до конца.

И без вести пропавшие шагали,
И в битвах прикрывавший спину тыл.
И не было ни сил таких, ни стали,
Чтоб кто-нибудь её остановил.

* * *

Приходи скорей, Победа!
Я тебе накрою стол.
Где я шёл, и сам не ведал,
Но с тобой на встречу шёл.

Я пропах походным дымом,
Стал солёным, как вода.
Ты пройти не вздумай мимо,
Не позволю никогда!

Ты мой гость, моя отрада,
Мать моя, моя жена.
От Москвы до Ленинграда
В сердце ты была одна.

И сейчас, ну, сделай милость,
Покажись в окне моём,
Я же знаю, что явилась,
И чтоходишь в каждый дом.

Крикни мне, лиши покоя,
Страшно в доме одному.
Я тебя одной рукою
По-солдатски обниму.

МАТЬ

*Светлой памяти Епистинии Степановой
и её девяти сыновей*

Не вернуть ушедших заново,
Не собрать всех вместе ей.
Епистиния Степанова
Ждёт с Победой сыновей.

С обелиска неподъёмного
Невозможно ей сойти —
Столько горя в нём бездонного,
Что одной не унести.

И глядит в просторы дальние,
Не смыкая красных глаз.
Вдруг и правда на свидание
Все они придут сейчас.

И уткнутся в ноги матери.
И сойдясь со всех сторон,
У накрытой светлой скатерти
Ей отвесят свой поклон.

— Ой, пришли, мои хорошие!
Как же тяжко мне без вас!..
Вновь осеннюю порошею
Мать сомкнуть не может глаз.

Небо с ней вздыхает синее,
Жеребёнок в поле ржёт.
Не смирилась Епистиния,
Ждёт.

ПЕРСТЕНЬ*

Не верьте в злобу, люди,
Ведёт она во тьму.
«При славе смирен буди,
А при печали мудр».

Душила предка злоба,
Но он прощал врага.
И Русь глядела в оба,
Как в речку берега.

Великие печали
Изведала Москва,
Но были, как печати,
На пальцах их слова.

И радовались славе,
И жили вместе с ней,
Поив на переправе
Измотанных коней.

Но зарождалось утро.
И бой вчерашний тих.
Не покидала мудрость
Сородичей моих.

* «При славе смирен буди, а при печали мудр» — надпись на перстне русского воина XVI—XVII вв.

ПРИЗНАНИЕ

*Памяти моего деда
Василия Владимировича Силкина*

Я тебя никогда не видел,
Прилетел к тебе с Уссури.
Я прошу, дед Василий, выйди,
Молча рядышком покури.

Я сижу на облезлой лавке,
На душе у меня темно.
Я не раз свои сделал ставки
И сквозь пекло прошёл давно.

Две войны у тебя в итоге,
Как ты выжил там, не понять,
Ты на кладбище у дороги
Спишь и мне тебя не поднять.

Ты всю жизнь проходил за плугом
И не горбился в борозде,
Я бы стал тебе лучшим другом
И не бросил тебя нигде.

Но не встретились, так уж вышло,
Разминулись с тобою, дед.
Как крапива бушует пышно,
Как поёт соловей чуть свет!

Я оставлю на лавке фляжку,
Может, выдастся случай встать.
Нахлобучу на лоб фуражку,
Чтобы слёз твоих не видать.

ИНЫЕ ВРЕМЕНА

Пожили, погрустили. Ну и ладно.
Пришли теперь иные времена,
Не видевшие жизни пишут складно,
Какой должна быть прошлая война.

Не отличат траншеи от окопа,
И всё у них штрафбаты и ГУЛАГ.
Довольно ухмыляется Европа,
Когда мы поднимем белый флаг.

Мы сами нападающими стали,
Победу миру принесли не мы,
И привыкаем к мысли, что не Сталин
Спасал свою Отчизну от чумы.

Остановитесь вы, пока не поздно,
И не будите лихо никогда.
Вон как в глаза глядят из камня грозно
Вернувшие Европе города!

НА НОВОДЕВИЧЬЕМ

*На открытие памятника Герою России
Александру Васильевичу Маргелову*

Над беретами небо ниже
И свинцовые облака.
То Илья пред собою движет
Стерегущие мир войска.

А куда? Лишь ему известно,
У него над десантом власть.
И десант запеваёт песню,
Чтобы громом потом упасть.

Разорвать при посадке путы,
Прохрипеть на земле: «Ура!»,
И «привет» передать кому-то
С вечных русских небес с утра.

...Многолюдно сейчас в округе —
Полосатый шальной народ.
Но молчат в стороне подруги —
Так, что оторопь мир берёт.

НА ВОКЗАЛЕ

Тот же голос, тот огонь в его глазах.

Евгений Гребёнка

Всё та же выправка видна
И благородная осанка.
Не забрала его война,
Когда горел в утробе танка.

И он почти не постарел,
Огонь в глазах и голос тот же.
Я долго на него смотрел
И представлял его моложе.

Мы у вагона обнялись,
Застыли возле чемодана.
А дождь и снег на нас лились,
Как слёзы счастья, беспрестанно.

Как долго миг я этот ждал!
И в ресторан шагнул вокзальный,
И нас двоих сопровождал
Последний запах госпитальный.

САУР-МОГИЛА

Над Саур-могилой ветер,
Над Саур-могилой плач.
Чёрный вечер, чёрный вечер
Бесконечен и горяч.

Не остыли в лужах пули,
В касках ржавая вода.
Не хотели, но уснули
Ополченцы навсегда.

В небе голуби порхают,
Слёзы льёт с утра трава,
Молча вдовы выдыхают
Все последние слова.

Над Саур-могилой вечер,
Над Саур-могилой крик,
И снарядом изувечен
Синий детский грузовик.

ИСТОКИ

Опять в деревню с внучкой еду
Встречать дымящийся рассвет,
И вечных незабудок деду
Собрать слезящийся букет.

Услышать незабвенный говор,
Понять, что ты неотделим
От этих мест, где вырос город
И стал со временем твоим.

Как пахнет сонной гречкой поле,
Как может гром в сердцах трубить!
В какой пропагандистской школе
Научат Родину любить?

ВЫБОР

Нам берег и душен, и тесен.
Николай Щербина

Моряк не просит тишины,
Ему подай солёный ветер,
И негодующей волны,
И крики чаек на рассвете.

Он не привык на берегу,
Не для него тоска и скука,
Привык сгибать судьбу в дугу,
Как будто два конца у лука.

Ему опять давай шторма,
В рундук закрытые печали,
Чтоб только не сойти с ума,
Когда не встретят на причале.

ПОХОД

По синим волнам океана.
Михаил Лермонтов

Друг ушёл на полгода,
Не заскочишь к нему.
И гляжу я на воду,
На бездонную тьму.

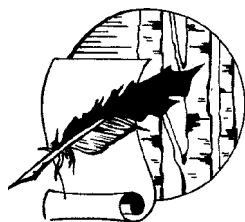
Как приветит подлодка,
Как сплуются винты?
Океанская глотка,
Голубые киты.

До экватора можно
Добираться зимой,
Только как это сложно
Возвращаться домой.

Я об этом не стану,
Я давно не грущу,
Но разлук океану
Никогда не прощу.

Не прощу, не просите.
Под морскою водой
Никакой он не синий,
А как небо, седой.

г. Москва

Ирина УШАКОВА

Ирина Владимировна Ушакова родилась в 1980 г. в п. Оленино Тверской области. Окончила факультет журналистики Московского экстерного гуманитарного университета (специальность: литературный редактор). Автор двух поэтических сборников «Пробуждение» (2000) и «По велению ранней весны» (2011). Автор книги «Народная школа Рачинского» (2016). Публиковалась в журналах «Наш современник», «Москва», в газете «Слово».

Лауреат премии «Имперская культура» имени Эдуарда Володина (2013). Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

ПАМЯТЬ О ДОМЕ

ДОМ

Прабабушке

А мы живем как при Екатерине...

А. Ахматова

Стол холстом покрываю,
Отбелённым, как снег.
На обед поспеваю
В девятнадцатый век.

Голубые ворота.
Клумбы лилий пестрят.
И любовной заботой
Светел бабушкин взгляд.

Вышит кружевом ворот,
В крепких пальцах шитьё.
И рассказы про город
Столь волнуют её.

Как при Екатерине
Здесь молебны, труды.
Перламутровый иней
Укрывает сады.

Мы не ляжем до свету,
Близко волк стает выть.
Будем думать, что к лету
Сад пора обновить.

И сейчас поневоле
Через век слышно мне:
В «шереметьевском поле»,
На «рачинском гумне»...

...Заменить тебя некем
В наше время невзгод.
В девятнадцатом веке
Память сердца живёт.

* * *

Бабушке

А в тот год научилась и я косить
Мураву, что росла под твоим окном.
Я хотела тебя вот о чём спросить...
Молча слушает голос мой старый дом:

Как топить твою печь, чтоб она свой дух
Сохраняла до завтра, хоть до утра?
Запах сена и мягок идёт, и сух,
С чердака нависая, в углу двора.

Как мне яблоням-то объяснить твоим:
Больше некому их красоту собрать.
И уже не пройти по крапиве к ним.
Только птицам дано там летать, летать...

А когда этот дом утопал в снегах,
Я болела в Москве, и мне снился сон:
Ковш мочёной брусники ты мне в руках
Подала, и был вкус так знаком, ядрён.

И твоих полотенец кресты и гладь
Защитили меня от дурных потерь...
Долго будет красивый наш дом стоять.
И глядеть на Москву, на Смоленск, на Тверь...

ПАМЯТЬ О ЧЕЧЕНСКОЙ ВОЙНЕ

Вечереет в полях. Вечереет.
Наше лето пошло на закат.
Васильки из травы всё светлее
Смотрят, смотрят глазами ребят.

По лазури пруда заскользили
Два луча с ясной думой о вас.
Понимаю я только сейчас —
Это отблески ваших воскрылий.

РОССИЯ

Писателю Михаилу Алексееву

Земные богатства заботливо множишь.
Растишь сыновей без болезней и зла.
Гордыней и лестью души не тревожишь.
Лишь гордость в твоих поколениях светла.

Кому же хлеба?
Сыновья те куда же?
Священные ль войны несут им венец?
Земного отца у нас нету на страже,
Но грозно взирает Небесный Отец.

Придут пожинать к нам опять, кто не сеял.
И веру святую под корень рубить.
Но вновь приглашаем за стол фарисеев,
Забыв, что Отчизну так не сохранить.

Россия, как радость с тобою приметить?
Вздохнуть всею грудью. Но по сердцу бьёт
Бедою нам двадцать второй, тридцать третий,
И этот 2017-й год!

ЗАБРОШЕННОЕ СЕЛО СПАС-БЕРЁЗА

То ли маяк там в пучине?
Облако ль в снежной пыли?
Нет, это встали святыни —
К нам из веков проросли.

Чтобы в годину печали,
В тяжкое время подмен
Мы с покаяньем припали
К белому остову стен.

Чтобы от них почерпнули
Белого света глоток.
Головы чтобы пригнули,
Перекрестясь на Восток.

Нищие мы.
И утраты
Не перечеть в том краю,
Где и вольно́, и богато
Песню певали свою

Прадеды.
Вас не осилил
Враг ни мечом, ни штыком.
Подлостью вас подкосили.
Подлостью взяли ваш дом.

Скрипником позарастают
Ваши сады и река.
Лишь колокольня пустая
Светится издалека.

Так мы по этому свету
Русский наш Дом соберём.
Снова построим по лету
Крепкий, как прадедов, дом.

Этот родник нам оставлен —
Пейте в предутренний час.
Нет, еще не обезглавлен
Русский народ. С нами Спас
Нерукотворный!

* * *

Ожидая и любя сердечно,
Как тебе те чувства передать?

Прилетает аист к нашей речке.
Любит в травах встать и постоять.

Есть ещё на тихих наших землях
Этих птиц высокое жильё...

Грусть мою руками не объёмлешь
Не удержишь сердце ты моё.

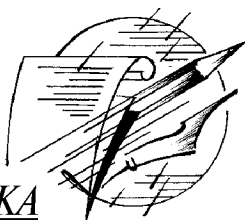
Вот и полетел хранитель века
В старое гнездо — в заросший Спас.

Долгую отмерила нам веху
Родина, благословляя нас.

ОТКРЫТЫЙ ЗАГОВОР

«Пандемия», о которой говорили весь 2020 год, не есть что-то стихийное. Это заранее спланированная операция, преследующая цель всемирной перестройки в интересах «глобальной элиты» («мировой закулисы», «глубинного государства»). Фактов на сей счёт предостаточно. Уклончивое предположение главы ВОЗ 11 марта 2020 г. о возможной «пандемии» и то, что за этим последовало, может вызывать разные ассоциации; в том числе с поджогом Рейхстага 27 февраля 1933 года, после чего Германия ввела режим жёсткого ограничения свобод и дала старт подготовке к развязыванию Второй мировой войны.

Возможна и более забавная ассоциация, взятая из романа «Золотой телёнок» Ильфа и Петрова. Там была сожжена «Воронья слободка» — двухэтажный дом в черноморском перелуке. «Воронья слободка» сгорела не случайно, так было задумано. Жители дома застраховали жильё и имущество от пожара, а затем с нетерпением ожидали наступления «страхового случая» — пожара. В этой истории важна фигура бывшего камергера Митрича: ему первому пришла в

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

голову идея застраховать имущество. А далее сработало стадное чувство: все обитатели слободки последовали примеру бывшего камергера. Митрич и его соседи своими ожиданиями друг с другом не делились, но понимали друг друга без слов. «Воронья слободка» была обречена и в результате поджога, совершённого дворником, сгорела. Социологи называют такие случаи самосбывающимся прогнозом.

«Пандемию» и всемирный локдаун можно сравнить с пожаром глобального масштаба. Многие гадают, кто осуществил «поджог». Кто этот дворник? А меня, признаться, больше интересует другое: кто в этой истории изображал бывшего камергера Митрича?

И вот моя версия: «Митричем» был Жак Аттали. Это французский экономист, писатель и политический деятель. Родился в 1943 году в Алжире. В 1956 г. семья Жака переехала в Париж. Приобрёл известность в 1981 году, когда стал советником президента Франсуа Миттерана. В апреле 1991 года занял пост первого главы Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР). Аттали — один из фигурантов по делу о незаконной продаже оружия Анголе («Анголагейт»). Масон; по некоторым данным, иллиуминат.

Большому влиянию Аттали подвергся президент Франции Эммануэль Макрон. В деятельности Макрона, писал Фонд стратегической культуры в 2017 году, заметен *«отчётливый след влияния... члена Бильдербергского клуба и фанатичного идеолога глобализации Жака Аттали, при котором Эммануэль Макрон состоял около года (2007—2008) в роли заместителя докладчика в Комиссии по улучшению французского экономического роста. Философия Аттали, выходца из среды алжирских евреев-сефардов, сводится к тому, что всемогущество денег — самый справедливый общественный порядок, а рождаемое глобализацией племя «всемирных кочевников» должно быть решительно отсечено от их национальных корней»* (выделено Ред.).

Аттали умеет увлечь витиеватыми, не лишёнными остроумия размышлениями, демонстрируя большую эрудицию; при внешней неказистости он способен оказывать на аудиторию гипнотическое влияние.

Чем-то Аттали напоминает не только «Митрича», но и Герберта Уэллса — человека, который принадлежал к британской интеллектуальной элите и был озабочен перестройкой несовершенного мира в интересах англосаксонской элиты. Свои идеи о том, каким должен быть «совершенный» мир и как к нему двигаться, он излагал публично. Ярким примером этой озабоченности является работа Уэллса «Открытый

заговор» (первое издание — 1928 год). Вот и Жак Аттали, будучи масоном высокого градуса, публично рассуждает о несовершенствах мира XXI века и объясняет, как его следует менять. Эти суждения Аттали тоже можно назвать открытым заговором.

Ещё в 1979 году малоизвестный широкой публике Жак Аттали, выступая по французскому телевидению, изложил свою концепцию «диктатуры здоровья»: *«Мы установим абсолютную форму диктатуры, при которой каждый пожелает добровольно («свободно») соответствовать установленным нормам. Надо, чтобы каждый добровольно («свободно») принял свой статус раба... Эта новая форма тоталитарного общества создаётся с помощью медицины (выделено Ред.), принятых понятий добра и зла, отношения к смерти».*

Уже тогда Аттали предложил ввести специальные «паспорта здоровья» для контроля над людьми. Эксперты общественной организации United World International в обзоре «Мировой фашизм на горизонте? Глобалистские планы на 2021 год», обсуждая перспективы появления в мире в текущем году такого документа, как «паспорт иммунитета», отмечают: впервые идею введения такого документа высказал Жак Аттали.

Ещё громче прозвучало заявление, сделанное Аттали почти 12 лет назад в его колонке в L'Express. Напомню, на фоне каких мировых событий это произошло: мировой финансовый кризис плюс эпидемия «свиного гриппа», захватившая многие страны. 5 марта 2009 года Аттали писал: *«История учит нас, что человечество существенно развивается только тогда, когда оно действительно боится: тогда оно начинает создавать защитные механизмы...»* Аттали сетовал на то, что государственные деятели и политики упустили прекрасную возможность начать всемирную перестройку, которую давали глобальный финансовый кризис и свиной грипп (к моменту публикации пик того и другого был пройден). Теперь, отмечал Аттали, надо ждать следующего кризиса и следующей эпидемии.

«Великая пандемия гораздо более успешно, чем любая гуманитарная или экологическая проповедь, убедит людей в необходимости альтруизма...», — уговаривал Аттали. Под «альтруизмом» понималась готовность людей идти на жертвы и самоограничения *«в интересах человечества»*. Аттали призывал *«извлекать уроки, чтобы до следующего неизбежного события мы создали механизмы предотвращения и контроля, а также логистические механизмы справедливого распределения лекарств и вакцин. Для этого нам придется создать глобальную полицию, глобальное хранилище (вероятно, централи-*

зованный запас медикаментов и вакцин. — В.К.) и, следовательно, глобальное налогообложение».

Для чего? Очень просто: «Тогда нам гораздо быстрее удалось бы заложить фундамент настоящего мирового правительства».

Это было 12 лет назад. И вот идеи закоренелого глобалиста, идеологически близкого Клаусу Швабу, начинают претворяться в жизнь.

В 2020 г. Аттали дал ряд интервью, из которых видно, что он очень удовлетворён происходящим («пандемия», планетарный локдаун, публикация плана «великой перестройки»). Аттали надеется, что процесс будет доведен до логического конца — до создания открыто действующего мирового правительства.

Некоторые из откровений Жака Аттали, сделанные им в интервью в течение 2020 года, заслуживают того, чтобы их процитировать. Вот, например, из его интервью (май) японским изданием Sankei Shimbun и JAPAN Forward: «Кризис очень глубокий. Это только начало. Даже страны, которые меньше всего пострадали, будут захвачены мировой рецессией, самой сильной за столетие». Здесь он не ошибся. Спад мировой экономики, согласно предварительным данным МВФ, составил в минувшем году 4,4%.

Аттали убеждён, что общество можно менять в заданном направлении: «В нынешней ситуации начинается осознание необходимости другой формы общества. Мы должны перенаправить нашу экономику в сторону «ориентированных на жизнь отраслей», таких как здравоохранение, питание и гигиена, энергетика, образование, медицинские исследования, водные ресурсы, цифровой сектор, безопасность и демократия...» Слова об «экономике жизни», «безопасности», «демократии» звучат у Аттали постоянно. Однако всё это — лишь «в будущем». До этого придётся пройти через серьёзные лишения (проявить «альтруизм»), согласиться на ограничения демократии (самоизоляция, локдауны) и даже на войны — кибернетические, экономические и прочие.

Можно вспомнить одну из наиболее резонансных книг Жака Аттали «Краткая история будущего» (2006, русский перевод — 2014 г.). Это, ни много ни мало, прогноз развития мира на ближайшие полвека. На первом этапе (до 2025 года) Америка утратит роль мирового лидера, в США начнутся внутренние конфликты, эта страна превратится в заурядное государство. Попытки Китая и, может быть, Европы «заместить» Америку закончатся ничем. Усилится влияние ТНК, они будут всё больше размывать устои национальных госу-

дарств, приватизируя государства. Кончится всё, обещает Аттали, большой, затяжной, тяжёлой мировой войной, и лишь после этого возникнет новый справедливый порядок. Однако представление об этом порядке у Аттали размыто, да и дать гарантии будущего «рая» он отказывается.

В контексте происходящего в мире сегодня любопытно, что Аттали настаивает на следующем положении: чем больше «альтруизма» (согласия на ограничения) проявит человек сейчас, тем больше шансов, что будущая война не окажется чрезмерно тяжёлой и человечество увидит желанный «рай». Другими словами, покоритесь принуждению и будет вам счастье.

А вот откровения Аттали итальянскому изданию FarodiRoma (июль). Французский идеолог не скрывает радости по поводу того, что всемирная перестройка в условиях «пандемии» идёт успешно. По его словам, более 2,5 миллиарда человек в одночасье переключились на удалённую работу. Стало быть, есть надежда, что человечество так же спокойно примет и другие новации. Сейчас самое главное — оказывать давление на государственных руководителей, которые порой пребывают в спячке.

Аттали недоволен тем, что вместо введения жёстких порядков («принудительный альтруизм») власти пытаются смягчить кризис путём денежной накачки экономики. Это мешает радикальной перестройке: *«Я думаю, что многим до сих пор не до конца понятно, что происходит. Я имею в виду, что все страны Запада и многие другие страны в различных частях мира ввели так много денег на рынок через свои центральные банки, что... это позволит «замаскировать» кризис на первом этапе, отсрочить его последствия и заставить нас думать, что будет простое решение с простой денежной эмиссией, но это совсем не так».*

Жак Аттали недоволен и тем, что власти многих стран пытаются спасти «мёртвые» отрасли экономики. Он предлагает сконцентрировать все ресурсы на том, что называет «экономикой жизни»: *«здравоохранение, образование, питание, цифровой мир».* Как о примере «мёртвых» отраслей Аттали говорит об автомобилестроении и авиастроении, предлагая перебросить квалифицированных инженеров и других специалистов из данных отраслей в сектора «экономики жизни». Это напоминает рассуждения покойного Збигнева Бжезинского в книге «Технотронная эра» (1969 г.), где предлагалось как можно быстрее перейти от индустриального общества к постиндустриальному с преобладанием услуг над производством. Заметим, что «постиндустриальное общество» и

«экономика жизни» — это не продукты фантазий. Это идеологии, за которыми скрываются вполне определённые цели.

В построениях Жака Аттали «экономика жизни» соседствует с «экономикой войны». У него нет внятного определения «экономики войны», но это одно из его любимых понятий. Можно предположить, что под «экономикой войны» этот масон-философ понимает полную ликвидацию той модели экономики, которую принято называть «либеральной» или «рыночной». Где рынок, там и демократия, а при демократии радикальные преобразования общества невозможны. Для этого необходима диктатура. В ряде своих книг и статей Жак Аттали намекает, что модель мобилизационной экономики, созданная в третьем рейхе, заслуживает применения в современных условиях. Он сетует на то, что даже в условиях «пандемии» власти не решились превратить свои экономики в военно-мобилизационные.

В заключение я хотел бы обратить внимание на интервью, которое Жак Аттали дал мексиканскому информационному агентству Confabulario. Он заговорил о своей книге «Краткая история будущего» и назвал основные этапы, которые, как он утверждает, человечеству предстоит пройти в ближайшие полвека. Он повторил, что первым этапом явится закат Америки как великой державы. По его словам, данный этап уже завершён. Это было сказано 26 декабря 2020 года; соответственно, закат, по Аттали, произошёл на пять лет раньше, чем он предсказывал в «Краткой истории будущего». Однако главное то, что всемирная перестройка идёт с опережением «графика». Открытый заговор осуществляется.

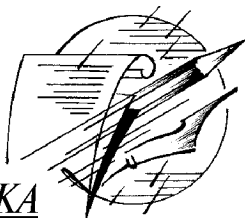
<https://www.fondsk.ru/>

ТАКОЕ ВОТ КИНО

Заговор «немого»

Информация ежесекундно поступает к нам через все пять органов чувств, мы фактически живём в ней (точнее, она в нас), а наш мозг только тем и занят, что постоянно её обрабатывает. Откуда современные люди получают львиную долю информации, не секрет: социальные сети, телевидение, радио, пресса, книги, причём с явным преимуществом интернета, доля которого растёт в геометрической прогрессии. Между тем, учёные и врачи давно бьют тревогу о превышении допустимого уровня информации для человека в десятки раз! Но помимо чисто количественной стороны проблемы, есть и качественная. Об отрицательных последствиях влияния интернета сейчас пишут много, но теперь хотелось бы поговорить о негативном влиянии киноиндустрии и телевидения.

Ещё на заре зарождения в конце XIX века «великого немого» и бурного роста его популярности в массах было отмечено колоссальное влияние рожденных на экране образов на человека. Люди,

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

часто неосознанно, копировали модель поведения предложенных режиссёрами и актёрами героев, их поступки, не говоря уже об одежде, походке и прочих атрибутах новоявленных кумиров. Ну а когда уж «немой» заговорил!.. Поэтому очень скоро киноиндустрия была поставлена на службу интересов определенных и крайне заинтересованных групп, прежде всего бизнеса и политиков.

В СССР она полностью перешла в руки государства. Когда мы восторгаемся примерами героизма людей старшего поколения, участников Великой Отечественной войны, работников тыла и тех, кто поднимал страну из руин, надо отдавать себе отчёт, что воспитывались они на соответствующих кинообразах: героях, вышедших из народной среды, готовых жертвовать своей жизнью на благо Родины и народа.

На «всю катушку» использовали кино и на родине «фабрики грёз» — в США. Например, в годы великой депрессии в 30-х гг. XX века, когда в стране росла социальная напряженность, безработица, в Голливуде стали один за другим сниматься фильмы о сытой, беспечной и благополучной жизни — «американской мечте». Это позволило наряду с предпринимаемыми мерами экономического характера снизить накал страстей и канализировать их в нужное правительству русло. Проблема решилась, а голливудский стиль жизни вкупе со знаменитой улыбкой переформатировался в идеологию потребления, ставшую на долгие годы основной по обе стороны океана.

Другим примером использования в США кино-рычага как идеологической меры воздействия на население стали межрасовые проблемы, вставшие во весь рост в середине XX века. Их пиком было убийство популярного негритянского лидера Мартина Лютера Кинга (не путать с Джорджем Флойдом). Правительством США в директивном порядке (вот вам и свобода слова!) дано было указание снимать фильмы, строго учитывающие расовый паритет. Обратите внимание, во всех американских кинокартинах, начиная с этого периода среди главных героев, обязательно присутствует чёрный американец, который уравнивает число хороших белых. И проблема на долгие годы благополучно решилась.

Особенности национальной деградации

С распадом СССР и прекращении монополии государства на идеологию отечественная киноиндустрия почти полностью коммерциализировалась, серьёзно при этом деградировав, что с горечью признают честные кинорежиссёры и актё-

ры. Но и сам развал страны произошёл не без участия широкого или «голубого» экранов и входившего в моду домашнего и салонного видео. Вспомним популярные советские и зарубежные фильмы времен перестройки. Они уже тогда несли в себе заряд саморазрушения, пропагандируя гедонизм, индивидуализм и другие западные, в основном либеральные и рыночные ценности, при этом нещадно эксплуатируя нижепоясные инстинкты, растормаживая сферу стыдливости, присущую русским людям. По сути, это была усовершенствованная копия той же «американской мечты», нацеленная на формирование из бывших строителей коммунизма активных потребителей производимых на Западе товаров.

О том, что сегодня кино практически перестало считаться искусством, став всего лишь продуктом, который необходимо выгоднее продать, всё чаще говорят многие честные отечественные и зарубежные актеры и режиссёры. Среди них советский и российский актёр, кинорежиссёр, Народный артист РФ Николай Буряев, российский режиссёр театра и кино, сценарист, продюсер, художественный руководитель ряда студий и театров Юрий Грымов и другие. Увы, государство слишком долгое время занимало в этом вопросе пассивную позицию, отдав эту важнейшую сферу воздействия на умы и сердца рынку.

Последствия такой легковесной и безответственной политики не замедлили сказаться перед лицом возникшей угрозы общественной безопасности, в т.ч. в угрожающем росте алкоголизации и наркомании населения, высоком уровне криминала, подростковой преступности, изнасилований.

Характерный пример — популярный фильм середины 90-х «Особенности национальной охоты», где открыто пропагандировался и романтизировался соответствующий стиль жизни. Как свидетельствует беспристрастная статистика, как раз в тот период в разы вырос спрос на алкогольную продукцию, демонстрируемую в фильме, а следом подтянулась и «пьяная» преступность.

По словам члена Общественного Совета ФСИН Леонида Варламова, имеющего на руках не только самую оперативную статистику, но и возможность регулярно беседовать с отбывающим наказание контингентом, 60% изнасилований, 74% убийств, 63% ДТП, повлекших за собой смерть, стали следствием употребления алкоголя, в т.ч. под влиянием этого фильма. Не слишком ли дорогая цена за протирание штанов перед полюбившимся многим зрителям «национальным» сериалом с вошедшим в жизнь многих лихим генеральским тостом: «Ну, за...»!

Не раз уже говорилось и писалось о негативном воздействии на молодёжь не менее популярных фильмов «Бумер» и «Бригада», вышедших на экраны в начале 2000-х. Фиксировали это и милицейские протоколы, поскольку лёгкая, красивая, беспечная и полная романтических приключений жизнь молодых симпатичных преступников легко перекочевала с экрана в головы слишком многих подростков, оказавшихся по стечению обстоятельств предоставленными самим себе. Сегодня многие актёры — участники тех съёмок сами признают, что совершили тогда откровенное преступление против России. Например, так считают Павел Майков («Пчела»), Дмитрий Дюжев («Космос») и некоторые другие члены «бригады». Актёр Сергей Безруков («Белый») старается о тех съёмках, принесших ему бешеную популярность, не вспоминать. Почти все они раскаиваются в этом, но на сей раз их голос практически не слышан! Тоже случайность?

А ведь помимо пропаганды алкоголя, наркотиков, романтизации криминала в популярных у населения картинах и сериалах кем-то продвигаются и другие отрицательно влияющие на общественную нравственность идеи и смыслы. Например, разрушение семейных ценностей, пропаганда супружеских измен, т.н. «красивого образа жизни», безответственность и легкомысленность в поступках, в выборе партнёров, друзей и т.д. Бразильские учёные на родине, казалось бы, вполне безобидных «мыльных сериалов», типа «Богатые тоже плачут», которыми нас усиленно потчевали сначала 90-х, выявили за 20 лет интересный феномен. Они обнаружили прямую зависимость падения рождаемости и роста разводов от просмотра бразильцами подобных телефильмов. Не те ли тенденции наблюдаются и у нас?

Несмотря на объявленную и вроде бы ведущуюся в России борьбу с наркоманией, наркомафией и наркотрафиком, в стране существует практически легальный канал по вербовке и пропаганде наркотиков. Наши телевидение и киноэкран фактически открыто продвигают отраву в массы, естественно (по законам жанра), красиво упакованную. Об одном таком случае рассказал член Общественного Совета ФСИН Леонид Варламов, беседовавший с попавшим в зону для «малолеток» молодым наркоманом, совершившим «под кайфом» преступление. Толчком для употребления «дури» стал для него легально демонстрировавшийся в кинотеатрах фильм «Страх и ненависть в Лас-Вегасе», где так «приколь-

но» и заманчиво показывался сам процесс, что сразу после просмотра он с товарищами его скопировал.

Есть и официальные исследования российских социологов на предмет влияния рекламы алкоголя, табака и наркотиков через кино и телевидение. Из 400 обследованных молодых людей, учащихся разных учебных заведений страны, свыше 30% признались, что после просмотра фильмов с явной и скрытой рекламой этих антидепрессантов они стали еще более привлекательными. И ведь что интересно, если напрямую рекламировать терроризм или наркотики, можно нарваться на крупные неприятности. Но если талантливо, да еще с хорошим актерским коллективом снять фильм о нелёгкой судьбе террориста или наркомана, чуть не вынужденного под воздействием различных обстоятельств взяться за оружие или сесть на иглу, то можно получить гран-при на каком-то кинофестивале, стать знаменитостью.

Как сказал Поэт

Как мы признали выше, телевидение, экран обладает удивительной магической силой притягивать воображение. Конечно, не сам экран, а тот, кто находится как бы за ним. Вот какое признание сделал «гуру» современного кинематографа, немецкий кинорежиссёр, сценарист и продюсер, лауреат многочисленных наград и премий, президент Европейской киноакадемии Вим Вендерс, к слову, только официально трижды женатый, не считая нескольких мимолётных сожительств, именуемых «гражданскими браками»: *«Фильмы формируют человека. Их нельзя выбросить из головы, из души. Я как «захватчик» хочу захватить людские умы, вложить в их головы некие идеи, образы».*

Неужели мы добровольно готовы отдавать не только свои головы и души, но и наших детей таким вот «захватчикам», часто одержимым далеко не благородными идеями?! Получается, что так. Но вот что отвечает ему один из наших лучших кинорежиссёров, сценаристов, Народный артист России Андрей Тарковский: *«...в самом убедительном из искусств, следует быть и особенно ответственным в своей работе. Потому что с помощью кинематографических средств воздействия разложить и обезоружить публику значительно проще и быстрее, чем использовать старые и традиционные искусства».*

В нашей стране хоть и идут разговоры о введении цензуры, ограничении влияния вредоносных программ, но в целом «воз и ныне там». Президент России Владимир Путин в очеред-

ной раз нелицеприятно высказался о российском же телевидении, буквально сказав, что его «оторопь берёт» от некоторых передач. Ранее он свидетельствовал, что оно «несёт ахиною». Но, к сожалению, дальше слов первого человека в стране, дело не идёт. То ли руки не доходят, то ли очередь.

Не будем сбрасывать со счетов и вполне определенные силы, продвигающие именно такую продукцию на экраны. Это, как правило, пролиберальные и прозападные (что, по сути, одно и то же) силы, вживлённые (а может, мертвлённые) в нашу жизнь с распадом СССР. Они-то и пугают нас, то возвращением «37-го года», то «нерукопожатостью» на Западе, то очередной порцией санкций. Но мы, являясь представителями уникальной цивилизации, гражданами страны с великой историей, богатой своими культурными традициями, великой литературой, национальными героями и духовно-нравственным кодом самосознания, должны искать ответы у своих национальных авторитетов и учителей.

И вот что по этому поводу почти 200 лет назад писал А.С.Пушкин:

«Я убежден в необходимости цензуры в образованном нравственно и христианском обществе, под какими бы законами или правлениями оно бы ни находилось. Нравственность, как и религия, должна быть уважаема писателем. Безнравственные книги — суть те, которые потрясают основания гражданского общества, те, которые проповедают разврат, рассеивают личную клевету или коей целью имеют распаление чувственности... Разве речь и рукопись не подлежат закону? Всякое правительство вправе не разрешать проповедовать на площадях, что кому в голову взбрédёт, и может остановить раздачу рукописей...»

Следуя совету Поэта, российскому государству давно пришла пора установить нравственную цензуру как для художественных произведений, так и для всего информационного потока, который день и ночь обрушивается на умы, сердца и души наших людей.

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

ПЕРЕРЫВ НА ОБЕД

Мама сегодня приготовила лапшу. Она называет её «своей». В тарелке аппетитно топорщатся куриные крылышки, желтоватый прозрачный бульон духовит, в кружочках жира, как в спасательных кругах, плавают листики петрушки. А запах!..

Я часто обедаю у родителей, потому что работаю в двенадцати минутах езды на трамвае от их дома. Работа у меня не то чтобы суматошная, но непредсказуемая, и приезжать на обед к родителям каждый день не получается. Мама беспокоится, даже обижается, когда я не появляюсь несколько дней.

Мы сидим на кухне у большого окна. Мама, привалившись спиной к беспокойно журчащему АГВ, смотрит, как я ем, и с тревогой спрашивает:

— Вкусная лапшичка?

Тут надо обязательно похвалить её стряпню. Впрочем, кривить душой не приходится — угощение у мамы всегда на высоте.

В доме тихо и тепло. С улицы носом в стекло тычется дворовый пёс

ПРОЗА

Мишка. Рыжая мордашка с умными глазами приветливо-просительна. Мама, улыбаясь, грозит ему пальцем. Это самое страшное наказание для пса. Он хмурится, прыгивает с завалинки и, поджав мохнатый хвост, трусит в свою конуру.

Мишка — пёс чрезвычайно обидчивый. Когда, ещё в подростковом возрасте, его пытались посадить на цепь, щенок просто обиделся на весь мир. Неделю он отвергал самую вкусную еду и отказывался от любого общения. Отец, выдерживая характер, нипочём не хотел возвращать ему свободу. И только после того, как в гости к бабушке с дедушкой пришла моя дочка и со слезами в глазах заявила: «Вы лишаете ребёнка детства!», Мишка был амнистирован и освобождён уже пожизненно.

Отец лежит на диване в комнате напротив кухни. Послеобеденный отдых с кроссвордом у него называется на детсадовский манер — «тихий час».

Отец у меня большой придумщик. Неинтересно ему жить, что-то делать, как все. К любой работе он подходит творчески, но не усложняя её всякими ненужными измыслами, а рационально упрощая, механизуя процесс. Всю жизнь отец работал слесарем и, мне кажется, умеет всё. Когда пришла пора выходить на пенсию, то писать копию его трудовой книжки посадили меня — почерк, дескать, красивше. Как я был горд, аккуратно перенося на тетрадный лист сведения о поощрениях: за рационализаторское предложение, за изобретение, за внедрение!.. И опять, и снова. Венчалось всё это медалью «За доблестный труд». В трудовой книжке имелось несколько многостраничных вкладышей — вместить все отцовские достижения она просто не могла. Покажите мне ещё слесаря с такой трудовой книжкой!

Мама всё беспокоится:

— Крутовато я лапшу замесила — не смогла раскатать как следует...

Отец, не отрываясь от кроссворда, то ли в шутку, то ли всерьёз говорит:

— Всё тебя учить. Между двух досок тесто своё положи — и на дорогу. Раскатают в папирус.

— Это только ты у нас такой умный, — обиженно произносит мама и вдруг оживает: — Ой, сынок, чего дед-то недавно учудил. Вроде во дворе всё топтался, а потом, смотрю — нету. Подождала-подождала и за калитку вышла. Стоит. На той стороне улицы. Высматривает. Увидел что-то вдали, засуетился. Железяку какую-то из кустов вытаскивает и на дорогу — бряк! А там машина идёт. Шофёр-то, наверно, видел — затормозил и железяку объехал. Дед ему вслед плюнул,

а конструкцию свою опять в кусты пристроил. Снова машина, и опять он под неё «бомбу» подкладывает. Ну дед! Прямо диверсант. Я стою, боюсь — его бить начнут...

— Да что ты хоть, мать, — отец откладывает кроссворд. — Лист оцинкованный распрямить надо было...

— Потом-то я поняла. И шофёр — наверно, только четвертый — тоже понял, что от него требуется. Аж два раза проехал, я видела. А первые трое сколько страху натерпелись?

— Да ладно... — вяло говорит отец. — Что-то засыпаю, пойду проветрюсь.

— Иди, иди. Не подорви никого, — ехидничает мама и уже вдогонку кричит: — Оденься потеплей!

Отец, нахлобучив шапку, но, несмотря на ноябрь, в довольно легкой куртке, опираясь на палку, уже выходит за калитку.

— Ох, уж этот дед... — беззлобно ворчит мама.

Отец любит прогуляться по родной Грузовой улице: ходит, смотрит, встретит кого-нибудь — поговорит, поможет. Его здесь все знают. Бывает, позвонит незнакомый мужик, спросит: «А Володя (это он отца) дома? Вы скажите ему, что Николай заходил. Я за грибами еду — если наберу, то и вам принесу». Видя мамино недоумение, добавит: «Он мне кастрюлю запаял. А ещё ведро починить надо». В таком вот духе.

Пора, однако, и мне. Я уже допиваю чай с яблочным пирогом, лезу в карман за папиросами.

Мама, скорей по привычке, не надеясь уже, говорит:

— Бросай, сынок, курить...

— Брошу, ма, — отводя глаза, вру я. — Обязательно.

Провожая меня до двери, мама заглядывает в глаза и спрашивает:

— Завтра придёшь? Я плов приготовлю.

Мама забыла, что завтра суббота — у меня выходной день, а значит, и обеденного перерыва не будет. Но она-то знает: не только вкусная еда влечёт меня в этот дом. Я тоже отсюда родом.

«МУСОРНЫЙ ДЕНЬ»

Что такое «мусорный день»? «Мусорный день» — это почти как праздник. Во всяком случае, так его ждут. А случается он раз в неделю — у нас это воскресенье. Именно в этот день по улице сверху вниз неторопливо, с длинными остановками, проезжает мусоровоз. Давно уже кем-то определены конкретные места, где грохочущая и дребезжащая маши-

на останавливается, водитель как бы нехотя выкарабкивается из кабины, с глубокомысленным видом манипулирует рычагами сбоку кузова, и огромная шарнирная рука ставит на землю мусорный контейнер. А народ уже давно собран, организован и сплочён. Впрочем, по порядку.

Мусоровоз проводит тотальную чистку улицы примерно с часу до трёх дня. Но ещё до полудня над нашей дверью визгливо кричит звонок — в калитку, боясь собаки, которой давно нет, просовывается соседка тётя Надя и торжественно вещает:

— Сегодня — мусор!

Об этом никто не забывал, но соседку всё равно благодарят за хорошую весть. Ещё полчаса спустя отец начинает собираться.

— Пойду, — говорит, — на пост.

Мама возмущается:

— Куда ты? Только половина первого. Тебе что, до поста полчаса идти, что ли?

Но это нужно понимать, этого события целую неделю ждала вся улица, на которой сегодня необычайнолюдно. Не удаляясь от своих калиток, прохаживаются разно одетые обыватели. Кое-кто уже вынес и поставил — пока на этой стороне улицы — пластиковые вёдра, оцинкованные выварки, полиэтиленовые пакеты с мусором. Каждый поочередно подходит к проезжей части и напряженно всматривается вдаль. Народ пока разогревается общением с непосредственными соседями.

Другой наш сосед, Борис, выходит, как всегда, в сопровождении собачонки — сегодня это чёрно-белая Муха, значит, Жучка была в прошлый раз. Борис озабоченно спрашивает:

— Будет сегодня, не знаешь?

Отец не знает, но говорит, что нужно надеяться. Они начинают лениво обсуждать различные бытовые проблемы. Муха, не очень-то обращая внимание на пристающего уличного кобеля, живо интересуется содержимым чужих мусорных ведерок.

Ближе к часу народ, прихватив свои ёмкости с мусором, начинает перемещаться на другую сторону улицы, к месту остановки мусоровоза.

Вот тут-то и разворачивается действие, ради которого, собственно, все и собрались, — живое общение по полной программе. Кумушки, в обычные дни не имеющие причин встретиться для обсуждения свежее испеченных новостей, собираются в небольшие группки и буквально рвут эти самые ново-

сти друг у друга изо рта. Хвастаются зятьями, прикупившими автомобили, шубы их дочкам, хрустальные люстры и кухонные комбайны. Проклинают зятьёв пьющих и нерадивых. Осуждают беспутную Нинку, заведшую «нового хахалю», и Верку-дуру, от которой сбежал «мужик-золото».

— Петрович, выпьешь? — это мужики уже расположились на крыльчке одного из домов поблизости. Здесь беседы ведутся традиционно о «правильной политике президента», о том, что «шуку лучше брать в половодье, по мутной воде», о том, что «Спартак» вчера облажался не по-детски». По кругу ходит одинокий стакан, зато закуска припасена у каждого.

Притащилась, тяжело опираясь на клюку, древняя бабка из углового дома. В пластмассовом ведре погромыхивает коробка из-под кефира. Подошла к очередному вперёдсмотрящему, прошамкала беззубым ртом:

— Не видать, сынок?

Получив отрицательный ответ, поудобней упёрлась хилой грудью в свою клюшку и заснула этакой треногой.

Подтянулась и ребятня, которой нет дела до собственно мусора, но раз уж собрался народ, стало быть, будет весело. Гомонят, «салки» затеяли.

Настроение праздничное, сравнимое разве только с атмосферой майских демонстраций прошлых времён, когда люди вот так же выходили из домов утром и, прежде чем отправиться по своим организациям и построиться в колонны, кучковались на родной улице, выпивали, шутили — общались, словом.

— Едет!!! — сверху вниз прокатилось по улице.

На секунду, вздрогнув, приостановилась ребятня, подоברались и теснее сплотили ряды взрослые. Действительно, в конце улицы, круто уходящей вверх, к вокзалу, показался трудно ещё различимый, но безошибочно узнаваемый оранжевый мусоровоз.

Убедившись в неотвратимой близости апогея праздника, граждане возобновили разговоры, которые сделались более оживлёнными. Мальчишки с новой силой продолжили беготню и чуть не сшибли старушку, повисшую на клюке. Ведро с грохотом покатилося по асфальту проезжей части, потеряв на ходу кефирную коробку.

— А ну, цыть! — неожиданно громко и грозно крикнула проснувшаяся бабка и, будто спохватившись, едва слышно проскрипела, неизвестно к кому обращаясь: — Не видать, сынок?

Ведро тут же вернули, сунув туда одинокую коробку.

— Видать, бабка, видать, — за всех ответил Николай из дома, что напротив нашего. — Уже на Индустриальном стоит.

Следующее после Индустриального переуллка место остановки мусоровоза — наше. Тут уже из калиток начинают выглядывать те, кто до сих пор отсиживался дома. Это которые или не в ладах с улицей, или молодые домохозяйки, коим с общественностью поделиться ещё нечем.

И вот мусоровоз скрипит тормозами и тяжело отдувается — прибыл! Контейнер установлен на землю и готов к заполнению. Но...

— Стоять! — громко командует водитель мусоровоза, закрывая грудью мусоровместилище.

Люди с уже занесёнными для броска вёдрами и пакетами удивленно замирают. Только старушка с клюкой, наверно, по причине глухоты деловито ковыляет к контейнеру и вываливает туда свою пресловутую картонку. Завершив ритуал, она не спешит уходить домой, а отходит в сторонку и снова повисает на клюке.

— Предупреждаю, — инквизиторским голосом заявляет водитель. — В следующий раз мусор буду принимать только по предъявлению квитанции. Небось, половина из вас не платит.

— Как не плотит?! Кто не плотит?! — возбуждённо шумит народ. — Все плотют!

Люди с мусором напирают, машут руками и брызжут слюной. Интересно, как это «в следующий раз» этот бюрократ собирается защитить контейнер от справедливо возмущённых обывателей, для которых жизненно важно расстаться с накопленными за неделю отходами? Наверно, и сам водитель задался этим вопросом, а может, вспомнил, что для народа он — всего лишь мусорщик, потому что обречённо махнул рукой и отправился в кабину выкурить очередную сигарету.

Началось! Воздух, отяжелевший с прибытием мусоровоза, загустел окончательно от мелькающих мусорных пакетов, криков «Посторонись!» и волнами распространяющегося от контейнера амбре. Кто-то в суматохе наступил на Муху. Её отчаянный визг послужил сигналом для начала следующего этапа мусоросдачи.

Нестройно захлопали калитки, из них рванули через трамвайные пути с вёдрами те, какие не общительные: и бегут-то неуклюже, как-то бочком, суетливо — не наши люди. Молодые хозяйки семянят, стесняясь домашних халатов, которые они одной, свободной, рукой пытаются запахивать на груди

и удерживать от распахания внизу. Получается плохо, дамочки краснеют и готовы провалиться сквозь землю вместе с вёдрами.

Трамвайное движение временно стало. Вагоновожатый понимает, что со стихией бороться глупо, и даже не пытается нажимать на кнопку звонка — привык. Минимум десять минут трамвай будет стоять, пережидая, пока людской поток, катящийся через рельсы в обоих направлениях, станет жиже.

Контейнер наполняется быстро, граждане сноровисто бегают за новыми партиями отходов, торопясь выбросить всё, что можно. Те, что поопытней, вышли семьями и за одну ходку вынесли, кажется, чуть ли не весь имеющийся у них скарб.

Издаലെка, сгибаясь под тяжестью полиэтиленового мешка, приплёлся дядя Роман — ему ближе на Индустриальный, но весь мусор сплавить там он не успел.

— Роман, по всей улице собирал? — шутит кто-то.

Водитель уже трижды дёргал рычаги, и шарнирная рука размашисто опрокидывала контейнер в чрево мусоровоза. Опыт подсказывает, что четвёртого раза не будет — впереди ещё почти пол-улицы. Суматоха постепенно гаснет.

— Больше не принимаю! — кричит водитель, вскакивая на подножку. — Учтите, в следующий раз...

Не закончив, он снова досадливо машет рукой, прыгает в кабину и зло рвёт машину с места.

Всё. А народ не расходится. Исчезает лишь суетливое возбуждение, на смену которому приходит благостное удовлетворение: большое дело сделали — надо бы sprыснуть по-настоящему. Что мужики и намерены осуществить, собираясь неподалёку, в тенёчке под липами. Потом кто-то принесёт низкий столик, достанут домино и будут, сдержанно матерясь, стучать костяшками уже дотемна. Женщины тоже не уходят, продолжая делиться впечатлениями о своей и чужой, да вообще — о жизни, в целом нелёгкой, но всё же дарующей редкие радости и оставляющей надежду на будущее, хотя бы в виде чумазных ребятишек, весело скачущих по уютным тротуарам родной улицы.

Заканчивается воскресный день. Заканчивается праздник, не быть которого просто не могло — ведь «все плотют».

ГУЛЯЯ ПО ТЕРРИТОРИИ ДЕТСТВА

Гуляя по территории детства, то и дело натыкаюсь на вешки, расставленные мною самим много лет назад. Они — как

узелки на ниточке памяти, соединяющей меня с той далёкой уже порой.

Вот груша. Каким чудом уцелела между наступающими клином девятиэтажками?

В моём детстве груша росла во дворе аккуратного домика, щеголявшего ярко-синими наливчиками. Огромные жёлтые плоды хозяин почему-то не снимал до глубокой осени, и уже по ноябрьскому морозцу мы с ребятами, идя из школы, сбивали их палками и жадно вонзались в студёную сочную мякоть, кривясь от зубной ломоты. Вкус, доложу я вам, был потрясающий даже со скидкой на мальчишескую неприхотливость.

Странное дело: пока дерево растёт в хозяйском дворе, оно развивается, исправно одаривает вкуснейшими плодами, не требуя особой о себе заботы; и стоит только лишить дерево забора, двора, хозяина, как оно стремительно начинает дичать и вырождаться. Так и на моей груше, сиротливо торчащей из асфальта, висят теперь мелкие, даже с виду невкусные плоды.

Здесь проходила грунтовая дорога, неширокая и корявая. Дорогу от дома — а наша девятиэтажка была тогда крайней в квартале — отделял шикарный яблоневоый сад. Посмотришь с балкона вниз: качается зелёное море. Сразу за дорогой начинался частный сектор — это уже океан с красными островами крыш летом и подвешенными на высоких прямых дымах печными трубами зимой.

С моего восьмого этажа дорога простреливалась насквозь — боеприпасами служили незрелые яблоки, которые мы с Володькой, неизменным дружком детства, метали в ковыляющие по ухабам автомобили. Иногда попадали. Простите, автомобилисты тех лет, неразумных пацанов! Не ведали, что творили...

Теперь дорога сожрала половину сада и, гордо выпятив гладкое асфальтовое брюхо, явно желает именоваться проспектом.

А вон и мой балкон, тесно спелёнатый теперь жёсткими рамами, лишённый ощущения свободного полёта. Впрочем, давно уже не мой. Дома стоят на месте, а человек бежит по жизни от дома к дому, никогда не зная, какой станет последним.

Особой вехой на моём пути — школа. К ней подхожу с некоторой опаской. Школа нахохливается, насторожённо поблёскивает окнами, отодвигается, оберегая свои теперешние тайны — я для неё уже чужой, один из миллионов бывших её учеников.

С удивлением обнаруживаю, что не помню расположения школьных помещений, и пусти меня сейчас внутрь, беспомощно заблужусь в многочисленных коридорах и переходах, потаюсь в просторных фойе.

Можно предположить, что за столько лет подвергся реконструкции и преподавательский состав. Ах, Татьяна Алексеевна, ваши уроки литературы не забудутся мной никогда! И никогда больше не встречал я учителей, так самозабвенно отдающихся преподаваемому предмету. Как вы завораживали класс! И что нам Татьяна Ларина — перед нами сгорала от любви к Онегину наша Татьяна!..

Где же вы теперь, Татьяна Алексеевна? Нашёл в телефонном справочнике Сидорову Т.А., но всё не решаюсь позвонить — может, другая. Да и помните ли вы угрюмого парнишку, умудрившегося в восьмом классе получить по литературе восемь двоек подряд? Вы вызывали его к доске, а он просто молчал, глядя в пол. Парнишка теперь взял, да и стал каким-никаким, а писателем. Он тогда был в вас влюблён, Татьяна Алексеевна. И, может быть, ещё позвонит и прочитает вам стихи.

Примечательно окно на втором этаже школы. Оттуда, из окна мальчишечьего туалета, будучи шестиклассниками, мы с Володькой совершили памятный прыжок в историю школы. Прыгали на снег, нисколько не заботясь, что может оказаться под ним. Какое это безрассудство, понимаю только теперь.

Прыгать готовились пятеро, успели — только двое. Славы прыжки принесли больше, чем ожидалось, поскольку летали мы, как оказалось, недалеко от окон директорского кабинета. Приземлившись первым, я благополучно проскочил обратно в школу. Но на перехват второго парашютиста уже неслись десятиклассники, направленные стремительной директорской рукой. Володька был схвачен, быть может, его даже пытали, потому как спустя полчаса приглашение «на ковёр» получила десантная группа в полном составе, включая тех, кто прыгнуть не успел.

Прецедентов случай не имел, и приказ о строгих выговорах, красовавшийся на школьной доске объявлений, только раздувал очаг нашей гордости.

Школьная спортплощадка — место постоянного обитания детворы прошлых лет. Вечерами с ранней весны и до поздней осени мы собирались на футбольном поле, сговариваясь, делились на команды и валтузили выдавший виды мяч до тех пор, пока его можно было различать в сгустившихся сумерках.

Играли самозабвенно: толкались, чем только можно, шлёпались в подкатах, протирая многострадальные штаны, лупили не только по мячу, но и по ногам соперников и партнёров. Обид, по большому счёту, не было — на волне азарта вспыхивали сумбурные потасовки и тут же гасли, не способные привести в отношения жестокость.

С наступлением морозов школьный физрук, хрипло покрикивая на старшеклассников, руководил установкой на футбольном поле хоккейной коробки и заливкой льда. Наступала пора зимних развлечений.

По выходным дням устраивались уже хоккейные баталии. А вечером в жёлтом свете мощного прожектора, тарашившего циклопий глаз с крыши школы, коробка превращалась в мирный каток: по кругу, строго против часовой стрелки, парочками катались девочки, в полном соответствии законам броуновского движения шныряли пацаны, у бортов барахтались малышня...

Ныне спортплощадка являет собой зрелище весьма унылое.

Времена, известно, меняются, но однажды они поменялись разом и кардинально. Можно находить сколько угодно причин теперешнего положения дел, и все они будут казаться объективными, но понятия «физкультура, спорт» и «дети» разведены, похоже, в разные стороны на расстояние едва ли теперь преодолимое.

Не видать детворы на спортплощадке. Хоккейную коробку перестали снимать на лето, и получился некий симбиоз хоккейного поля с футбольными воротами. Брошенный, не в силах бороться с незаметным, но неумолимым давлением времени, он, этот симбиоз, дошёл до состояния доисторического монстра: поведённые резкими зигзагами борта шерятся бесчисленными брешами и тяжело несут на себе яркие надписи содержания отнюдь не спортивного, футбольные ворота круто накренились, будто бы от сильного ветра.

И самое дивное: внутри хоккейно-футбольного уродца процветает и благоденствует высокая, по пояс, трава: лебеда, полынь и прочая, никем ныне не вытаптываемая.

Новый физрук, движимый одному ему понятными идеями, привёз на спортплощадку и вкопал в землю огромное количество автомобильных покрышек и даже самолично покрасил их в яркие — жёлтые, синие, красные — цвета. Что с ними делать дальше, физрук, видимо, забыл, а может, и он покинул малохлебные школьные коридоры в поисках лучшей доли. И растворился в сутолоке стремительно демократизирующегося общества.

Так или иначе, но теперь покрывающие служат подрастающему поколению по-своему: в летнем бархате вечеров здесь частенько собираются группки молодых людей обоего пола, облачённых в мешковатые одежды, бодро выпивающих, дымящих странно пахнущими папиросками, и отчаянно сквернословящих. Их, как и собачников, в сумерках подтягивающихся к спортплощадке со своими питомцами, обхожу стороной — не потому, что уж очень боюсь, а в силу инстинктивного желания избежать конфликта.

Иду дальше. Школа смотрит мне в спину красными закатными окнами. Улицы, переулки несут те же названия, что и прежде. Изменился, порой до неузнаваемости, их внешний облик: старые улицы сбросили лоскутные обноски обветшавших домишек и облачились согласно моде в строгие костюмы современных многоэтажек.

Заветных проходов и пролазов, служивших когда-то путями детства, уже нет, но заблудиться не рискую — ноги сами ведут в нужные места, к расставленным давным-давно вехам.

С пониманием невозвратности, неповторимости прожитого в сердце поселяется тёплая боль.

Жизнь — локомотив, на всех парах летящий в неизвестном направлении.

В начале пути неизвестность представляется радостной, полной ярких и неожиданных событий. И приключения не заставляют себя ждать: они проносятся за незамутнённым ещё окошком пёстрой увлекательной чередой.

Когда половина пути позади (ах, как быстро!), понимаешь, что ведёшь состав совсем не ты, стоп-крана нет и в помине, а следом за твоим поездом с такой же скоростью движется направленная Бог знает кем бригада шабашников, споро разбирающих ещё не остывшие рельсы. Они срочно нужны для прокладки другого пути — кто-то уже купил билет и с нетерпением ждёт отправления своего ярко разукрашенного поезда.

А твой локомотив несётся всё быстрее, и пейзаж за окном теперь чаще унылый, не запоминающийся.

Возврата в прошлое нет. Но есть память, и ты тащишь в своей дорожной сумке каждый прожитый день. В сущности, ты, нынешний, состоишь из прожитых лет, дней, часов. Ты — твоя память.

Наступит день, когда, в последний раз громыхнув вагонами, твой поезд ткнётся в тупик. Тебя не станет, не станет и твоей памяти. Останется память о тебе, которую недолго, как случайно прихваченный в спешке лишний багаж, будут вез-

ти поезда, спешащие по параллельным веткам к своим тупикам, расположенным дальше твоего...

Гуляя по территории детства, даю волю мыслям течь свободно, куда им вздумается. И они текут, светлые и грустные, как дни в начале сентября, текут, плавно огибая жёсткие углы окружающей действительности, взмывая над сегодняшней, такой беспросветной, суетой.

Перед глазами проходят отчётливые, выпуклые картинки давно минувших детских лет. Юность всплывает туманными, размытыми образами, пугающими своей неопределенностью. О недалеком вчерашнем дне задумываюсь, уже ступив на территорию взрослой жизни, которая лежит в соседнем квартале: перешёл дорогу — и ничто не напоминает о детстве.

Уходит из сердца щемящая боль, наваливаются заботы, сам собой ускоряется шаг, и я уже спешу выполнять поставленные задачи, решать возникающие проблемы. Жизнь.

г. Орёл

ПРЕДНОВОГОДЬЕ В ДЕРЕВНЕ

РАССКАЗ

Декабрь был тёплым и почти бесснежным. Огромное поле возле деревни, давным-давно заросшее травой, а в последнее время и мелким хвойным подлеском, выглядело ничуть не лучше, чем поздней осенью: редкий, скупой снежок таял, едва успев упасть на землю, и лишь к рассвету превращался в тонкую ледяную корку. И только ветер, не встречавший никаких препятствий, весело носился над этим удручающим пейзажем, то и дело меняя направление.

Тёмными беззвёздными ночами к деревне подходили звери, оставляя на скудной пороше отчётливые цепочки следов. Судя по всему, самыми бесстрашными, а может, самыми голодными были лисы и волки. А вот заячьих следов Егор не видел с прошлой зимы, не говоря уже о самих зайцах: погода всё настойчивее вмешивалась в привычную жизнь природы. Егор уже ничему не удивлялся, только всё чаще вспоминал былые суровые зимы, которые, несмотря на трудности, любил с детства.

Вот и сегодня, проворно спустившись с печки, он первым делом выглянул в окно в надежде увидеть пе-

ПРОЗА

ремены. Но прошедшая ночь, хотя и была особенно тёмной, ничего не изменила. Прищурившись, Егор присмотрелся к термометру и вздохнул:

— Боже милостивый! Не иначе как к концу света идём. Где это видано, чтоб декабрь с нуля никак сдвинуться не мог?

Поняв, что муж уже не спит, из дальней комнаты вышла Иринья.

— Проснулся? Вот и ладно. А чего с раннего утра ворчишь? Долог день покажется.

— Да где бы на то! — без настроения ответил жене Егор. — Давненько таких коротких да мрачных дней не бывало. Я уже и забыл, как солнце всходит да заходит. Поди, с осени не выглядывало? Целые дни напролёт свет жжём. А пенсия-то всё та же.

— Да ладно тебе, — ответила Иринья, наливая воду в умывальник. — Выглянет ещё, никуда не денется. Новый год проживём, а там и до Крещенья рукой подать. Может, такой мороз грянет, что ещё не рады будем. Мойся лучше да за стол садись.

После завтрака Егор стал собираться в лес. Третью неделю подряд он заготавливал дрова на опушке около ближнего клюквенного болота. Болото, считай, рядом, идти недалеко, поэтому собирался не спеша. Иринья даже показалось, что нехотя, поэтому она осторожно спросила:

— А может, передохнёшь денёк? Вижу, в лес-то тебе не шибко и охота.

— Охота, не охота, а чем-то надо заниматься. У тебя свои дела, бабьи, у меня тоже свои. Часок поработаю — и ладно. Да и Волчку радость, хоть белок да дятлов попугает.

Выйдя во двор, Егор отвязал собаку и поставил перед ней миску с едой. Волчок равнодушно посмотрел на неё и побежал к калитке. Там он остановился и, обернувшись, уставился на хозяина: мол, давай быстрее, страсть как в лес хочется!

— Подождёшь, — проворчал Егор. — Больно прыткий стал. Я в твои годы тоже задрал хвост бегал, а теперь не могу.

Терпение Волчка закончилось в тот миг, когда Егор, взявшись за верёвку санок, направился наконец к калитке. Легко оттолкнувшись от протаявшей травы, пёс перемахнул через тёмный намокший забор и помчался по скользкой дороге в лес. Уже через минуту оттуда донёсся его громкий, залиvistый лай.

— Кого-то уже спроворил, — подумал Егор. — На охоту бы его брать, да только какой из меня теперь охотник!

Волчок достался Егору по наследству. Вернее, по соседству: три года назад умер его сосед, дед Яков, давно живший

один. Из города на похороны приехали сын с невесткой да две сестры. Всё справили по уму, честь по чести. И стол богатый накрыли, и оградку на кладбище сразу поставили, и окна в доме на зиму заколотили. А вот пса и кошку брать с собой не захотели. Да ладно бы хотя бы для виду кому-нибудь предложили, так даже словом не обмолвились. Так втихаря рано поутру и уехали, оставив Волчка на привязи около будки.

— Вас бы так привязать да оставить на недельку-другую, — ругался тогда Егор, забирая пса к себе. — Совсем там в своих столицах души порастеряли.

Забрал Егор и кошку, но та через некоторое время куда-то пропала. То ли смерть хозяина не пережила, то ли звери утащили. А Волчку всё нипочём, радуется всем и всему. Таким и Яков был. Столько всего пережил-перетерпел, а не озлобился, каждый новый день с улыбкой встречал.

Егор медленно шёл по дороге, обходя припорошенные снегом лужи. Старые, но целые резиновые калоши не скользили, и всё же он ступал осторожно, постоянно оглядываясь: проверял, не свалилось ли что с больших деревянных санок, шуршавших гладкими полозьями. Но поклажа была привязана крепко, и Егор ускорил шаг и вскоре был уже на своей делянке. Для начала решил чуток передохнуть — сел на свой любимый пень и с интересом стал наблюдать, как Волчок по кругу носится среди деревьев, смешно выбрасывая толстые задние лапы.

— Вот ведь чертяка! Воистину волчок. Как в воду Яшка глядел, когда кличку щенку выбирал, — подумал Егор. — Да и лес любил больше всего на свете.

Егор тоже, сколько себя помнил, был не равнодушен к лесным просторам. Он знал в округе все болота, все речки и озёра, все лесные избушки и вырубки. Всякий раз, бывая в лесу, он невольно вспоминал историю пятилетней давности, доставившую столько волнений всей деревне. А дело было так. Егор собирал по полянкам рыжики, коих после щедрых июльских дождейросло столько, что убору не было. Он уже собирался домой, как услышал неподалёку визг пилы. Недолго думая, Егор пошёл на звук и остановился лишь тогда, когда увидел незнакомых людей. Один из них пилил большую сосну, а второй, резво намахивая топором, обрубал ветки у поваленных деревьев. Присев за кустом можжевельника, Егор насчитал полтора десятка свежих пней. Часть деревьев была уже распилена на чурки и сношена к большому грузовику, накрытому чёрным тентом.

— Мать вашу! Совсем, видно, никого не бояться, браконьеры проклятые! — прошептал Егор и дёрнулся было к непрошеным гостям, но вовремя одумался: такие просто от своего не отступятся. По башке топором стукнут — и поминай, как звали.

Так же тихо, как и подошёл, Егор унёс ноги от греха подальше, но не успокоился, пока не сходил на почту в соседнее село и не позвонил в лесхоз. А на следующее утро, когда и туман ещё рассеяться не успел, Егор проснулся от громкого стука в окно. Отдёрнув занавеску, он увидел деда Тихона, жившего через два дома. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять: что-то случилось. Егор отодвинул щеколду и распахнул дверь:

— Что стряслось, Тихон?

— Стряслось, Егорушка, ещё как стряслось! — затараторил тот, вертя в руках мятую кепку. — Побёг бы я к тебе в такую рань, кабы не стряслось! Вот и баба моя...

— Да хватит болтать-то! — оборвал Тихона Егор, застёгивая рубаху. — Говори по делу! Может, горит что, а ты тут едва мычишь.

— Да как я и так по делу, — снова затараторил Тихон. — Всю ночь собака моя лаяла, а утром выхожу из избы и вижу: поперёк дороги большая тряпка натянута, а на ней написано, что наша деревня теперича по-другому зваться будет, надо только позвонить.

— Это как? — удивился Егор. — Сто лет Сосновкой называли, а теперь, значит, по-другому назовут?

— Вот и я дивлюсь. Вот ведь напасть какая! А чем наше название худо? Но раз позвонить велют, значит, надо позвонить. Ты как считаешь, Егорушка?

— Да не понял я ничего, Тихон. Может, ты не так прочитал?

— Да всё я так прочитал, — обиделся Тихон. — Там даже новое название предлагают, только я его забыл, пока до тебя бежал. На «Х» начинается. И позвонить надо. Но только один раз, так написано.

— Так и написано — один раз? — с сомнением переспросил Егор.

— В точности так и написано, — подтвердил Тихон. — Не веришь — пойдём, сам всё увидишь.

— Погоди, хоть тужурку возьму, — согласился Егор и, сунув босые ноги в ботинки, стал спускаться с крыльца.

Белая тряпка, натянутая между двумя высокими кольями, была видна издали. Были видны и красные буквы по всей её длине. Подойдя поближе, Егор прочитал: «Ещё один зво-

нок в лесхоз — и ваша деревня превратится в Хатынь». В нижнем углу растяжки был нарисован петух с широко открытым клювом. Егор ещё раз перечитал угрозу и, строго взглянув на Тихона, произнёс:

— Дурак ты, Тихон.

— А чего я дурак-то? Разве не так написано? Ну, петуха впопыхах не разглядел, так не велика беда. Мне и наши-то петухи осточертели, горланят с трёх часов, как недорезанные. А этот хоть молчит, и на том спасибо.

Дождавшись начала рабочего дня, Егор сходил в сельсовет, рассказал, откуда у этого плаката ноги растут. Потом приехала полиция. Молоденький лейтенант погрузил растяжку вместе с кольями в пыльный «уазик» и пообещал:

— Не переживай, отец! Разберёмся — сразу сообщим.

Целый год Егор с нетерпением ждал ответа. За это время даже с сыном поссорился. Угораздило же и ему рассказать про то утро! Сын сначала долго смеялся, а потом сказал:

— Тихон, может, и дурак, но и ты, батя, недалеко ушёл. Те мужики откупятся и снова в лес поедут, а вот ты где жить будешь, когда они твой дом спалют?

— К тебе точно не поеду! — вспылил тогда Егор. — А молчать всё равно не стану. У меня тут жизнь прошла, каждый кустик дорог, каждая травина на учёте. А соснам этим и вовсе цены нет. Не всё на грешном нашем свете деньгами измеряется.

Теперь Егор уже ничего не ждал. Может, прав был сын — откупились, и концы в воду..

Посидев, Егор принялся всё-таки за работу. Нынешними летними грозами повалило немало высоких деревьев, да и сушняка на опушке было много. Только не ленись, и в тепле будешь круглый год. Достав принесённую с собой мерку, Егор аккуратно делил сухие стволы на чурки, время от времени снимая шапку и вытирая пот с покрасневшего лица. Волчок, не зная усталости, бегал по болотным кочкам неподалёку.

Через пару часов день, и без того сумрачный и унылый, стал темнеть. Сложив напиленные чурки в очередную кучу, Егор прикинул, сколько раз нужно будет прийти сюда с санками, чтобы вывезти дрова к дому. Получалось, что ещё на неделю работы хватит. Оставалось дожидаться настоящего снега: не тот возраст уже, чтобы тяжёлые санки по слякоти да по голой земле таскать.

— Волчок, домой! — крикнул Егор, и пёс тотчас вылетел из болота, радостно виляя хвостом.

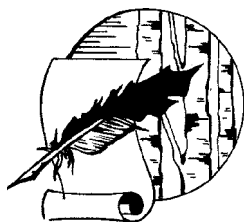
— Чудной ты, — потрепал Егор своего любимца. — В лес идём — рад, домой идём — тоже рад. Проголодался, поди? Я бы тоже сейчас чего-нибудь съел. Ничего, скоро хозяйка нас накормит.

Они шли по раскисшей дороге рядом. Время от времени Волчок заглядывал Егору в лицо, ожидая в ответ улыбки или ласкового слова. Но Егор уже чувствовал усталость, молча тянул санки и думал только о том, как после обеда ляжет на свой диванчик и будет отдыхать. До дома уже оставалась самая малость, как неожиданно повалил густой снег. Большие, мягкие хлопья медленно спускались с темнеющего неба, на глазах преображая всё вокруг. Егор заворожённо смотрел на это зрелище, словно видел его впервые. Уже во дворе, глядя, с какой жадностью Волчок набросился на не тронутую утром еду, Егор остановился и ещё несколько минут просто стоял среди этой белой круговерти, радуясь происходящему.

— Дождались, Волчок! Наконец-то! — он гладил пса и чувствовал биение собственного сердца. — Ну как можно всё это оставить? Нет, Волчок, мы ещё проживём!

Словно соглашаясь, пёс вильнул хвостом и, стряхнув с себя снег, уполз в будку, зарылся в сено. А снег всё усиливался...

д. Никифоровская Архангельской обл.

Александр ЛИСНЯК

ОТРАЖЁННЫЙ СВЕТ

ОСЕННИЙ МОТИВ

На секунду в молчанье замри —
Совершается вечная тайна:
Отлюбившее в лоно земли
Осыпается скопом и стайно.

С огородов остатки свезём,
Сядем вокруг на бревно, на полено.
И знакомо пахнёт чернозём
То ль грядущим ростком, то ли тленом.

Этим запахом с детства влеком,
Жизнь прошёл я от края до края.
Думал, небо манит молоком,
А манила земля сырая...

Тихо солнце зашло за плечом,
Незаметно грустинка подкралась.
Вот и время мечтать ни о чём,
То есть, думать о том, что осталось.

ПРО РОДИНУ

1
Смотрю на фото, где совсем я мал,
Как одуванчик, светел и воздушен.
Там родину я только принимал —
Огромную
В малюсенькую душу.

Она в меня вместилась целиком
С полями, с городами, с небосводом...
Я, с жизнью не совсем ещё знаком,
Уже бывал то властью, то народом.

И с той поры и в мыслях, и в крови
Она болит, бушует, потрясает...
То гибну в сладкой неге и любви.
То в нелюбви и горе воскресаю.

Такая доля Господом дана.
И знаю я, хоть срок мой скоро минет,
Не я умру —
Огромная страна
И плоть, и душу, наконец, покинет.

2

Мой пылкий нрав — наследственное горе.
До помраченья сердца и ума
Я часто доходил с друзьями в споре,
Чтоб воссияла истина сама.

За истину — последнюю рубашку!
Но в спорах стережёт всегда подвох:
Как ни крути — красивее ромашки,
По пустырям цветёт чертополох...

Насколько и правдивее, и проще
Срывать цветы, вдыхать их аромат.
Бродить среди них в лугах, садах и рощах,
Забыв на век, кто прав, кто виноват...

Знать истину опасно и заразно.
Как ярко бы колючка ни цвела,
В конце концов ирония сарказма
До зарубежной жизни довела.

И стар, и сед,
Совсем как мерин сивый,
Но истину познал я только тут:
Без исключенья все цветы красивы,
Когда они на родине цветут.

БЛАГОСЛОВЕННАЯ ЛОЖЬ

Пусть горькая, но правда.
Народная поговорка

Чтоб ложь не проходила мимо,
Господь, её благослови! —
Солгу тебе, что ты любима
И ты засветишься в любви,

Распустишься, как куст сирени,
Своей любви откроешь клад.
И вот у нас ни ссор, ни трений,
На зависть всем совет да лад.

И эти все не виноваты,
Что их, как ржа, гнетёт среда:
Куда ни кинь — одни утраты,
Куда ни глянь — кругом беда.

В эфирах негатива столько
Нам всем за здорово живёшь.
Достало время правды горькой!
Пусть будет сладкая, но ложь.

В суровый миг, в свой черный час ли,
Когда не выжить наяву,
Совру себе, что очень счастлив,
И впредь счастливо заживу,

Преобразившийся мгновенно,
Счастливей чем Пигмалион!
Так будь же ты благословенна
О, ложь, и мой тебе поклон.

ОТРАЖЁННЫЙ СВЕТ

Сколь велика и значима луна,
Когда готова спрятаться за лесом!
Как будто во вселенной лишь она
И тьме, и злу стоит противовесом,

Как будто свет исчезнет без неё.
И страх, и тени вот уже ложатся

На голый лес, на речку, на жнивье
И в памяти готовы отражаться.

Но в памяти всё явственнее след
Былой любви.
Ему в ночи мы рады...
Как в мире важен отражённый свет
Хотя бы даже маленькой лампы!

ВЕСЕННЯЯ ЗАВИСТЬ

Ничем не заполнить мне нишу
Родимого края в душе...
Друзья из Воронежа пишут —
Невестятся вишни уже.
И женщины вновь обнажились
Под солнечный ласковый луч.
И Дон разгулявшийся жилист,
И житель пернатый певуч.
А там, у вселенской развилки,
Где даль превращается в близь,
Печальные предков могилки
С вестями меня заждались.
Пути сюда исповедимы,
А я не подлец-дезертир.
Мне есть что поведать родимым
Про этот сегодняшний мир.
Что небо весною синее,
Что, их поминаньем храним,
Я с каждой весной всё сильнее
Завидую умершим им.

ПРО САПОГИ И РОДИНУ

Сносили мы кирзу не на параде,
Страну и жизнь не клали на весы:
Отец и дед, и прадед, и прапрадед,
И грешный я, и мой безгрешный сын.

Сто лет и двести — войн сплошные даты...
Как ни сложишь у нас житьё-бытьё,
Во-первых, — мы своей земли солдаты.
И во-вторых, — мы воины её.

И потому-то кажется мне странным,
Когда на род свой в глубину взгляну:
Служили мы, по сути, разным странам,
А защищали Родину одну.

Сто лет и двести — горе и напасти...
И внука ждут всё те же сапоги...
Да хрен бы с ними! —
Что же наши власти
Всегда для нас и Родины враги?!

ПРО МАРТ 69

Насколько — мы теперь не спросим —
В полку обидно было всем:
«Оперативный номер восемь»
Опередил наш «номер семь».

Мы не слюнили к письмам марки,
Хоть и жалели матерей,
Мы в этом злополучном марте
Стремилась все — туда, скорей...

Там на Даманском подлый ворог
Вбивает в землю братьев плоть...
И остров стал, как мать, нам дорог,
Все чувства смог перебороть.

Нет, мать она поймёт, наверно,
Как всё, — на то она и мать:
Хоть одного врага повергнуть —
И, хрен с ним, можно умирать!..

Предела нет просторам нашим,
Но мы страну не сорим:
Когда-нибудь его распашем,
Тот остров речки Уссури...

Быть добрым сложная наука,
Ещё сложнее не помнить зла.
Но всё ж: когда, какая сука
Врагу тот остров отдала?

ВАЛЬСЫ ПЯТИДЕСЯТЫХ

Бедна деревенская наша обитель,
Но каждый мужик здесь орёл:
Исполнив мечту,
К десяти мне родитель
Баян дорогой приобрёл.

И вальсовым ритмом простор подминая,
Баян всё вернее звучал:
То волны Амура,
То волны Дуная,
То сопки маньчжурских печаль...

И стало привычным:
«Сыграй-ка нам, Шура!»
И ведал сельчанам баян
Про кровь за Дунаем,
Про смерть за Амуром,
Про кости в траве-гаолян.

Сельчанин худой и сухой словно порох,
Народ в основном фронтовой,
На дальних дорогах познал сколь нам дорог
России простор роковой.

Уже и гитары, с баянами споря,
Нас к музыке новой влекли.
Но волны и слёзы бездонного горя
По вальсовым руслам текли.

И снова, и снова...
И пьяно, и рьяно
Сыграть обращались ко мне.
И хрупкие пальцы на кнопках баяна
Крепчали с душой наравне...

Сегодня грустна ты...
А ну-ка родная,
Баяну ль пылиться зазря?!
И волны Амура, и волны Дуная
Печаль пусть уносят в моря!

СЕНТЯБРЬСКОЕ НАСТРОЕНИЕ

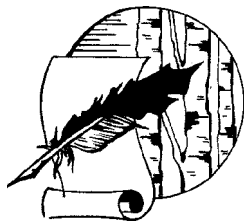
И вот ушли: ни друга нет, ни брата...
А мир всё тот же — словно из былин:
Кружётся листья в золоте заката,
Мелькнёт на зорьке журавлиный клин.

К утру все воды звездопад остудит.
И выйдет солнце из реки испить...
Как хорошо не знать, что завтра будет,
И в нетерпенье время торопить!

Поёт петух на городском балконе.
Сучит сентябрь серебряную нить...
Как хорошо, когда ещё не понял,
Что ничего не сможешь изменить!

Пустынней в доме, в улице и сквере,
Всё заполняет воронья галдёж...
Как хорошо знать точно, но не верить,
Что скоро сам ты насовсем уйдёшь.

г. Минск

Андрей ГРУНТОВСКИЙ

СРЕДЬ ПОЛЕЙ И ОБЛАКОВ

В ДОНБАССЕ

Трактора запашут ямы
И никто нас не найдёт.
Пионер под барабаны
С красным флагом не придёт.
Сердобольная старушка
«Святой Боже» не споёт
И солдат из медной кружки
Фронтовые не допьёт...
И не клином журавлиным,
Пролетающим окрест,
Ни калиной, ни рябиной
Не отметить этих мест...
Ляжем в общую могилу,
Чтоб метели замели...
Лишь забытые мобилы
Всё звенят из-под земли...
Позвенят ещё немного
Дней пять-шесть и замолчат —
И останется дорога,
Над дорогой — пыль и чад...

* * *

И душа умаялась, и ноги...
Обдувает свежим ветерком...
Пыль тепла. Иду я по дороге,
Словно в раннем детстве, босиком.

А она бежит по косогорам
Средь полей, цветов и облаков...
По ночам — под тихим звёздным хором,
А зимой — под пение снегов.
Осенью — под журавлиный клёкот,
Под былины дедов и отцов...
И по ней ушли уже далёко
Лермонтов, Есенин и Рубцов.
Пыль тепла. Иду я по дороге
Всё короче этот чудный путь...
Всё с одною мыслью о Боге:
Чтоб прошел за мною кто-нибудь...

* * *

Память мне душу источит,
Сердце насквозь иззнобит...
Жухлый, последний листочек —
Обыкновенный на вид.
Неотличимый среди прочих...
Сеточкой жил перевит...
Самый последний листочек
Что же он всё не летит?
Вот журавлиные стаи —
Скоро мороз опалит...
Снег упадёт и растает —
Сердце живое — болит.
Шторм ли грохочет над пирсом,
Звень ли лесная в тиши...
Как же он так зацепился
За уголочек души?

* * *

*Памяти Романа Заболотного,
Григория Цуркану и многих безвестных бойцов*

Песок лежит до горизонта
И не кончаются бои...
Освобожденье Дейр-эз-Зора —
Кто тут свои, кто не свои?
А я помедлю у голгофы,
Где свечи воткнуты в песок...

Повсюду профи, лезут профи,
И — дело тонкое! — восток.
Песок залит горячим воском
И догорают три свечи...
Разрыв — и я забрызган мозгом... —
Идут за нами палачи...
Нас прихватили здесь — на трассе,
Здесь Дубосеково вовек,
Как там — в Чечне, как там — в Донбассе,
Везде — где русский человек.
Поют «часы» в пустынном храме —
Проспал засаду наш дозор...
Я выжил там — в пустынной Хаме,
И снова пекло — Дейр-эз-Зор.
Обрывки мыслей носит ветер,
От взрывов плавится песок...
И кто там и за что ответит?
Да, дело тонкое — восток!
Мы их пехоту прикрывали,
Осталось десять человек...
И вот на этом перевале
Остановило время бег...
Патроны — ёк! И в рукопашной
Поднялись — так его едрить...
И этим «профи» стало страшно.
А дальше... — что там говорить...
Залита воском вся голгофа,
Сгорели свечи... Кто влачит
Свой крест, шагая по эпохам...
Идут за нами палачи...
Того, кто выжил в рукопашной,
Связали, били, повели...
А где-то над российской пашней
Проходят клином журавли.
За пашней полыхают рощи,
Багрец и золото неся...
Сейчас нас вытащат на площадь
И жизнь уже почти что вся.
За рощей храм в тумане тает...
Песок голгофы — Дейр-эз-зор...
И казнь на камеру снимает
Заокеанский дирижер.
Погасли свечи. Солнце село
Но за ночь не остыл песок...

Голгофа... Пекло... — Делай дело!
И дело тонкое — восток!
Еще мелькнут в потухших взорах
Чужое зарево костров
И журавли над Дейр-эз-Зором,
Вчера прошедшие Ростов...

ХОЛМ

Я помню этот холм. И я стою
Средь земляники, клевера, ромашек...
Они — по пояс. Мне лет пять иль шесть.
Я — маленький — стою перед великим
И вижу в пенье пчел, шмелей и птиц,
Весь этот холм, как храм, покрытый небом,
Где сотни колокольчиков звенят,
Где вознеслись шатры могучих елей
И где ветра на клиросах поют,
Сложившие еще до человека
Какую-то чудную литургию...
А в небе над шатрами — журавли —
Паломники, спешат в Святую землю,
Стихиры сочиняя по пути...
А по ночам приходит он в движенье —
Небесный купол. Чудные созвездья
Вращаются по кругу и поют
Другую песню. И приходит утро...
Я помню этот холм и этот храм,
Построенный до моего рожденья
И до грехопаденья моего...
Я помню всё, в цветах по пояс стоя,
В гуденье пчел, шмелей, в порханье птиц,
Средь земляники, клевера, ромашек —
Я помню этот холм. И я стою,
Склонив седую голову на травы,
Спустя полвека... Ну а он — всё тот же,
Как до меня и после, и — вовек...
И я прошу — и верю в всепрощение! —
Того, Кто у Истока. Я стою
Средь этих трав, цветов, опавших листьев,
Спешащих на работу муравьев...
В них растворяясь, созидаясь частью
Всеобщей литургии Бытия...

СЕНТЯБРЬ

Снова сентябрь, последний сентябрь,
Скоро потянутся птиц вереницы...
В прошлом — уж ладно... В грядущем хотя бы
Знать, что смогла б ты ко мне воротиться...
Низко летит — тевве-тевь! — веретенник...
Были с утра небеса молчаливы.
Вот коростель над болотами — тенью,
Горлица — тур-тур, а чибисы — чьи вы?
Чьи мы? — Не знаю. Ничей я, прощайте!
Дупель, бекас... перевозчики — пьюи!
Пить-пить! — хрустан прокричит на прощанье...
Лето уходит... из Леты всё пью я...
Это питьё не спасает от муки,
И неизменны отлётные сроки...
Снова зовут меня чудные звуки,
Снова несут меня чуткие строки!
Гуси — аныг-аныг, пастушки — ию-ию!
А в вышине журавлиные клинья
Вновь затевают свою литургию
И отступает немое унынье...
Что же! Пора — уж душа на отлёте...
Ей на крыло подыматься не внове...
Вы ж, воротившись, ещё пропоёте
Песню высокой бессрочной любви.

* * *

Только солнышко пригреет —
Зазвучит дремучий лес...
Из-под кочки, из-под древа
Брат меньшей всюю полез.
Ну-ка, дружно, за работу!
Эй, товарищ муравей!
Коммунизм даешь в субботу —
Мураву, как надо, вей!
И несут, несут иголки,
И никто не потерял —
Загатавливают ёлки
Им отличный матерьял.
Мы теряем, что имеем,
И ползем кто вверх, кто вниз...
Потому и не умеем —
Свой построить коммунизм.

г. Санкт-Петербург

Сергей БАРАНОВ,
кандидат социологических наук

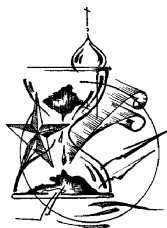
ДОКТРИНА «РУССКИЙ ДОНБАСС»

Доктрина «Русский Донбасс», обсуждённая и одобренная на специально посвящённом ей представительном форуме в Донецке 28—29 января 2021 года, является беспрецедентным по значению документом для России и Русского мира. Это политическая победа, скромная или более крупная, — размер пока я затрудняюсь оценить — но вполне реальная. Что позволяет говорить об этом?

Документ представлен главами ДНР и ЛНР Д. Пушилин и Л. Пасечником и согласован с Россией, то есть является актом государственного планирования и государственным манифестом. Подобных идеологических документов государственного уровня, столь явно подчёркивающих роль русского народа, мы не знаем ни в России, ни в других странах.

В Доктрине представлено определение Донбасса как русского национального государства в границах бывших Донецкой и Луганской областей Украины (с тезисом об установлении контроля над ними в будущем).

Доктрина содержит определение и историческую концепцию Новороссии, триединого русского народа, версию истории Донбасса

РУССКИЙ МИР

в контексте общерусской истории с первых славянских поселений до становления государственности ДНР и ЛНР в 2014—2017 годах как результата «национально-освободительной борьбы русского народа»; даётся подробная с фактами трактовка «Русской весны», утверждается русский язык и трудовая этика как основа ментальности; Донбасс видится как «опора православной цивилизации». Вводится и ряд других важнейших положений, характеризующих специфику региона и сильные стороны его народа как территориальной подгруппы русских.

Хотел бы особо обратить внимание на следующий стратегический тезис в разделе «Будущее Донбасса»: «Для будущего Донбасса важна судьба соседних регионов Новороссии, пока пребывающих под контролем Украины. Выход этих регионов из состава Украины с ликвидацией украинского государства в его современном виде, создание русского государства — правопреемника Украины значительно улучшили бы перспективы Донбасса». По сути, здесь изложена программа-минимум раздела и ликвидации нынешней антирусской Украины («с государственными образованиями на территории Украины» в последующем) с возвратом в состав России её русской части.

Доктрина не предполагает немедленного присоединения к России «обрубков» в угоду сиюминутной несбыточной пропаганде иллюзий, но обозначает шаги к полному воссоединению русского народа Донбасса.

Доктрина также не предполагает отказа от Минских соглашений, ведь они — доступная пока нам форма международно-правового признания де факто начавшегося в 2014 году раздела Украины по национальному признаку, её конфедерализации и правосубъектности ДНР и ЛНР. Конечно, они не выполняются и не будут выполнены Украиной, но на то — и Доктрина «Русский Донбасс». Что же, ждать и терпеть?

Доктрина — это прежде всего документ самоидентификации и поддержания личной духовной целостности, волевого ядра русских людей, в этом её роль. Это мировоззренческая оптика. «ДНР и ЛНР — прямой результат проявления политической и национальной воли народа Донбасса и воли русского народа в целом», говорится в разделе «ДНР и ЛНР как русские национальные государства».

Доктрина, выражающая акт воли, имеет огромное морально-психологическое значение для оккупированных Украиной территорий ДНР и ЛНР и регионов юго-востока Украины. Это глоток свежего воздуха для соотечественников, подвигающихся всестороннему этноциду, ежечасному языко-

вону, культурному и политическому прессингу и унижениям национального и человеческого достоинства на Украине в обстановке стремительного ухудшения условий жизни (стоимость коммунальных услуг выросла на 1000% и более (!) с 2014 года). К сожалению, таких «глотков» Россия даёт не очень много, заменяя их говорильней в телешоу за деньги и тракторкой отдельных жареных новостей, что, конечно же, нужно, но не может заменить идеологию.

Доктрина имеет тройное — внутриреспубликанское, внутророссийское и международное значение, явно показывая национальные интересы России и русского народа в этих направлениях политики. Третий, внешнеполитический момент, — не главный. Это наше внутринациональное дело.

Доктрина Русский Донбасс — это боевое идеологическое орудие «жесткой», а не «мягкой» силы» (на которую все так напрасно уповали в украинском направлении, по сути, добровольно сдав западу «такую страну»), укрепляющее личность русского человека в тяжёлых испытаниях, единство русских сил, политических и вооружённых, и разящее врагов в преддверии дальнейших военно-политических конфликтов вокруг русско-украинского вопроса, у которого, увы, после 2014 года, не осталось иного решения, кроме военно-политического. Много в ней говорится «по правде», прямым текстом без политкорректно-толерантных эвфемизмов, чуждых краю шахтёров, сталеваров и инженеров.

Для исполнения Доктрины предполагается принятие решений и расширение корпуса Доктрины за счёт приложений. В частности, доработка и издание текста более подробной истории Донбасса (но не слишком длинной, доступной для учеников и читателей версии), дезавуирующей украинские спекуляции вокруг истории Южной Руси и Новороссии, включающей новаторские взгляды на неё. Предстоит ещё много работы по её реализации. Впрочем, для русской Украины и Новороссии нужны свои доктрины и их информационное продвижение на их территории.

Скажу несколько слов о ситуации вокруг подготовки Доктрины как член первичной рабочей группы, составитель её структуры и первоначального варианта, а также участник заключительных пленарных, секционных и кулуарных обсуждений на Форуме, а также с представителями общественности и молодёжи ДНР российскими экспертами.

Окончательный вариант Доктрины создан Донецким национальным университетом, его рабочей группой во главе с С.В. Беспаловой, в которой он многократно переделывался и обсуждался. Больше половины первоначального текста

изменилось. Однако основные положения и структурные части в том или ином виде были сохранены. Текст получился взвешенным, лаконичным, внятным и готовым к подписанию.

Важен сам процесс подготовки и обсуждения проекта Доктрины, который курировал Донецкий национальный (!) университет под руководством ректора С.В. Беспаловой с участием деканов факультетов, ректоров и представителей других вузов ДНР и ЛНР и многочисленных блестящих учёных-специалистов по истории, культуре, языку, философии, социологии, общественности и политического актива республики, при широкой трансляции в СМИ.

Сыграло роль и привлечение к дискуссии (а отдельных, и к работе) российской патриотической общественности разных оттенков от православных монархистов и Изборского клуба до националистов и С. Кургиняна, что придало ему широкий внутривосточный характер. Доктрина — поистине результат согласованного соборного творчества широкого коллектива специалистов, коллективной воли, что бывает довольно редко.

Обсуждение Доктрины внутри ДНР до и во время Форума оказалось очень живым, неформальным и заинтересованным. Чувствуется острая потребность активной части народа и работников организаций республики в ясной, «разжёванной» информации по идеологии, истории, русскому национальному мировоззрению, идущим на смену лживому идейному хаосу украинской эпохи.

Конечно, нам изначально было понятно, что сам документ и его текст не могут не вызвать враждебного интереса и жёсткой критики у русофобов и противников национального мышления. У меня были предчувствия внутреннего противодействия. Но, к счастью, проект не «торпедировали» изнутри.

Выявились две категории оппонентов Доктрины «Русский Донбасс». Первая — естественно, украинская сторона. В частности, в лице министра иностранных дел Кулебы, члена Минской группы Арестовича, циничного могильщика СССР и УССР Кравчука, многочисленных политологов — украинских националистов.

Столкнувшись с сильным документом, они избрали обходную тактику его дезавуирования, объявив его нереальным, «фантастическим», «противоречащим Минску» и т.д. А что фантастического они находят в воссоединении ДНР и ЛНР с Россией? Когда-то и возвращение Крыма казалось фантастикой.

Ряд украинских аналитиков дежурно назвали документ «московским», спущенным «сверху». Но ведь его в завершающем варианте компоновали, переписывали и утверждали сами дончане, донецкие гуманитарии и политический слой; да и ранняя группа была совместной. Донецкая доктрина — дело самих дончан.

Вторая группа резких критиков — известные лица из нашего лагеря, когда-то активно участвовавшие в ДНР и Новороссии, но в силу разных обстоятельств оказавшиеся не у дел в республиках вне процесса разработки и громкого публичного обсуждения Доктрины. Хотя и в достаточно благополучном положении. Отношусь к ним лично уважительно и с пониманием. Однако истинные мотивы их жёсткой критики этого яркого знакового события я могу только предполагать.

Какие же аргументы они называют?

Во-первых, ситуация в Донбассе далека от радужной, и поэтому нужны конкретные дела, а не доктрины. Согласен с тем, что по Донбассу политические и экономические решения назрели. Но мне не понятно, как разработка доктрин противоречит реальным делам? Почему нужно бросать идеологическую работу, которая и так провалена? А ведь безыдейность — это шаг к предательству и поражению, как у «регионалов» Януковича.

Наоборот, сама Доктрина есть реальный политический шаг, который подталкивает к логически вытекающим действиям. Так что всё это — сторонние демагогические аргументы «на публику», несерьёзные для специалистов.

Во-вторых, критикуется излишний акцент на русской нации. Мол, Донбасс — многонациональный регион, и многие считают себя украинцами, а не русскими. Похожие мотивы я встретил пару раз и в ходе обсуждения в Донецке.

Что тут ответить? В Доктрине «Русский Донбасс» присутствует определение Донбасса как «полиэтнического региона», гарантирующее этническое многообразие — в соответствии с данным термином в новой редакции Конституции России.

К тому же ДНР и ЛНР — достаточно однородные по этническому составу регионы, в частности, по сравнению с некоторыми регионами России, состоящими из нескольких крупных общин, например, Татарстаном, Башкортостаном, Дагестаном, Бурятией, Крымом и другими. Или по сравнению с Киевом, где есть две разные группы: русские и украиноязычные украинцы. В Донбассе абсолютное большинство — русские малороссийского и великорусского происхождения, разница между которыми незаметна. Есть 5—7% украиноязы-

зычных малороссов. Также имеются ассимилированные диаспорные группы (например, греки), по сути, являющиеся русскими по языку и культуре. Согласен, что их следовало бы выделить.

Доктрина для того и создана, чтобы углубить русскую самоидентификацию и этнокультурное единство в образовании, культуре и идеологии, а не плестись в хвосте наследия украинизации. Мне, кажется, критики «отстали» от поезда русской истории и живут понятиями украинского и даже советского периода, которые предполагали ограничение всего русского в угоду химерам или гибридам.

У третьей группы явно деструктивных недоброжелателей доктрины «Русского Донбасса» насмешливую критику почему-то вызвал приезд на Форум известных журналистов Маргариты Симоньян, Тиграна Кеосаяна и Романа Бабаяна. Мол, армяне, продвигают Русский мир. Но кому лучше, чем армянам, перенесшим недавний карабахский конфликт, понятны проблемы русского национального возрождения Донбасса! Донбассу угрожает карабахский сценарий. Все трое имеют заслуги перед Русским миром, являются его яркими представителями, а телеканал, возглавляемый М. Симоньян, — один из лучших, и вообще один из немногих «смотрящих», человеческих каналов в России и в мире, имеющий чёткую позицию по продвижению русских национальных интересов и цивилизационной многополярности. А это реальное достижение, которое многого стоит.

Кстати, из широкого списка приглашённых на Форум известных представителей российского политического класса почему-то откликнулись только они (за исключением депутата Госдумы А. Козенко, и «аксакала русской политики» С. Бабурина, традиционно работающих по Донбассу). Некоторые, как К. Затулин, В. Соловьёв, С. Цеков, постоянно работающие в данной теме, ограничились видеообращениями. Ездить в Донбасс у российской политтусовки стало, увы, немодным и даже неудобным для карьеры (или для последующего посещения заграницы?).

Но, как бы то ни было, Доктрина состоялась, и Донбасс сделал ещё один шаг в Россию, а Россия — в русскую Украину.

Русская народная линия

МУЧЕНИКИ ЗА РОССИЮ

К 80-летию начала Великой Отечественной войны

Подвиг Зои Космодемьянской, казалось бы, настолько очевиден и признан всеми, что не требует дополнительных доказательств. Он подробно освещён, задокументирован, подтверждён рассказами свидетелей и фотографиями, сделанными самими преступниками, каздившими Зою. Написаны многочисленные книги, проведены подробные исследования и изыскания историков. И после всего этого парадоксальным кажется злобная интернетная волна неприятия, волна порочащих интерпретаций всего происшедшего тогда, какое-то гнусное желание унижить, оболгать, смешать с грязью образ мученицы, отдавшей свою жизнь в борьбе за Родину. У тех, кто это делает, есть только одна цель: представить Россию страной, обречённой на уничтожение, страной мелких трусливых недочеловеков, не способных на жертвенность. Ведь, как утверждал великий русский историк Лев Николаевич Гумилёв, автор теории этногенеза, выдвинувший постулат о высокой пассионарности нации, находящейся на своём наивысшем взлёте, именно

СИМВОЛ ВЕРЫ

готовность к жертве во имя отечества — это и есть признак максимального подъёма этой самой пассионарности. Когда количество таких пассионариев достигает некоторого определённого процента по отношению ко всему населению, тогда такая нация, такой народ становится непобедимым. Такого пассионария хоть огнём жги, хоть вешай, хоть расстреливай, он и на виселице скажет своим палачам: «Сколько нас ни вешайте, всех не перевешаете, нас 170 миллионов. Но за меня вам наши товарищи отомстят». Такие слова 29 ноября 1941 года сказала перед казнью, обращаясь к нацистам, скромная маленькая худая девушка, назвавшаяся Таней, а ей той осенью исполнилось лишь 18 лет..

У каждого подвига есть своя предыстория, и у этой девушки, почти ребёнка, тоже была своя предыстория и довольно сложная. Долгое время об этом молчали, как-то было не к лицу советской героине оказаться ещё и внучкой святого Русской Православной Церкви, одного из новомучеников российских — Петра Иоанновича Космодемьянского, бывшего священником в селе Осиновые Гаи Моршанского уезда Тамбовской губернии. Гай — это по-украински лес. Возможно, население села было отчасти украинским, а так как сам Пётр Иоаннович был уроженцем тех мест, то и в его роду, возможно, были предки из Украины. Во всяком случае — фамилия Космодемьянские типично священническая фамилия, такие фамилии в старой России, при введении паспортов, давали выходцам из духовного сословия по названию прихода, при котором они состояли. Святые врачи-безсеребренники Козьма (Косма) и Дамиан были очень популярны на Руси и Украине, храмов, им посвящённых, было множество, но сам Пётр Иоаннович служил при храме иконы Знамения Божией Матери, служил много лет, пользовался уважением прихожан. В житиях новомучеников российских он записан среди жертв, от «безбожных властей пострадавших», но на самом деле точно неизвестно, кто его казнил в августе тревожного и страшного 1918 года, когда по югу России расползлось пламя Гражданской войны. Самые подробные сведения о священнике Петре Космодемьянском и его многочисленных родственниках приведены в очерке Валентины Кученковой «Крестный путь сельского священника Петра Космодемьянского», опубликованном в журнале «Мир Божий» в 2001 году, есть он и интернете, но и там ничего определённого не говорится о причинах убийства священника и о тех, кто его убивал. Имеются расплывчатые сведения, что священника схватили некие люди, какие-то «молодые устроители новой жизни», как сказано в очерке, но кто они были такие — неизвес-

тно. Конечно, в селе действовал так называемый «комбед» (комитет бедноты), который в основном и занимался «устроительством», так сказать, новой жизни. Но в комбед входили люди местные, молодёжь, которая училась в церковно-приходской школе, где преподавал сам священник и предполагать, что ученики убили своего учителя — это нечто заурядное... Известно лишь, что священника схватили какие-то приехавшие люди за то, что он, якобы, укрывал в своей церкви «контрреволюционные элементы», и куда-то его увезли из села. После труп священника был найден в пруду и похоронен возле его храма. Кто были эти приехавшие люди и почему они повезли священника неизвестно куда — непонятно. Скорей всего это была полуанархическая банда, выдававшая себя за красногвардейцев, таких много тогда разъезжало по сёлам, творя грабежи и убийства. К официальной советской власти она никакого отношения не имела, недаром потом сын священника Анатолий Космодемьянский будет работать до 1929 года в местном органе власти, в том же комбеде. Получается — вместе с убийцами своего отца... Да и похоронен был убиенный батюшка тогда же, тут же, у своего храма, и могила его была почитаема прихожанами и сохранилась до наших дней. Местная власть, если бы по её приговору казнили священника, вряд ли позволила бы хоронить его посреди села на самом видном месте, у церкви, и смотреть на то, как жители вспоминают и почитают своего убиенного батюшку и проклинают убийц. Так же репрессии не коснулись и семьи иерея. Потому и не было в семье Космодемьянских предвзятого отношения к Советской власти, ибо они понимали, что не Советы убили их отца, и Зою, внучку священника, её родители воспитали в верности и преданности Советскому государству, без всяких червоточин за душой. Но так или иначе, а иерей Пётр Космодемьянский стал первой жертвой, первым мучеником новой страшной эпохи войн и террора из числа членов этой семьи.

У отца Петра остался сын Анатолий, родившейся в 1900 году, человек грамотный, учившийся в Тамбовской семинарии, но не окончивший её по обстоятельствам эпохи, а женился он на выпускнице местной гимназии в городе Кирсанове Любове Чуриковой, так что семья эта была грамотной, интеллигентной и многое могла дать своим детям. Однако в 1929 году это семейство сочло за лучшее всё-таки покинуть родное село. Это был год «великого перелома», начинался разгром зажиточного крестьянства — опоры старой народной жизни. Сотни тысяч «спецпереселенцев» насильно были сорваны с родных мест и отправлены в глухие места Сибири

и Казахстана, где многие умерли от голода и холода. Как проводились это раскулачивание и высылка трудового, по сути, крестьянства, — сказано даже у Шолохова в его «Поднятой целине», там всё описано довольно откровенно. А вот Космодемьянские как люди образованные и неглупые поняли всё заранее и сами отправились, от греха подальше, по собственной воле в Сибирь вместе с малолетними детьми — Зоей, родившейся 13 сентября 1923 года и её младшим братом Александром. Мать Зои Любовь Космодемьянская вспоминала впоследствии, что уехать их заставил донос одного из сельчан о том, что комбед, где работал Анатолий, якобы отбирает слишком много хлеба у крестьян в пользу себя, то есть обвинял отца Зои в уголовном преступлении, по тем временам очень серьёзном, но если бы это было так, то Анатолию вряд ли бы удалось избежать тюрьмы и уголовного преследования. Но никакого уголовного дела на отца Зои никогда не было, и впоследствии, после возвращения из Сибири, он обосновался с семьёй в Москве и был принят на работу в Тимирязевскую академию. Причём, в Москве ему и его семье была предоставлена квартира (на севере столицы в районе Коптево, правда, в старом деревянном доме), а дети его учились в столичной школе. Значит, и прописка в Москве им была разрешена — это говорит о многом.

Жизнь семьи Космодемьянских в Сибири, в посёлке Шиткино на реке Бирюсе, была недолгой. Сестра матери Зои, Ольга, работавшая в Москве, в Наркомате просвещения (что значит — грамотные интеллигентные люди с дореволюционным гимназическим образованием!), устроила им вызов в столицу, помогла с работой Анатолию, а Тимирязевская академия предоставила ему жильё.

Участь в престижной столичной школе, Зоя была сразу взята в оборот комсомольской работы (она вступила в ВЛКСМ в 1938 году) и, конечно, все политические кампании того времени, связанные с разоблачениями «врагов народа», нервной атмосферой предчувствия близкой войны прошли через неё. Как ничем не запятнанная комсомолка она была избрана комсоргом класса, а значит — уже была на учёте партийных органов. Но тут у неё случился нервный срыв — она слишком много требовала от своих однокашников, и её потом не переизбрали на этот пост, и вообще — школьная компания как-то отстранилась от неё, уж слишком она казалась «идейной». И Зоя устранилась от комсомольской работы, уйдя в чтение книг, в размышления и стала «чудной», сторонясь шумных и бездумных молодёжных компаний и посиделок. В ней стали подозревать «ненормальность», а после того,

как она заболела менингитом и лежала на излечении в Боткинской больнице, она вовсе изменилась, одна мысль настойчиво билась в ней — она должна перенести какие-то страшные испытания, превозмочь нечеловеческие мучения ради... ради спасения людей, возможно, Родины, и она готовила себя к этому.

Разумеется, и трудности в семье были тому причиной. Ещё в 1933 году умер от болезни её отец Анатолий, а для 10-летней девочки смерть отца — тяжелейшее горе. Но ей было о ком заботится, у неё был младший брат (моложе ее на два года) Александр, да и матери надо было помогать, надо было учиться, горевать было некогда. Зоя, без всякого сомнения, знала историю гибели своего деда и точно знала из уст матери, что его убили бандиты, а не Советская власть. И тут на это скорбное семейное предание наложилась история Татьяны Соломахи, тоже молодой девушки, большевички из Кубани, которую замучили и зарубили шашками белоказаки в 1918 году, тогда же, когда погиб и Зоин дед. Книгу писательницы Люси Аргутинской о мученице (мученице за Советскую власть) Тани Соломахи Зоя Космодемьянская прочла с большим интересом и не раз перечитывала. И не случайно потом немцам она назвалась этим именем. Вот где истоки её подвига — с одной стороны, мученичество её деда, с другой — её героини Тани.

Зоя Космодемьянская окончила школу летом 1941 года. Началась война, а ей было только 17 лет. 18 исполнилось в сентябре. С этого момента она могла пойти в армию, к примеру, могла стать санитаркой, военной радисткой, могла даже пойти в лётное училище, формировались женские авиационные полки «ночной авиации», много кем можно было быть на войне. Но в армию её сначала не брали по возрасту, потом — осенью 41-го враг подошёл уже к стенам Москвы, западные районы Московской области были уже оккупированы, и было решено в военных верхах, дабы замедлить наступление немцев, наносить им удары в их тылу. Партизанское движение ещё не развернулось в полную силу, и решено было создавать диверсионные группы и забрасывать их в ближайший немецкий тыл для подрыва коммуникаций противника, а с тех пор, как ударили ранние в том году морозы, и сжигать дома, где отогревались, предварительно выгнав из домов жителей, немецкие оккупанты. Верховным главнокомандующим Сталиным был издан соответствующий приказ. Сейчас этот приказ осуждается — страдали мирные жители. А почему не осуждается нашими либеральными доброхотами соответствующий приказ финского маршала Маннергейма — сжигать

все дома финнов в тех районах, которые оставались Красной Армии? В Финляндии самими финнами этот приказ также не осуждается — война есть война, надо нанести врагу насколько возможно больший урон. И немцы поголовно сжигали дома наших крестьян, при своём отступлении. Деревню Петрищево, где погибла Зоя, они не успели сжечь — так стремительно развивалось наше наступление в январе 1942 года. Да и наши диверсанты, возможно, даже смягчая строгий приказ, поджигали не все дома, а, в первую очередь, коновязи, где стояли немецкие лошади — надо было лишить немцев транспорта, и те дома, которые использовались врагом под узлы связи. Это было очень важно — готовилось наше наступление, назначенное на начало декабря, надо было дезорганизовать немецкую оборону через порчу связи в их войсках. Стоял уже морозный конец ноября страшной осени 1941-го года...

Положение действительно было аховое, раз на роль диверсантов набиралась совсем уж зелёная молодёжь 17—18 лет. Совершенно необстрелянные, не державшие до того в руках оружия мальчишки и девчонки. Три-четыре дня подготовки — и в тыл врага! В эти диверсионно-разведывательные отряды (так официально они именовались, и по воинской специальности Зоя стала разведчицей) набирались бойцы только на добровольной основе. То есть можно было отказаться от участия, никто бы ничего не сказал, ведь юным добровольцам было официально объявлено, что 95% из них погибнут — значит, почти все! И никто не отказывался. Нам сейчас трудно понять этих людей, а современные борзописцы всех их записывают в оголтелые «сталинисты»: дескать, «воспитанные в сталинской преисподней», они и не знали другой жизни... и т.д. А может, лучше предположить, что они не знали и не хотели знать другой Родины?

Зоя Космодемьянская посмертно была удостоена звания Героя Советского Союза, подвиг её был широко освещён и прославлен. Но вот задумаемся: прежде чем удостоивать кого-либо таким высочайшим званием, в то время обязательно (обязательно!) изучалась биография награждаемого и его родственные связи. И разумеется, Сталину было доложено, что дед Зои, будучи священником, замучен в годы Гражданской войны. Но это не остановило руководство страны в деле прославления подвига Зои и её личности...

Да, мы знаем о том, что она была комсомолкой, атеисткой и т.д. Но знаем ли мы, что было в её душе?.. А в её душе был образ её деда, православного мученика и образ революционерки с Кубани, замученной за большевизм. Так сочетание,

казалось бы, несочетаемого слились воедино в душе Зои и привели её к внутреннему решению — готовности жертвовать собой за Родину, православную и большевистскую одновременно! Вот что важно понять.

Итак, 20 ноября 1941 года диверсионная группа под командованием Проворова вышла на задание в Можайском районе Московской области. Готовилось наше наступление, надо было дезорганизовать немецкую связь и уничтожить немецких лошадей — в условиях зимы основной транспорт оккупантов. Группе не повезло, она попала в засаду у деревни Головково, и в том бою в плен немцами была захвачена Вера Волошина — девушка-спортсменка. Её подвиг стал предтечей подвига Зои Космодемьянской. Так же, как и Зою, её подвергли пыткам, потом повесили на дереве. Перед смертью она успела крикнуть своим палачам: «Вы пришли в нашу страну и найдёте здесь свою смерть! Москву вам не взять... Прощай, Родина! Смерть фашизму!» История Зои Космодемьянской затмила подвиг Веры Волошиной. Но Зоя в этом не виновата. В конце-концов уже после распада СССР Вера Волошина была так же удостоена звания Героя. Но только уже Российской Федерации... Так как Вера не выдала немцам своих товарищей, то оставшиеся бойцы группы смогли продолжить выполнять задание. Их осталось только трое — Борис Крайнов, Василий Клубков и Зоя Космодемьянская. Они смогли поджечь немецкую коновязь в селе Петрищево: сгорело 20 немецких тягловых лошадей — этого достаточно для транспортировки к линии фронта четырёх артиллерийских орудий. Каждое такое орудие могло уничтожить в бою целый взвод наших солдат при готовящемся наступлении. Подсчитайте, сколько жизней наших бойцов спасла Зоя Космодемьянская и её товарищи? Однако при этом сгорел и дом местной жительницы Смирновой. На войне не без потерь... По другим сведениям, группа ещё подожгла немецкий пункт связи. После чего партизаны отошли в лес, но группу преследовали немцы, и наши диверсанты разошлись в разных направлениях. Зоя осталась одна в тёмном лесу. До сих пор загадка — как она могла переночевать в заснеженном лесу при морозе 25 градусов? При том, что у неё не было даже валенок — только кожаные сапоги. Ноги её, конечно, были отморожены. И вот в таких условиях она не идёт искать лагерь оставшихся бойцов группы, а наших разведчиков научили ориентироваться в лесу, и Зоя могла спастись — её группа не погибла вся, оставались люди, вышедшие к своим, они помнили Зою, отчего её личность потом была быстро установлена. Но она не идёт к своим, а... возвращается в Петри-

шево, чтобы продолжать выполнять задание — жечь укрытия немецких солдат! Что это — неужели «безумие», как нас уверяют современные борзописцы? У Зои оставались ещё бутылки с зажигательной смесью, и она решила использовать их по назначению. Она пыталась поджечь еще один сарай с немецкими лошадьми, но была схвачена местным охранником, за что тот получил от оккупантов стопку шнапса... Характерно, что девушка не сопротивлялась, она, видимо, так замёрзла, что уже плохо владела собой.

Дальнейшее известно — её раздели, несколько часов били резиновыми палками, выводили голой на мороз, потом снова били... Она никого не выдала, даже своего имени, назвавшись Таней. Никого не выдала, в отличие от своего «товарища» Василия Клубкова, который струсил: будучи захвачен в плен, согласился сотрудничать с Абвером и выдал Зою оккупантам, всё рассказав о ней. Потом он будет разоблачён нашей контрразведкой, допрошен, во всём признается и расскажет о последних часах Зои. Его расстреляют...

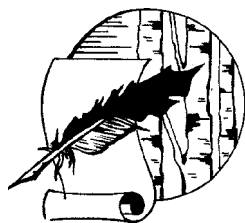
Зое устроили показательную казнь — вели босиком по снегу к виселице, что поставили посреди села. Согнали много народа. То, что эта казнь была именно показательной и даже пропагандистской акцией, подтверждает наличие немецкого фотографа, который тщательно фиксировал всё это мерзкое действо. На шею Зои была повешена табличка с надписью «Поджигательница домов». Даже саму казнь не торопились совершить, чтобы дать возможность фотографу тщательно всё запечатлеть. Но этой заминкой воспользовалась Зоя, чтобы, стоя на ящиках из-под немецких макарон, крикнуть людям: *«Граждане! Не стойте, не смотрите. Надо помогать Красной Армии! А за мою смерть наши товарищи отомстят немецким фашистам. Советский Союз непобедим и не будет побеждён!»* Потом — немецким солдатам: *«Пока не поздно, сдавайтесь в плен. Сколько нас ни вешайте, но всех не перевешаете, нас 170 миллионов!»*

Вот всё, что успела сказать Зоя, эти слова её твёрдо задокументированы в акте опознания, что свершился 4 февраля 1942 года в деревне Петрищево в присутствии высокой комиссии из центра по показаниям жителей села, бывших на казни. Всего-то и сказала... Да больше бы ей и не дали. Особенно после обращения к немецким солдатам, некоторые из которых ведь понимали русский язык... Такую пропаганду офицеры 332-го пехотного полка 197-й пехотной дивизии вермахта допустить никак не могли... Это уж потом наш журналист Пётр Лидов благонамеренно прибавил в своём очерке, что Зоя ещё успела крикнуть: «Сталин придёт!..» Но

публикация эта послужила справедливым возмездием палачам — Сталин приказал не брать в плен военнослужащих того полка, что казнил Зою. При попадании в плен, солдат и офицеров этого полка сразу отводили в сторону, в дальний окоп, где смершевцы спокойно и привычно пристреливали фашистских вояк. Кстати, у одного из них были найдены фотоснимки казни Зои на виселице.

Тело Зои висело посреди села почти месяц. Проходившие через село немецкие части устраивали позорные пляски возле трупа и отрезали девушке грудь. Настоящее сатанинское действо! И разве после этого Зоя не великомученица?

Остаётся сказать, что совсем юный брат Зои Александр пошёл воевать на фронт танкистом. К концу войны командовал самоходной артиллерийской установкой (САУ) на броне которой написал: «За Зою!» Он погиб в апреле 1945 года под Кёнигсбергом, совершив воинский подвиг. Зоя — в переводе с греческого — жизнь. Значит, «За жизнь!» было написано на его машине. За нашу жизнь, которую спасали наши герои, наши мученики, наша Зоя.

СТИХИ ПОЭТОВ ПРИДНЕСТРОВЬЯ

Когда пересекаешь линию разграничения между Молдовой и Приднестровьем, что-то неуловимо меняется в самом воздухе. Дело не только в том, что вокруг в основном говорят по-русски, и магазинные вывески составлены из родных букв. Здесь даже машины водят иначе, мягче. Если в Кишинёве чувствуешь себя гостем, и не для всех желанным (запомнилось, как карабинеры косились на георгиевскую ленточку на моём рюкзаке), то в Тирасполе охватывает чувство, что ты вернулся на Родину. Причём на тот её островок, где неисповедимым образом дышит дух великой державы. Не хочу бесконечно ностальгировать по ушедшему Советскому Союзу. Но в Бендерах, Тирасполе и других приднестровских городах и веся чувствуешь на лицах соотечественников какое-то сочетание спокойствия и достоинства, отчего начинает щемить где-то глубоко в душе.

В сентябре 2020 года Приднестровской Молдавской Республике исполнилось 30 лет. В 1990 году Съезд народных депутатов Приднестровья принял решение о выходе из состава Молдавской ССР, которая к тому времени уже взяла курс на отложение от Большой России. Об этом юбилее в российских СМИ вспомнили вскользь. А между тем, ведь именно здесь, на приднестровской земле, началось стихийное народное сопротивление навязываемым с Запада центробежным тенденциям на Русском Материке. За свою позицию пришлось платить, в том числе кровью. 2 ноября 1990 года от рук молдавских силовиков погибло трое безоружных защитников права Приднестровья оставаться с Русским миром. А 2 марта 1992 года началась война, уклончиво называемая в СМИ «приднестровским вооружённым конфликтом».

Не скрою, для меня эта война не чужая. И не только потому, что там отстаивали права русских оставаться русскими. Но и потому, что это была первая война, на которой добровольцами воевали не ветераны из поколений дедов и прадедов, а мои старшие товарищи, с которыми судьба свела в Литературном институте имени Горького в Москве, братья Фёдор и Павел Черепановы.

Эти люди укрепили меня в мысли, что возрождение великой православной Русской Державы не может в полной мере состо-

яться без возвращения безвольно отданных русских земель. Они были для меня живым примером того, что за слова и убеждения в какой-то момент надо обязательно ответить делом, а если понадобится — заплатить жизнью. И не в последнюю очередь по этой причине в 2014 году я не мог не оказаться на русской земле Донбасса.

С особым чувством подходил я к мемориалам героям Приднестровской войны 1992 года в Тирасполе и Бендерах. Густой чёрной скорбью ещё веет от могил погибших на той войне защитников Приднестровья. Много ещё должно пройти времени, чтобы растворилась эта скорбь, преобразенная вечностью в светлое сияние славы.

Приднестровская война закончилась больше четверти века назад, но до сих пор стоят на мосту через Днестр вооружённые миротворцы. Разговорившийся таксист может рассказать, как по обожжённым ресницам и синякам на руках он вычислил сбегавшую от возмездия прибалтийскую снайпершу и передал ополченцам.

И в душах тех, кто тогда были детьми и подростками жива эта война.

Вот уже три десятка лет Приднестровье живёт на полуосадном положении. Особенно это стало заметно после того, как резко обострились отношения между Россией и Украиной в 2014 году. Во время встречи со мной директор приднестровского завода «Электромаш» Владимир Трандасир рассказывал о том, как приходится через три-четыре границы доставлять свою продукцию в Россию, где находятся основные ее заказчики. Казалось бы, учитывая, что в России хватает конкурентов, шансов выжить у завода не было. Однако именно в экстремальных условиях проявилось русское умение мобилизоваться, в разы повысить эффективность производства. Благодаря этому завод сегодня равноправно сотрудничает с рядом ведущих российских компаний.

Приднестровские вина и коньяки экспортируются в десятки стран мира. Республика старается сохранить свою экономическую самодостаточность в сложнейших условиях. Но главное в том, что на этой земле обострённо чувствуется желание сохранить русский дух. И речь идет не об узком этническом понимании. Как раз наоборот, именно в приднестровских школах дети всех народов изучают не только русскую, но и молдавскую, и украинскую культуру. Приднестровье — единственное на земле место, где применяется изначальный молдавский алфавит на кириллице.

Но при этом именно здесь на высокой стене легендарной Бендерской крепости ликует в памяти суворовское: «Мы — русские, с нами Бог!» И не удивительно, ведь с этой узловой для русской истории землёй связаны имена Александра Суворова, Михаила Кутузова, Емельяна Пугачёва. Именно здесь нашёл свою смерть предатель Мазепа, здесь же служил русский офицер Иван Котляревский, написавший на малороссийском на-

речи известную поэму «Энеиду», которая спустя десятилетия после издания была объявлена «самостийниками» истоком современной украинской литературы. Но здесь же впервые героически проявило себя Черноморское казачье войско, собранное из верных России запорожцев и ставшее потом частью кубанского казачества.

Сегодня значение тех или иных земель для России за пределами официальных границ часто оценивают в основном с геополитической, узкопрактической точки зрения. Это, конечно, неверный подход. Земля, на которой веками жили и за которую умирали русские люди, не должна становиться разменной монетой для политиков и финансистов.

В Приднестровье, несмотря на упорное нежелание России хотя бы признать независимость ПМР (не говоря уже о включении в свой состав), курс остаётся неизменным — на объединение с Большой Родиной.

Не случайно президент ПМР Вадим Красносельский во время встречи со мной заявил: «Я хоть завтра готов провести новый референдум о вхождении в состав России. И уверен, что подавляющее большинство приднестровцев выскажется «за». Вот только нового референдума по этому поводу проводить я не буду, пока не получу гарантий, что его результаты станут сигналом для принятия решения в Москве».

Геополитическая ситуация складывается так, что принять такое решение становится всё сложнее. Но остаётся главное: Приднестровье, несмотря на десятилетия обманутых ожиданий, хочет быть с Россией.

Алексей ПОЛУБОТА

Леонид ЛИТВИНЕНКО

РЕКВИЕМ

Гремит в груди неистово гроза,
И мучает бессонница недаром.
Мне застигает прошлое глаза
Горячим дымом от больших пожаров.

Горит июнь. И в пламени огня
Спрессованы минуты и мгновенья
Того, войной оборванного дня,
Что пал на город мой зловещей тенью.

Измерить горе временем нельзя.
Ведь и сейчас я не могу поверить,
Что гибли в том горящем бэтээре
И Саша Дузь, и все его друзья.

И выплывают вновь из темноты
Пугающие заревом рассветы.
Стоят на шумных улицах кресты,
Как боль того расстрелянного лета.

И всё опять: и кровь из-под бинтов,
И взрывами расколотые ночи,
И крики раздирающихся ртов,
Когда терпеть, когда молчать нет мочи.

И до сих пор в нависшей тишине
Напоминают мне о хрупком мире
Пробитая картина на стене
И гильзы, что собрал в своей квартире.

...Вновь тихая прохлада у реки
Окутывает мягкие закаты,
И падают на землю лепестки,
Как падали защитники когда-то.

Печаль Бендер! Не отпускаешь ты!
Всё это в нас, под сердцем, где-то близко!
И люди круглый год кладут цветы
На улицах к подножью обелисков...

Елизавета КОВАЧ

* * *

*Посвящается 25-летию войны
за независимость Приднестровья*

Я сегодня проснулась в слезах...
Вой, смерть, боль...
Сгустки крови в моих волосах —
Девяносто второй...
Спит на мне, заменяя плед.
Как тут спать?
Слышен крик, слышен стон, слышен бред...
Двадцать пять
Лет прошло.
Всё глотают снег
Жженым ртом
Те, кого рядом с нами нет,
Мы живем...
Для чего? Чтоб растить детей

Для войны?
Чтоб в глазницах живых полей
Видеть сны?
Не удержит моя кровать
Эту грусть,
Как дышать? как забыть? как спать?
Я боюсь... той вины —
Я ведь вижу их наяву!
На горелых костях страны
Я... живу...

ПУТЬ

Вешняя непогодица...
Перистый гололед...
Знаю, что Богородица
Верит в меня и ждёт.

Лестница, словно «Лествица»...
Щиплет лицо мороз...
Старший — за руку держится,
Младший — мне дышит в нос.

Тихая, полусонная,
Просто совсем ничья...
Под колокольными звонами...
Господи — это я!

Принял уставший батюшка
Исповедь без затей.
Слёзы смахнула варежкой,
И обняла детей.

Валерий ОВЧАРУК

РОВЕСНИКУ ПОБЕДНЫХ ДНЕЙ

Мы знали меру в любопытстве к ним,
Отцам и матерям, в боях не павшим.
И не от них — из песен, хроник, книг,
Мы узнавали цену жизни нашей.

Мы видели колодцы близких глаз,
Сияющих рассветною капелью,
А руки, огрубевшие без ласк,
Нас чутко обнимали и теплели.

Их молодость нам подарила жизнь,
А новостройки — блага, мира счастье...
Советскими с тобой мы родились,
Советскими и нынче величаться.

Но иногда, ровесник мирных дней,
Ровесник мой, любовью их рождённый,
Мы всматривались пристальной в людей,
Скрывающих мучительные стоны.

И обострялась боль былой войны,
От ран, потерь она врывалась в будни.
И в День Победы, в праздники весны
Вскипала боль израненных их судеб.

Не из металла души их, нет, нет,
Но дух и вера были крепче стали.
И потому так трепетно конверт
От нас они из дальних далей ждали.

Десятки раз перечитав письмо,
Разглаживали тонкие листочки
И складывали в стопочки, в комод
Или ещё куда-то под замочки.

Романтики неведомых путей,
Мы мчались к новым звёздам и рассветам
И Родиной советскою своей
Одеты были всюду и согреты.

Всё меньше их, отцов и матерей,
В боях победу нашу отстоявших,
Их боль всегда живёт в душе моей,
Ровесник мой, за ту Отчизну нашу.

Всё громче гимн России, всё слышней
Слова и звуки Родины советской.
Где б ни был ты, ровесник славных дней,
Ты слышишь гимн, и радость бьётся в сердце.

НА КОПНЕ

На копне, как на диване,
С молдаванкой молдаванин
То целуются, то пьют,
То смеются то поют.
Звёзды плещутся в бурлуе,
Парень нежит чуткий флуер.
Сырба, Дойна, Пеленица...
Флуер звучный, будто птица,
К небу музыки полёт,
Звёзды яркие с высот
В аромат вина слетают,
Под луною Днестр сверкает,
А в разрывах тишины
Всплески волн его слышны.
Обрести такое счастье
Только любящий и властен.
Эту музыку любви
Учат слышать соловьи.
«Оф-оф-оф», — поёт девчонка,
Вторит песне флуер звонкий
Всем кто любит и любим
Соловей пропел свой гимн.

Акулина ТАММ

ПОМНИШЬ

Детям Донбасса посвящается

Белые ангелы тихо летели
Над изувеченной мёртвой землёй,
Тихо шептали — мне ли? тебе ли? —
Что нам пора возвращаться домой.

...Мина провыла пронзительно-тонко,
Небу навстречу рванулась земля...
...Мы пролетаем над чёрной воронкой.
Помнишь, тут жили — ты... или я?..

Танк повернул в нашу сторону башню,
Можно над ним без опаски проплыть...

Глупый! Ведь нам уже больше не страшно,
Нас уже больше не могут убить!

Вон у калитки распахнутой слива
Мокнет под серым нелетним дождём,
И под скамейкой лежит сиротливо —
Синее с красным — ведёрко моё...

Плавает в луже разорванный мячик...
И, в облаках невесомо паря,
Кто-то из ангелов тихо заплачет...
Кто-то заплачет — ты... или я...

Ольга МОЛЧАНОВА

ЕМУ ВОВЕКИ НЕ БЫВАТЬ СЕДЫМ!

Деду моему посвящаю...

Не выносила раненых из боя,
Не шла в разведку по глухим местам.
Но почему, седой солдат, с тобою
Иду к могилам, подхожу к крестам,
Несу цветы к усталым обелискам,
Роняю руки в скорбной тишине?!
На той войне я не была и близко,
Но отзвук грозовой живёт во мне.
Живёт во мне невыносимой болью,
Как будто я извела вполне
Фашистский гнёт, бомбёжку и неволю,
Была убита пулей на войне...
Нет, не лежала я в воронке скользкой,
Не падала убитой — дед упал.
Он на земле чужой, далёкой, польской
В цветах нерусских алых утопал.
В сырую землю скорбную положен, —
Безусым он положен, молодым!
На тридцать лет мой дед меня моложе,
Ему вовеки не бывать седым!

Павел СУШКО

МИУС-ФРОНТ

За рекою Миус — малый Сталинград,
За рекою Миус — вгрызлись в землю трое
Рано повзрослевших молодых ребят.
За рекою Миус шла разведка боем.
Не было другого выхода прорваться —
Фронт вокруг окопа, пулемет один.
За рекою Миус — был приказ держаться
Роте против армии. — «Что же, поглядим!
Высота ведь наша, веселей ребята!
Остановим танки, и пойдем вперед!»
За рекою Миус — в полный рост, как надо,
Встал в атаку с песней доблестный Морфлот.
В лентах бескозырок разгулялся ветер,
Рота не считала танковых атак.
Высоту отдали только на рассвете,
Там штабные знают, что пошло не так.
Фронт прорвали позже, через год примерно.
После Сорок пятого, в честь боев тех мест
Был поставлен памятник — якорь в восемь метров.
Говорят, что издали он похож на крест.

Алексей ЗАХАРЧУК

ПРОМЗОНА

Над дымящей вечерней промзоной,
там, где шелеста птичьего нет,
обостренным морозом пронзённый,
бездыханный колеблется свет.

Там, где в небо врываются трубы
и трубят неизвестно о ком,
кирпича огрубелые губы
исцелуют меня целиком.

Где пустуют развалины мрака,
где дыханье попало в тюрьму,
человеческим взглядом собака
проводить меня будет во тьму.

Диана ФЕДОРОВИЧ

ВИННАЯ ВИНА

Я вновь и снова виноват.
Мне нет прощенья. Есть прощанье.
Вгрызаюсь в кислый виноград,
Как Ева — в яблоко познания.
По венам медный сок течет,
Он как слова. А я как повесть.
И мёд из виноградин пьёт
Оса, похожая на совесть.
Запретный плод и чувств союз —
И ос кормить теперь уж нечем.
У меда нынче горький вкус.
Я пью вино с виной весь вечер.

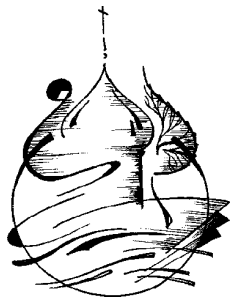
ГЕРОЙ МОЕГО ДЕТСТВА ГЕРМАН ТИТОВ

(Глава из книги воспоминаний «Дорога к дому»)

Долго, очень долго не утихали страсти по полёту Гагарина в космос. Несколько месяцев мы были под впечатлением этого грандиозного и славного события. Но вот!..

6 августа новое сообщение ТАСС потрясло нашу страну и весь мир. Второй советский космонавт Герман Титов вышел на орбиту Земли в космическом корабле «Восток-2». Снова восторженно загудели все газеты, радио и телевидение. Снова на улицах и площадях наших городов неслись в небо радостные крики «Ура! Победа! Слава!» Снова ликовал весь советский народ, приветствуя нового героя космоса.

Когда я впервые увидела портрет этого человека, то остолбенела и онемела от восторга. Герман Титов сразу и навсегда вошёл в мою судьбу как настоящий герой современности. Он был так необыкновенно и так загадочно красив! Конечно, как и все мои соотечественники, я любила и уважала Юрия Гагарина, но в Германе Титове было нечто особенное... Я не могла оторвать глаз от его портретов, бесконечно любясь ими, и просто влюбилась в этого

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

удивительного человека. Затмив собой всех героев мира, он стал для меня идеалом мужчины, абсолютным героем, сравниться с которым не мог никто. Что притянуло меня к нему? Что так властно удерживало моё внимание на его несравненной личности?

Конечно, это была духовная тяга или платоническая любовь. Герман Титов в сиянии всемирной славы был от меня так далёк, как далека Земля от Туманности Андромеды. Видимо, это душа, ища маяков в безбрежном море жизни, тянулась к душе, дух — к духу. Но осознать в то время всё это было невозможно. Может быть, двенадцатилетняя советская девочка, почти ничего не знавшая о чудесном космонавте, предугадывала (или предчувствовала, ведь «зорко одно лишь сердце») в нём уникальные, высшей пробы человеческие качества?..

Навсегда прикипев сердцем к образу Германа Титова, я расстраивалась по поводу того, что не он первым прорвался в космос. Мне казалось это не совсем справедливым. «Ну, почему, почему не Титов, а Гагарин?» — мучилась я надоедливым вопросом, не дававшим мне заснуть по ночам, мешавшим сосредотачиваться на уроках и выполнять домашние задания. Ответа на этот вопрос в ту пору не было. Я не знала тогда, что умные и прозорливые специалисты Центра подготовки космонавтов приберегли Титова для более сложных заданий, которые можно было выполнить лишь на корабле «Восток-2».

Да, Герман Титов был вторым, побывавшим в космосе. Но одновременно он был и первым! С символичным и точно соответствующим его личности позывным «Орёл» он первым летал над Землёй более суток (25 часов!), первым опробовал ручное управление кораблём, выполнял наблюдения и киносъёмку Земли через иллюминаторы, проводил сеансы радиосвязи, первым обедал, ужинал и спал в невесомости. Титова можно считать первым космическим жителем и первым космическим разведчиком. Ведь фотографии, сделанные из космоса, позволяют контролировать всё, что происходит на Земле. Гагарин в полёте был наблюдателем внутри корабля, так как весь полёт проходил в автоматическом режиме. Титов же, облетев вокруг Земного шара 17 раз (!), доказал возможность человека жить и работать в космосе.

Почему среди тысяч или миллионов людей мы выбираем себе одного-единственного кумира, который, словно светоч или яркая звезда, озаряет наш жизненный путь? Почему считаем героями именно тех, а не иных людей? Что привлекает нас в них, таких загадочных и неповторимых? Что тянет к ним и всякий раз, обращаясь к их неизъяснимому образу, даёт возможность расти духовно? Эта тайна открывается нам не сразу. Надо хорошо изучить и проанализировать особенности ха-

рактера, природы, качества души и духа притянувшего нас к себе человека, познать его родословную и причины тех или иных поступков. То есть гармонию необходимо поверить алгеброй. Что я и сделала лишь сейчас, работая над этой книгой.

Немало интересного узнала я о герое своего детства из многочисленных книг и статей, из воспоминаний людей, знавших Германа Титова лично, общавшихся с ним и наблюдавших его в жизни. Много почерпнула из фильмов, посвящённых нашему герою. Только так удалось приблизиться к разгадке этой тайны.

Невероятной молодой силой и здоровьем веяло от наших первых космонавтов. Во время полёта Ю. Гагарину было 27 лет, а Г.Титову — 25. Герман — самый молодой космонавт в истории освоения космоса. Позже станут выпускать на орбиту людей возрастом старше 40 и даже 50 лет.

Почему наш космонавт, родившийся под Барнаулом в глухой российской глубинке, носил такое красивое, но нерусское имя? В детстве я не знала ответа на этот вопрос. Теперь знаю. Степан Павлович Титов назвал сына в память о своём любимом учителе, создателе алтайской коммуны «Майское утро» Адриане Митрофановиче Топорове, сына которого звали Германом.

Вот что писал в своей книге «Два детства» отец космонавта: *«Перед домом остановились (с женой. — Л.Т.) на последний совет и выбрали: «Герман». Такое имя было в семье моего учителя, но теперь его давно уже нет. Пусть оно будет памятью о нём».*

Для Степана Титова Адриан Топоров был духовным отцом, а для его сына Германа — духовным дедом. В 1920-е годы в молодой советской республике Топоров начинал культурную революцию, посвятив себя обучению грамоте местных крестьян — детей и взрослых. По вечерам в деревенской школе он читал им произведения русской классики — Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Толстого, Чехова. А потом записывал впечатления слушателей в тетрадь. Из их высказываний родилась уникальная и бесценная книга «Крестьяне о писателях», о которой, увы, сегодня почти никто не знает. А между тем эта книга хранит в себе драгоценные сведения о думам и чаяниях русского народа.

Предки космонавта были крестьянами. В XVIII—XIX веках они основали на Алтае несколько деревень. Все в роду Титовых были искусными умельцами. Вот и Степан был мастером на все руки — хорошо владел топором и рубанком, построил несколько изб в селе, водил машину и трактор, глубоко любя природу, вырастил возле дома сад с выведенными им самим новыми сортами малины, яблони и вишни. А ещё он сочинял стихи, маслом и акварелью писал картины, за-

нимался лепкой, играл на нескольких музыкальных инструментах (скрипке, мандолине, баяне), солировал в сельском оркестре и даже дирижировал им, сочинял песни (некоторые из них звучали по всесоюзному радио). Организовал в своём селе самостоятельные кружки учителей и колхозников. Очень любил русскую классическую музыку. В доме Титовых жили патефон и пластинки с записями произведений Мусоргского, Бородина, Римского-Корсакова, Глинки, Чайковского.

Отец космонавта Степан Павлович много лет преподавал в сельской школе сразу несколько предметов — математику, русский язык и литературу, ботанику, черчение и рисование. За разносторонние знания и навыки его прозвали «сельским Леонардо». Он создал уникальную книгу «Два детства», где описал своё деревенское детство и детство сына Германа. Язык этой повести — сочный, яркий, выразительный! — пересыпан сибирскими диалектными словечками, шутками-прибаутками, легко сочиняемыми простыми деревенскими людьми. Устная фольклорная импровизация в прямой речи героев повести напоминает просторечие шолоховского деда Щукаря, говор бажовского дедушки Слышко, солёные шуточки шекспировского Шута из пьесы «Король Лир».

Кажется, что книгу эту писал большой и самобытный русский писатель. Весь мир, вся природа живёт в ней, поёт и дышит! Поэзией наполнена каждая фраза. Одухотворяется всё вокруг — «берёзки выбегают на бугорки», «осень расставляет свои факелы», «слёзы живут около слова», «паровоз большими глазами смотрит на буйную роспись неба», «улицы изнемогают от людей и машин», «земля с хрустом потягивается», «песня просится на демонстрацию», «кусты на коленях допивают остатки блекнувшей синевы», «метель играет», «куст пошёл куда-то на ночь», «тёмное небо застегнулось на все звёзды».

Это ли не поэтическое чудо?! Создаётся необыкновенный, ни с чем не сравнимый выразительный эффект, когда повседневная бытовая реальность сочетается (дружит) с волшебным миром природы. Мы оказываемся во внешнем мире (во вселенной, в космосе), и внешний мир оказывается в нас. Чувством светлой гармонии одаривает нас Степан Павлович Титов, отец космонавта номер два. Он воспринимает жизнь целостно. И это редкостное человеческое качество не может не вызывать у нас восторга и глубокого уважения.

Вспоминается феноменальная книга А.Н. Афананасьева «Поэтические воззрения славян на природу». Кажется, что С.П. Титов вышел из этой книги. У него даже избы дышат, живут, удивляются, передвигаются ближе к дороге, чтобы разглядеть мальчика, гордо идущего по улице в пионерском

галстук. Всё в повести «Два детства» видимо и осязаемо, перед глазами встают чёткие, красочные картины русского крестьянского быта начала XX века. Как далеко мы ушли от него и как основательно его забыли! Но Степан Титов дарит нам эту бесценную память о прошлом. Разве мог у такого человека быть иной сын, не похожий на Германа?

Мама космонавта Александра Михайловна была весёлой, жизнерадостной, артистичной женщиной. В детстве и юности играла в школьном оркестре, пела в хоре, любила ухаживать за домашними животными, много работала на огороде и в поле. Как и её муж Степан, была воспитанницей уникальной алтайской коммуны «Майское утро».

Отец космонавта привил сыну любовь к поэзии, когда Герман учился в начальной школе. В классе перед уроками мальчик наизусть и во весь голос читал стихи. Чаще Пушкина. Эту любовь он сохранит на всю свою жизнь. Станет читать «Евгения Онегина» не только на тренировках в сурдобарокамере, но и в кабине космического корабля. Герман мог декламировать стихи часами.

Гагарин был коммуникабельным, открытым человеком, умел говорить с любой аудиторией. Перед школьниками он был одним, перед рабочими — другим, перед учёными — третьим. Тактичный, сдержанный, спокойный, прекрасный исполнитель, он всегда говорил: «Как учили». Титов же порой горячился, спорил с начальством, доказывал своё, иногда был не сдержан и мог взорваться. Характер Германа был сложнее и противоречивее характера Юрия.

В первом отряде космонавтов Титов был самым физически сильным и выносливым. Его товарищи по отряду на тренировках порой теряли сознание (шутка ли — в барокамере давление как на высоте 10 км, а в термокамере температура +70 градусов!), а он выдерживал невероятные, почти нечеловеческие нагрузки. К космическому полёту Герман подготовился лучше, чем все остальные лётчики-испытатели.

Полёт на «Востоке» был очень рискованным, так как у этой боевой ракеты отсутствовала система аварийного спасения. Титов катапультировался из спускаемого аппарата на высоте 8000 м. Парашют мог разорваться или могли перехлестнуться стропы. К счастью, этого не произошло, но возле самой земли случилось другое — парашют несло на железную дорогу прямо под колёса проходящего поезда. Порывы ветра спасли космонавта. Он сумел приземлиться в поле в пятидесяти метрах от мчавшегося железнодорожного состава.

В августе 1961 года десятки тысяч москвичей приветствовали нашего героя на всём пути от аэропорта «Внуково» до Крас-

ной площади, где прошёл грандиозный митинг. Размах встречи Германа Титова превосходил встречу Юрия Гагарина. Всё это великолепное зрелище транслировалось по телевидению, и его увидели миллионы наших соотечественников. Затем прошёл праздничный приём в Кремле с вручением космонавту Звезды Героя.

После своего легендарного полёта Г.С. Титов десять лет служил в отряде космонавтов. Уверенный в себе, немногословный, чёткий, быстрый, сообразительный, живой, с прекрасным чувством юмора, никогда не лгавший и не лукавивший, иногда резкий или сурово прямолинейный, всегда стоявший за справедливость, порой он не уживался с сослуживцами и старшими по службе. Не терпел обмана и глупости, разгильдяйства и безответственности. Не боялся рисковать — часто летал на военных самолётах в сложных погодных условиях. Испытывая новые реактивные самолёты, не раз находился на грани гибели.

Он был настоящим мастером лётного дела, человеком неба, обладающим всеми качествами, необходимыми лётчику-асу — решительностью, быстрой реакцией, чёткой координацией движений, хладнокровием, сообразительностью, наблюдательностью, способностью анализировать ситуации. В полётах действовал смело, уверенно, спокойно. Сотни раз летал на поршневых и реактивных самолётах разных конструкций, сотни раз прыгал с парашютом.

Душевный, отзывчивый, открытый в общении с людьми Герман Степанович был скромен и прост. «Я чалдон, то есть коренной сибиряк. С Алтайских гор спустился!» — улыбаясь, сообщал он собеседникам. Влюблённый в небо и свою родную алтайскую землю, о которой всегда говорил как о самой прекрасной земле на свете, он стал известным всему миру. объездив десятки стран, выдержал испытание славой — не заболел звёздной болезнью. Перед славой Гагарина и Титова меркла слава всех знаменитостей мира. Герман Степанович был мужчиной красоты необыкновенной, во многих странах его принимали за актёра. Он в совершенстве владел своим телом — не имел равных на гимнастических снарядах и на игровых площадках. Человек с большой буквы или человек высшей пробы — целостный и совершенный.

Натура его и характер были феноменальными. Горячий, импульсивный увлекающийся, он всегда хотел двигаться, действовать, летать. В нём сочетались выдержка с нетерпением, основательность с безрассудством, серьёзность с мальчишеством. В лётном училище он ходил в самоволку, за что получал нешуточные взыскания. Будучи известным всему миру, позволял себе экстравагантные поступки — однажды,

находясь в Румынии, выпрыгнул из почётного автомобиля и, сев на обычный мотоцикл охранника, погнал по улицам Бухареста. Этот строгий, бескомпромиссный и малоразговорчивый воин бывал балагуром, любил то слушать, то рассказывать басни и анекдоты, упоённо играл в бильярд. В нём жила любовь к внутренней свободе. Иногда он был резок, мог нечаянно обидеть человека, а потом извиниться перед ним, бывал строптивым, нелегко подчинялся чужой воле, и не всегда хотел быть правильным — шёл наперекор приказам. Некоторым старшим по чину сослуживцам он казался трудноговорчивым и неуправляемым. Холодными рамками сурового воинского и инженерного дела была обрамлена его жаркая лирическая натура. При всепоглощающей любви к технике он боготворил поэзию — часто по просьбе друзей и по своему желанию читал наизусть поэмы и стихотворения Пушкина, Лермонтова, Маяковского, Есенина, Гамзатова. Его поэтическая душа, душа романтика, не могла жить без высокой поэзии. Он неплохо рисовал, с наслаждением слушал народные песни, хорошо пел сам. Особенно уважал творчество Пахмутовой и Добронравова.

В 1970—1980 годы Г.С. Титов занимался опытно-конструкторской и исследовательской работой в космических войсках. Был инженером высокой квалификации и отлично ориентировался в военной технике. Это сильно отличало его от обычных лётчиков и лётчиков-космонавтов, среди которых он выделялся высоким интеллектом. В первом отряде космонавтов у него было прозвище — интеллигент. Быстро схватывая суть проблем, он имел пытливый ум, всё схватывал на лету. Больше всего ему нравилось открывать неизвестное, решать то, что казалось нерешаемым. Он мог часами вести беседы по техническим вопросам, на равных разговаривая с учёными, разработчиками и испытателями, постоянно учился, совершенствовался, расширял свои знания и укреплял память.

Несколько лет с большим вдохновением и энтузиазмом Герман Степанович работал над проектом «Спираль». Это был прототип «Бурана», корабль многоразового использования, ракетоплан, соединяющий в себе самолёт и космический корабль. Полёты на «Спирали» и особенно посадка, производимая вручную, требовали от лётчика высшего искусства пилотажа. Со всей ответственностью и фантастическим стремлением летать он готовился вести эту машину в небо. Но в 1968 году погиб Гагарин, и Титову запретили лётную практику, оберегая его жизнь от катастроф. Его мечта осталась неосуществлённой.

До начала 1990-х годов он участвовал в основных советских космических проектах, внося огромный вклад в развитие Космических войск страны. Титов постоянно выезжал на космодромы, в воинские части, на аэродромы. Всегда энергичный, порывистый и неутомимый, компетентный, заряженный огромной энергией, которая передавалась окружающим людям, он отличался необыкновенным трудолюбием и целеустремленностью. Все вопросы решал быстро и позитивно. Успевал всё.

На высоких должностях Заместителя начальника Главного управления космических средств по опытно-конструкторским и научно-техническим работам, Председателя нескольких государственных комиссий по испытаниям ракетно-космических систем он оставался скромным, дружелюбным и человечным.

Г.С. Титов руководил тысячами людей. Планёрки проводил строго, металлическим голосом, обводя подчиненных стальным взглядом. Понимая сотрудников с полуслова и будучи хорошо воспитанным, он никогда не повышал на них голос. Сослуживцев поражала колоссальная работоспособность и невероятная память Титова. Они видели, что он разбирался в вопросах любой сложности, часто подсказывая путь решения технических проблем.

Он стал человеком-легендой, народным достоянием, символом советской эпохи. Это ему мы обязаны тем, что ежегодно 12 апреля празднуем День космонавтики.

Любимец планеты, властелин неба Г.С. Титов уволился из армии в 1991 году. «Перестройку» не понимал и не принимал. Он был идеалистом — верил в справедливость, в святое служение делу. Презируя временщиков, Титов не мог вписаться в новую капиталистическую реальность. С болью и тревогой думал о будущем нашей родины.

Когда ушла в небытие советская держава, которую он глубоко уважал и создавал собственными руками, и ей на смену пришла компрадорская буржуазная эрэфия, он остался верен советским идеалам, идеалам своего детства и юности. Развал Советского Союза переживал очень тяжело, считая его результатом предательства. Титов не стал прогибаться под новую власть, не захотел с ней сотрудничать. По службе он мог дорасти до маршальского жезла, но не принял его из рук ельцинской власти. Его гордый уход со службы, открытое несогласие с политикой т.н. «демократов» — ещё один духовный подвиг настоящего человека. Герман Степанович не мог поступить иначе. Невозможно его представить хамелеоном-перевёртышем, коими, увы, в 90-е годы стали многие наши соотечественники. Сильный, смелый и гордый орёл не мог упасть так низко.

В этой яркой и самобытной личности, от природы наделённой многими талантами, не было ни капли мещанства, приспособленчества, корысти, беспринципности. Никким образом Г. Титов не мог принадлежать к слою постсоветских нуворишей. С ним не могла произойти позорная метаморфоза, случившаяся с космонавтами А. Леоновым и В. Терешковой, поражёнными бацциллою мещанства. Он жил и трудился не ради своей исключительной персоны, не ради чинов и наград, не ради личного и семейного материального достатка и комфорта, а ради процветания Отечества, ради космической силы и земной славы своей Родины. В его светлой и высокой личности жил дух творца-созидателя, честнейшего перед своим народом и перед Богом.

В одном из своих последних интервью Титов горевал: *«Нас воспитывали законопослушными. Мы были слишком доверчивыми. После слома эпохи по привычной своей инерции доверяли власти. Антинародные указы издавались, а мы думали, что это в рамках закона и на пользу народа. Проглядели! Прошляпили. У наших людей отшибли историческую память. Сейчас повсюду царит дух торгашества».*

В конце 1990-х годов несколько лет Герой Советского Союза, генерал-полковник, доктор технических наук, один из создателей уникального ракетного комплекса «Зенит» Г.С. Титов работал депутатом Госдумы. В этот период все свои жизненные силы он направлял на спасение военно-космического комплекса страны, который интенсивно разрушала новая власть. В том, что сегодня в России этот комплекс существует (пусть в урезанном виде), огромная заслуга нашего космонавта.

Много лет он мечтал второй раз полететь в космос. Не сбылось. Но сбылись его замечательные книги: «Авиация и космос», «Голубая моя планета», «На звёздных и земных орбитах» и другие.

Сегодня, в годину колоссальных трудностей, переживаемых честными людьми планеты, остро и предостерегающе звучат слова Германа Степановича, оставленные нам как завещание: *«Все мы земляне — космонавты. У нас один корабль — Земля. Её надо беречь, и много нам не дано».* Потому что *«Земля наша словно песчинка в океане. Мы должны её любить и беречь от войн и разрушений».*

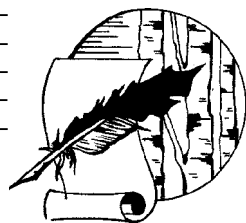
В городе Краснознамёнке (Подмосковье) в сквере стоит памятник первопроходцу, человеку неба, великому сыну России Герману Степановичу Титову. Молодые парни и девушки назначают возле памятника свидания.

г. Тверь

ПОКОЛЕНИЕ, КРЕСТИВШЕЕСЯ ОГНЁМ

Осмыслить трагедию судьбы человека, исторического периода, в который он жил, невозможно, не заглянув в дымящуюся бездну минувшего. Но всмотреться в неё надо так, чтобы не озлобиться, духовно не повредиться, а наоборот — укрепиться. Тогда осмысление этой трагедии поможет нам жить дальше.

О поэте Николае Майорове рассказывать горько. Жизнь его была всего 22 года. Как вспышка зарницы. Нет уже и той деревни, где он родился 20 мая 1919 г. в Сызранском уезде Симбирской губернии, в семье рабочих. А вообще семья Николая Петровича Майорова — Владимирские. В голодный 1918-й пришлось помываться на заработках в Симбирской губернии, а в 1919-м вернулись в родное Павликово Гусевского уезда Владимирской области. Потом дальше — в поисках лучшей доли — переехали в Иваново, где и прошли отрочество и ранняя юность Николая. Как бы не было тяжело в молодой советской республике, а семью из пяти сыновей эти русские крестьяне подняли. Просто представьте, как русский мужик ходит по деревьям, ставит избы, плотнича-

ет. И жена всюду с ним — рождает детей. Получится ли у современных молодых людей сегодня так любить жизнь? Не знаю. Четверо сыновей Майоровых уйдут на фронт, двое погибнут...

В ивановской школе №26, где учился Коля Майоров, спешу заметить, при *ненавистном* режиме было литобъединение и драмкружок, и учительница литературы, которая приметила талант мальчишки. Будет это всё в современной электронной школе?..

В 1937 г. сын плотника Коля Майоров поступил в МГУ на исторический факультет, а с 1939-го одновременно учился в Литературном институте им. А.М. Горького. Занимался в литературном семинаре Павла Антокольского. Какое у парня могло быть будущее!

Из автобиографии, написанной 4 сентября 1938 года при поступлении в Литературный институт: «Подаяю заявление о принятии в Ваш институт, ибо хочу одновременно с историческим образованием получить литературное. Всё более и более убеждаюсь, что хороший историк должен быть и литератором и — наоборот. Кроме того, очень люблю литературу и, несмотря на трудность работы в двух институтах, очень желал бы являться студентом Вашего института. Вот уже несколько лет я пишу стихи, имею несколько прозаических опытов. Стихи печатал в университетской многотиражке. В «Вечерней Москве» была помещена моя статья о профессоре нашего университета Т.Н. Грановском...»

Первые поэтические публикации Николая Майорова действительно вышли в газете «Московский университет». К сожалению, две поэмы, написанные им в 1939 и 1940 гг., не сохранились, как и чемодан рукописей, кому-то оставленный Николаем на хранение перед уходом на фронт.

Стихи Николая Майорова ещё 1937—1940 годов проникнуты пронзительным предчувствием скорой гибели:

*Когда умру, ты отошли
Письмо моей последней тётке,
Зипун нестираный, обмотки
И горсть той северной земли,
В которой я усну навеки...*

Это 1937 год. Ни о какой войне ещё не слышно. Но это же — про Ржевско-Вяземский котёл, про битву за Москву, про смоленские бои, в которых Николай погибнет в 42-м!..

*Мы все уставы знаем наизусть.
Что гибель нам? Мы даже смерти выше.
В могилах мы построились в отряд
И ждём приказа нового...*

1940 г.

А страна пока живёт комсомольскими стройками, переустройством мира, переделом земли.

<...>

*Мы жгли костры и всячь пускали реки.
Нам не хватало неба и воды.
Упрямой жизни в каждом человеке
Железом обозначены следы —
Так в нас запали прошлого приметы.
А как любили мы — спросите жён!
Пройдут века, и вам солгут портреты,
Где нашей жизни ход изображён.*

<...>

*Мир, как окно, для воздуха распахнут
Он нами пройден, пройден до конца,
И хорошо, что руки наши пахнут
Угрюмой песней верного свинца.*

*И как бы ни давили память годы,
Нас не забудут потому вовек,
Что, всей планете делая погоду,
Мы в плоть одели слово «Человек»!*

В этом стихотворении, озаглавленном «Мы» — всё напряжение, с которым жила страна в 1930-е гг. Это портрет поколения, с его верою в человека, с радостью созидательного труда.

Но есть в ряду таких маршевых стихотворений Николая Майорова одно, от которого мороз по коже. Оно так же — отражение эпохи.

*Тогда была весна. И рядом
С помойной ямой на дворе,
В простом строю равняясь на дом,
Мальчишки строились в каре
И бились честно. Полагалось
Бить в спину, в грудь, ещё — в бока.
Но на лицо не подымалась
Сухая детская рука.*

*А за рекою было поле.
Там, сбившись в кучу у траншей,
Солдаты били и кололи
Таких же, как они, людей.
И мы росли, не понимая,
Зачем туда сошлись полки:
Неужли взрослые играют,
Как мы, сходясь на кулаки?
Война прошла. Но нам осталась
Простая истина в удел,
Что у детей имелась жалость,
Которой взрослый не имел.*

*А ныне вновь война и порох
Вошли в большие города,
И стала нужной кровь, которой
Мы так боялись в те года.*

1940 г.

Это про то же самое время, но про коллективизацию и раскулачивание. Города строились именно так, как пишет Майоров, и деревня уничтожалась именно так, как он это видит своими глазами. Такое это было время: очень разное. И пока мы не разберёмся в нём, так и будем ходить по кругу, в чертог теней возвращаясь.

Трагедия — это когда у героя есть комплекс трагической вины. И здесь — у юноши, который славит жизнь и труд, — возникает вопрос: для чего солдаты бьют и колют таких же, как они, людей... И свой век до дна смогли разглядеть не все.

Летом 1941 года Николай Майоров вместе с другими московскими студентами рыл противотанковые рвы под Ельней. Просился добровольцем на фронт. В октябре его просьба о зачислении в Красную армию была удовлетворена.

«В январе сорок второго 1106-й стрелковый полк, в котором служил вчерашний студент Коля Майоров, удерживал деревню Баранцево на Смоленщине, — пишет литератор Дмитрий Шеваров. — Всё, что могло в деревне гореть, сгорело. Рыть окопы в сорокаградусные морозы и под шквальным огнём невозможно, укрыться ребятам было негде. Они лежали в сугробах с допотопными винтовками, отстреливались, как могли».

Поэтому у Майорова и нет стихов о самих боях, о ходе наступлений, как у Павла Шубина, как у К. Симонова и А. Твардовского. Он даже не успел осознать весь ужас, который им пришлось пережить на фронте в первые месяцы вой-

ны. Но нет у него и едких, злобных строк, как у Виктора Астафьева. А ведь всё то же самое — ребята брошены умирать.

Рядовой Николай Петрович Майоров, помощник политрука пулемётной роты 1106-го стрелкового полка 331-й Брянской Пролетарской стрелковой дивизии погиб 8 февраля 1942-го у деревни Баранцево Кармановского района Смоленской области.

Мои деды и бабушки, пережившие подростками эти бои на Смоленщине, 17 месяцев оккупации, часто рассказывали, как хоронили погибших наших солдат, прямо в деревне, где могли вырыть хоть полметра земли, пока не заметили немцы. Так и Колю Майорова кто-то, как мог, похоронил. Уже после войны его останки захоронят в братской могиле в селе Карманово Гагаринского района Смоленской области.

Их поколению внушали, что история страны началась с октября 1917-го. Тем, кто выжил в 1942-м, пришлось пройти огонь, воду и медные трубы, чтобы понять, что так можно защищать только тысячулетнюю Святую Русь, а не Третий интернационал. Поэтому такие жертвы и потери — до Сталинграда, до того момента, когда судьбу страны взяли в руки не революционеры Мехлис и Ворошилов, а люди, мыслящие государством, воюющие «за матушку Россию, а не за большевиков», как откровенно признался Сталин в разговоре с Черчиллем.

Гибель Николая Майорова во время первого наступления советских войск — это необходимый тяжёлый шаг к первым победам во всей этой страшной войне. Этот парень добровольно пошёл на фронт и по-христиански отдал жизнь за други своя.

Однако вернёмся к его бессмертным стихам.

*Когда подумать бы могли вы,
Что, выйдя к лесу за столбы,
В траву и пни ударит ливень,
А через час пойдут грибы?*

<...>

*Размыты камни. Словно бивни,
Торчат они, их мучит зуд;
А по земле, размытой ливнем,
Жуки глазастые ползут.
А детвора в косоворотках
Бежит по лужам звонким, где,
Кружась, плывёт в бумажных лодках
Пристрастие детское к воде.*

*Горит земля, и пахнет чаща
Дымящим пухом голубей,
И в окна входит мир, кипящий
Зелёным зельем тополей.
Вот так и хочется забыться,
Оставить книги, выйти в день
И, заложив углом страницу,
Пройтись босому по воде.
А после — дома, за столом,
Сверкая золотом оправы
Очков, рассказывать о том,
Как ливни ходят напролом,
Не разбирая, где канавы.*

Как созвучны эти строки стихам Бориса Корнилова, Павла Васильева! Эти поэты чуть старше Майорова. И они успели разобратся, что за трагедия произошла с нами в XX веке. Впрочем, поэт остаётся поэтом при любом политическом строе, на каком угодно отрезке истории, в любых бытовых обстоятельствах.

Вот, пожалуй, самое известное стихотворение Николая Майорова:

*Идти сквозь вьюгу напролом.
Ползти ползком. Бежать вслепую.
Идти и падать. Бить челом.
И всё ж любить её — такую!
Забывать про дом и сон,
Про то, что
Твоим обидам нет числа,
Что мимо утренняя почта
Чужое счастье пронесла.
<...>
Не спать ночей, гнать тишину из комнат,
Сдвигать столы, последний взять редут,
И женщин тех, которые не помнят,
Обратно звать и знать, что не придут.
Не спать ночей, не досчитаться писем,
Не чтить посулов, доводов, похвал
И видеть те неснившиеся выси,
Которых прежде глаз не достигал, —
Найти вещей извечные основы,
Вдруг вспомнить жизнь. В лицо узнать её.
Прийти к тебе и, не сказав ни слова,
Уйти, забыть и возвратиться снова.
Моя любовь — могущество моё!*

1939 г.

Один из немногих, кто уже в 1960-е гг. смог осмыслить судьбу и творчество Николая Майорова, — ныне живущий русский поэт Валентин Сорокин. Он прояснил для нас, поколения XXI века, судьбы удивительных русских поэтов Павла Васильева, Бориса Корнилова, но прежде — Сергея Есенина, загубленных палачами, которых немало было в тогдашней власти 1920—1930-х годов. Не для того ли эти палачи расчищали пространство от русской национальной культуры, чтобы освободить место «шестидесятникам», обласканным властью и работающим на злобу дня. Потому и столько сдержанной горечи в стихотворении Валентина Сорокина «Время» — памяти Николая Майорова:

*Есть припевы, ну а есть припевочки —
Грохот века им не по плечу...
Надоели мальчишки и девочки,
Взрослости и мужества хочу!
За тоской,
За выпивкой,
За спорами,
За тягучим фарсом бытовым
Задолжал я здорово Майорову
И его погодкам фронтовым,
Тем, которых мы за пятилетками
Обласкать, как надо, не смогли,
Тем, которых именуют предками
Хилые подкидыши земли.
А ведь им от ран сегодня маяться,
Защитившим
Родину свою...
Это мной впервые понимается,
Это я навеки признаю!*

1965 г.

Не хочет уходить в забвение этот пламенный юноша с открытым русским лицом, волевым взглядом, любивший жизнь, защитивший мир на земле. Поколение, крестившееся огнём.

200-летнее ЗАКРЕПОЩЕНИЕ НАРОДА

(К 160-летию отмены крепостного права)

Считается, что закрепостил крестьян Борис Годунов (глава правительства при Фёдоре Иоанновиче), отменив в 1592 году их право раз в году, в Юрьев день, свободно переходить от одного землевладельца к другому или вообще свободно переселяться в другое место (отсюда старинная поговорка: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день»). Но это крепостное право, во-первых, мало отличалось от того, что было тогда в Европе, во-вторых, оно толком не успело вступить в силу, как началась Великая смута, и ещё в 1620-е гг. крестьяне могли свободно уходить от помещика, что подтверждено старинными документами. Наконец, сам указ так и не был найден.

Полное же законодательно оформленное закрепощение, т.е. превращение крестьян в собственность вотчинника произошло при царе Алексее Михайловиче в 1649 году. По Соборному Уложению (своду законов) сыск беглых крестьян стал бессрочным (при Михаиле Фёдоровиче был не более 5 лет), хозяин получил право разлучать родителей и детей, т.е. обращаться с крестьянином как с вещью. Крепостным стал и крестьянин, не имевший долгов и ранее считавшийся свободным. Од-

ним ответом на этот закон стало невероятно быстрое освоение Зауралья, Заволжья и Сибири, куда переселились беглые крестьяне и куда крепостное право так и не дошло. Другой ответ — крестьянская война в 1670—1671 гг. под руководством Степана Разина, хотя внешним толчком к ней стал церковный раскол, инспирированный патриархом Никоном, и восстание шло под знаменем возврата к старой вере. И песни в народе слагали не о «тишайшем» царе Алексее, а о разбойнике Стеньке.

Нельзя, впрочем, забывать, что землю с населявшими её крестьянами государство давало дворянам и «детям боярским» не в собственность, а в пользование — в обмен на обязанность служить государству (преимущественно, в армии), потому и сословие это называли «служилым». Согласно тому же Уложению, поместье могло передаваться по наследству только при условии, если наследник оставался служилым человеком. Хорошо это или плохо, сказать трудно — у государства, окружённого врагами (Польшей, Крымским ханством, Турцией и Швецией), иных средств для содержания армии, кроме земли с крестьянами, фактически не было.

Ещё один шаг к усилению крепостного гнёта сделал Пётр I своим указом «О единонаследии» (1714 г.): земля с крестьянами перешла в полную собственность помещика, и крестьяне теперь не могли даже покинуть деревню без письменного разрешения господина. Но оправданием Петра может служить его же ужесточение требований к дворянам: если крестьяне были крепостными дворян, то дворяне при нём стали «крепостными» царя.

Так продолжалось до манифеста Петра III «О вольности дворянской» (1762 г.). Манифест освободил дворян от обязательной государственной либо военной службы, оставляя их полными хозяевами своих крепостных и постепенно превращая в паразитическое сословие. Конечно, дворяне продолжали составлять основу офицерского корпуса и правительственного аппарата, но всё большая их часть просто «радовалась жизни» за счёт своих крепостных, то есть вела жизнь откровенных тунеядцев. Единственный их долг, остававшийся перед государством, — платить подати (налоги) с крестьян.

Особенно ужасающие формы крепостничества приобрело при Екатерине II. Крестьян не только продавали и покупали, как рабов, на невольничьих рынках, не гнушаясь разбивать семьи, не только распоряжались их имуществом, но распоряжались и их личной жизнью, в том числе правом на брак. Это привело к очередной крестьянской войне в 1773—1775 годах под руководством Емельяна Пугачёва.

Павел I попытался хоть как-то исправить положение: ограничил барщину тремя днями в неделю, запретил барщину в праздничные дни, запретил разделение семей крепостных при продаже, ограничил произвол помещиков. Увы, его гуманные шаги закончились дворцовым заговором и убийством императора в 1801 году.

Новую попытку предпринял Александр I в 1803 г., разрешив помещикам отпускать крестьян на волю за выкуп или за отработку, или вообще «бесплатно» («Указ о вольных хлебопашцах»), но за оставшиеся 22 года его царствования набрался всего 161 случай использования Указа. (К слову сказать, знаменитые «революционные демократы» А.И. Герцен и Н.И. Огарёв этот Указ тоже проигнорировали и предпочли за рубежом заниматься подрывной антигосударственной деятельностью на доходы со своих русских крепостных имений.) Император одобрил и далеко идущий проект генерала А.А. Аракчеева о постепенной ликвидации крепостного права путём выкупа казной крестьян с земельными наделами, но вскоре началась Отечественная война с Заграничным походом, опустошившая казну, а потом растаяли и либеральные намерения самодержца. И всё же первый реальный шаг был сделан: в 1816—1819 годах в остзейских губерниях (Эстляндии, Курляндии и Лифляндии) крестьяне были освобождены, но без земельного надела. Это был эксперимент, показавший, что освобождение без земли лишь усугубляет положение крестьян.

При Николае I продолжалось смягчение положения крестьян, и он прекрасно знал, что «крепостное право — это пороховой погреб под государством». За 30 лет его правления было создано несколько секретных комитетов по подготовке отмены крепостного права. Однако все, даже самые умеренные проекты встретили, как показал «опрос общественного мнения», агрессивную реакцию помещиков. Император, помня судьбу своего отца, против течения не пошёл.

Как это ни печально признать, но «общественное мнение» переменялось после Крымской войны 1853—1856 гг. Поражение показало техническую отсталость России, главной причиной чего было именно крепостное право, которое сдерживало развитие производительных сил. Важным довеском к подготовке «общественного мнения» было то, что более 2/3 поместий было заложено за долги по кредитам (дворянам больше нравилось прожигать жизнь в городах, чем заниматься своим сельским хозяйством, — на то они и дворяне). И ещё один довесок — непрекращающиеся крестьянские волнения, особенно в 1856—1860 гг., часто кончавшиеся кровью

не только крестьян, но и помещиков. Так что к 19 февраля (ст. ст.) 1861 года, дню провозглашения Манифеста об отмене крепостного права, помещик окончательно созрел и уже с полным пониманием отнёсся к словам императора Александра II: «...гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, чем снизу».

И всё же Манифест, дав крестьянам личную свободу, право собственности на дома, постройки, приусадебные участки и личное имущество, наконец право свободно распоряжаться своей судьбой, оставил их без земли. Точнее — с землёй, но в отдалённом будущем. Они могли землю либо выкупить, либо получить её через 49 лет, став на этот срок «временно обязанными», т.е. в течение 49 лет платить помещику оброк или отрабатывать барщину (мужчины по 40, женщины по 30 дней в году). Для выкупа земли государство предоставило рассрочку на те же 49 лет под 6% годовых.

Разумеется, всё это вызвало шквал возмущения «передовой общественности» того времени, а в советских учебниках истории отмену крепостного права называли «дальнейшим закабалением крестьян». Как известно, критиков любого решения правительства всегда находится много. Мало только людей, которые бы ясно, с аргументами и цифрами ответили на вопрос: а что иного мог сделать Царь-Освободитель, когда правящим классом было дворянство, а в казне денег кот наплакал?

Для справки. В Англии указ об освобождении крепостных крестьян (конечно, без земли) вышел в 1574 г., а поскольку латифундистам было выгоднее сдавать свою землю в аренду не под пашню, а под пастбища для овец, крестьяне остались без средств к существованию и превратились в нищих-бродяг, которые по закону подлежали казни. Всего в XVI веке в Англии было казнено более 70 тыс. вчерашних крестьян. Во Франции крепостничество в разных формах существовало вплоть до революции 1789 года. В империи Габсбургов (в неё входили современные Австрия, Чехия, Словакия, Венгрия, Хорватия, Словения, части Боснии, Польши и Румынии) только в 1756 г. запретили помещикам лишать жизни своих крепостных, а полностью крестьяне были освобождены (и тоже, конечно, без земли) только через 30 лет. В США рабство было отменено в 1865 году.

«ИМПЕРИЯ НЕ МОЖЕТ УМЕРЕТЬ»

Трудно объяснить этот эффект беспамятства о явлении, прямо связанном с самой властью. Думаю, что наш долг как общества и как народа напоминать власти о её истоках и её природе, задать несторовский вопрос: откуда пошло государство Российское? Юбилей Российской Империи — замечательный повод вспомнить истоки нашей государственности. Мы должны понимать, что празднуемый юбилей является не сугубо исторической датой, помещенной в исторический архив, но представляет собой актуальное событие, имеющее своё продолжение в современности. В 1721 году царь Петр I Сенатом был удостоен титула «Великий» и провозгласил себя Императором, а Россию Империей.

Надо отметить особенность нашей истории: мы точно знаем важнейшие даты нашего исторического бытия: призвание варягов, крещение Руси, судьбоносные исторические битвы. Наша история не окутана мифологическим туманом. В случае с Российской Империей мы знаем не только год, но и точный день, когда Московская Русь стала Российской Империей — 22 октября (4 ноября н. ст.). Царь приурочил про-

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

возглашение Империи к празднику Казанской иконы Богоматери, которая в силу этого факта должна почитаться как Покровительница Имперской России. Это был настоящий «октябрьский переворот» в русской истории. Однако Петр Первый выступил не как революционер, насильно меняя вектор развития страны, но стал выразителем фундаментальной идеи русской государственности. Начиная с Ивана Калиты, Московская Русь стала как на дрожжах расти, присоединять сначала исторические русские земли при Иване III, а затем и близлежащие территории соседних государств при Иване Грозном, когда в состав России вошли Казанское и Астраханское ханства. Далее Ермак покорил Сибирское ханство и Россия вышла на просторы Сибири.

И здесь встал вопрос: что делать? Куда несётся тройка Русской государственности? Что же строят великие князья и Цари, какую страну создают? Национальное государство для русских? Тогда другие народы должны быть вытеснены или же раствориться в русском народе. Или же это будет государство для всех, где каждый народ будет чувствовать себя частью целого, именуемого Россией? И тогда Россия будет матушкой не только для русских, но и для чувашей, татар, башкир, казахов, сибирских народов, чукчей, якутов, бурятов... Этот вопрос не мог оставаться нерешенным. Промедление с его решением было смертельно опасным. Миссия разрешить его выпала Петру I. От его решения зависели серьезные исторические последствия. Он, как русский витязь, оказался на распутье и сделал судьбоносный выбор в пользу великой многонациональной Империи.

Чем отличается Империя от национального государства? Национальное государство — государство одной нации. Империя же открыта для всех, кто признаёт власть Императора, подчиняется имперским законам, вселяется в этот дом и становится полноправным гражданином Империи. И если в национальном государстве очевидны приоритеты национального, то в Империи приоритет гражданства. У Петра Первого был замечательный исторический пример для подражания: Римская Империя. Не случайно ему был воздвигнут конный памятник в облике римского императора в центре Санкт-Петербурга.

Идеология Российской Империи была подготовлена в XV веке идеей старца Филофея «Москва — Третий Рим», включавшей как религиозный, так и политический аспект. При Петре Первом Третьим Римом стал Санкт-Петербург. И именно в имперский период Россия исполнила свою миссию Третьего Рима в качестве хранительницы веры, правды и закона.

Поэтому 1721 год стал настоящим «октябрьским переворотом» в русской истории, определив всё последующее бытие России. Никакие исторические катаклизмы за последующие три века не смогли преодолеть инерции заданного Петром вектора. Мы и сегодня живём по заветам Императора Петра.

Несмотря на европейские одежды и симпатию к Европе (Императора часто обвиняли в европеизме), Пётр Первый выступил как глубоко русский Царь, как наследник Иоанна Грозного, которого он почитал и считал себя продолжателем его стратегических планов расширения России на Запад. Также Пётр считал себя наследником святого благоверного князя Александра Невского. Победу над шведами в Северной войне Пётр считал продолжением и завершением Невской битвы русского князя, лично совершив символическое перенесение его мощей в Санкт-Петербург.

Уже при Александре Невском был заложен краеугольный камень имперской идеи. Он расширил интересы Руси до дальних восточных границ. Формально Россия вошла в состав Золотой Орды, но ментально Россия Золотую Орду сделала частью своего мира.

В этом смысле Пётр Первый — достойный продолжатель и наследник и Александра Невского, и Ивана Великого, и Ивана Грозного, и конечно, своего отца царя Алексея Тишайшего, воссоединившего Великую и Малую Россию (т.н. Украину). Петровская Империя стала логическим продолжением духовной и политической жизни Московской Руси. Пётр Первый не изобрёл чего-то нового, он интуитивно выразил русскую идею как имперскую идею. Государь Пётр понимал, что Империя для России не просто красивый высокий титул, а самое главное — это образ её жизни, способ её бытия и формула её будущего. Будучи зажатой между Востоком и Западом, как между Сциллой и Харибдой, России, чтобы выжить, нужно было объединить в себе Восток и Запад и ментально, и территориально, и политически, и религиозно.

Все эти проблемы решил гениальный Император Пётр Великий, создав Российскую Империю, увенчав этим статусом многовековое строительство Российского государства его предшественниками.

Для воплощения идеи Империи необходимы были и определенные качества самого народа, ведь Империю невозможно навязать силой или построить как некий утопический коммунизм. От народа, претендующего на носителя имперской идеи, требуются как минимум два нравственных качества. Прежде всего нужна глубокая жертвенность народа,

потому что титульный народ, отказываясь от узко национального государства, жертвует отчасти своими прерогативами и преимуществами как первого народа Империи. Нужна готовность отказаться от своего естественного национального эгоизма. Второй момент: нужна широта души титульного народа, чтобы он мог вместить в себя разные этносы и разные культуры, чтобы ему были интересны другие народы, вошедшие в общий имперский дом.

В рамках менталитета национального государства чаще приходится видеть ксенофобскую риторику, которая приводит к национальным конфликтам и отчуждению народов. В результате воздвигаются политические и ментальные границы.

Русский народ в течение своей истории выработал именно эти нравственные качества — жертвенность и широта души. Оба они основаны на православии. Достоевский выразил этот идеал понятием «всечеловек». Русский народ в своей истории не возводил границы, а расширял их, не отгораживаясь от других народов, но открывал врата своего государства для других народов. И этот процесс завершился только естественными границами континента. Широта нашей души была ограничена только берегами Северного и Тихого океанов. Только распад Советского Союза прекратил процесс естественного расширения Империи.

Жертвенность и широта души русского народа позволили ему стать государствообразующим народом Империи. Наш народ в этом выразил и воплотил себя.

После Петра I Россия всегда оставалась Империей, что бы ни происходило, особенно в XX веке. Россия меняла гимны и знамёна, но оставалась при этом всё той же — Российской, советской, даже демократической, но Империей.

Можно сказать, что Империя — призвание России, естественное состояние её бытия. И процесс этот необратим. Мы слишком далеко уже зашли по этому пути.

При Петре I ещё можно было попробовать создать национальное государство. Но он сделал исторический выбор — и отнюдь не в пользу Европы, как может показаться внешне, а в пользу Империи. Он обратил свой взор вглубь веков — идеалом для него была Римская Империя, по её примеру он создавал политические институты. Петр — не европеец, он — римлянин! Россия стала Третьим Римом именно при Петре I и не перестала им быть вплоть до наших дней. Если у Петра I ещё был какой-то выбор, то сейчас у нас такого выбора уже нет. Остается только один выбор — быть или не быть! Быть Империей или не быть вообще. Если мы откажемся от имперского пути, то Россия рассыплется. Поэтому так важен

юбилей Российской Империи. Мы не только празднуем историческую дату, мы осознаём, кто мы такие сегодня.

Сегодня нам нужна именно Новая Российская Империя. В замечательной современной песне, исполненной петербургской отроковицей, есть программная строка — «Империя не может умереть». Это наш актуальный гимн.

Празднование юбилея должно не только напомнить событие трехвековой давности, но обратить наше внимание к реалиям сегодняшнего дня, заставить задуматься о будущем России.

К сожалению, о Российской Империи не говорится ни в Конституции, ни в программе какой-либо политической партии. Ни один политик не поднимает флаг Российской Империи. Понятие Империи в наше время подчас имеет даже негативный оценочный смысл. Исторические окраины России упорно борются с наследием Империи. У современной власти (и общественного сознания) можно обнаружить некий комплекс вины или даже стыда в связи с феноменом имперскости. Власть, очевидно, боится сознаться себе в том, что она не только наследница Российской Империи, но и сама является Империей в форме федерации. Такое умолчание контрпродуктивно. Оно приводит к тому, что наши достоинства приходится официально признавать недостатками.

Тем не менее, мы живём в реалиях Империи. И надо иметь мужество назвать вещи своими именами. Президенту России надо признаться в имперской природе своей власти. В 2020 году были внесены изменения в Конституцию Российской Федерации, но, к сожалению, не было внесено главное: нужно было чётко прописать, что нынешняя Россия — наследница Российской Империи, хранительница её опыта и заветов, её бытие существует в парадигме имперской идеи и преследует цели свободного объединения народов, культур, цивилизаций. Для этого в Конституции нужно поменять всего одно слово — Россия является наследником не Российского государства, а Российской Империи. И поменялась бы вся современная идеология России.

Имперскость — это идеология, которая сегодня может объединить как народы России, так и народы соседних стран. Всем хочется жить в большом, сильном и защищенном государстве. Любой малый народ понимает, что он сам по себе не выживет. Имперская идея способна вдохновить и русского, и якута, и чеченца. В Империи каждый чувствует себя полноправным и полноценным гражданином. Конечно, необходимы определенные реорганизации. Если Россия фактически не национальное государство, то встает вопрос о суще-

ствовании внутри страны республик по национальному признаку: ведь это мины замедленного действия, заложенные под Империю.

Девиз современности — нам нужна Империя, а это требует державной воли масштаба Петра Великого. Нам нужен Петр Великий! Поэтому нужно и достойное празднование 300-летия Российской Империи. Нужен особый исторический праздник — День Российской Империи.

Владимир БОЛЬШАКОВ

РОКОВАЯ ОШИБКА

10 февраля российский президент провел закрытую встречу с главными редакторами ведущих российских изданий. На эту встречу, где обсуждался самый широкий круг вопросов — от экономики и внешней политики до теории пассионарности Л. Гумилева (оказалось, что Путин разделяет его идеи) и «дела Навального», а также от однополых браков до «русского национализма», как и следовало ожидать, проходившую в онлайн-режиме, не пригласили ни одного из редакторов патриотических изданий России. Зато широко была представлена вся либеральная рать — от пригретого Газпромом «Эха Москвы» до «Новой газеты» и других откровенно русофобских и прозападных СМИ.

Участников этой кремлевской видеоконференции, судя по их составу, меньше всего интересовали проблемы укрепления в народе «чувства патриотизма и любви к родине», которое, по справедливой оценке президента, «является сердцевиной будущего России». Зато они с восторгом встретили его заявление о том, что «пещерный национализм вредит России». Путин к этой теме возвращается не впервые. В июне 2014 года он заявил, что власти не намерены поддерживать концепцию российского национализма, а также возрождать империю. «Пещерный национализм» вредит России, представитель каждого этноса должен чувствовать ее своей родиной — заявил тогда президент. В 2018 году Путин вновь пре-

достерег от «развития страны в сторону пещерного национализма». Тогда же он заявил, что выступает за здоровый национализм, когда все 160 этносов, проживающих на территории России, должны укреплять свою идентичность. «Для того чтобы сохранить Россию, которая является многонациональной и многоконфессиональной, нужно, чтобы представитель каждого этноса, даже самого малого, чувствовал, что это его родина, другой у него нет. Он здесь защищен, и он готов жизнь положить свою, чтобы защищать эту страну», — сказал Путин в эфире телеканала «Россия 24». И кто бы с этим спорил?!

Но вот ту же самую тему о «пещерном национализме» Путин поднимает на последовавшей за видеовстречей с журналистами видеоконференции с лидерами парламентских фракций. Президент России еще раз повторил: «Пещерный национализм, лозунг которого «Россия для русских!», только вредит русским, только вредит России и способствует ее раскачке изнутри. А этого мы допустить не должны».

Почему же тема русского «пещерного национализма» стала за последние годы своего рода «пунктиком» у руководства России? В нашей стране, по данным на 2002 г., проживали 111 млн. русских или около 79,8% населения страны. К нашей беде 25 млн. русских в результате развала СССР оказались иностранными гражданами и в ряде бывших советских республик живут на положении неграждан или граждан второго сорта. Ленинский «интернационализм» сработал на 100%. Из всех русских в мире 86% живет в России, 11,5% — в странах бывшего СССР и 2,5% — в остальных странах. С учетом того, что в России проживают, согласно Всероссийской переписи населения 2010 года, 521 443 белоруса и 1 927 988 украинцев, а русские с ними — это один народ, то нашу страну можно считать практически мононациональной. Русские по всем международным параметрам — государствообразующий народ, и это, наконец, хоть и в неуклюжей формулировке, признано в обновленной Конституции РФ. Согласно исследованиям российских служб опроса общественного мнения, русские в своем подавляющем большинстве не испытывают никакой враждебности к представителям других национальностей России. В России такое отношение к инородцам и иноверцам — традиционное.

При таких показателях толерантности русских по отношению к другим национальностям и народам России, составляющим менее 20% ее населения, бить тревогу по поводу несуществующего в нашем обществе «пещерного национализма» нет никаких оснований, если только те, кто подсовы-

вает лидеру страны фальшивки о его разгуле, не хотят спровоцировать конфликты на национальной почве.

Враги нашей державы стремились низвести русский народ до уровня покорного раба тех, кто со времен Петра Первого всеми правдами и неправдами захватывал в нашей стране власть и нещадно ее грабил. А заодно эта нечисть безродная поощряла межнациональную рознь и ненависть малых народов к великому народу русскому по принципу «Разделяй и властвуй!», известному со времен Древнего Рима. Было бы большой ошибкой утвердить этот принцип в управлении современной Россией путем уравнивания таких понятий, как «русский патриотизм» и «народное чувство гордости великороссов» за свою Родину и ее славную историю с «пещерным национализмом». Это было бы только на руку нашим заокеанским врагам и окопавшейся в России (в том числе во властных структурах) «пятой колонне», а также провокаторам вроде Навального. Осознают ли в Кремле, кто к этому подталкивает, и сумеют ли там избежать этой роковой ошибки?

Андрей СОШЕНКО

О «СМЕШЕНИИ КРОВЕЙ»...

Вся практика межнациональных отношений и новейшая история России последних тридцати лет говорят о том, что «интеграции» в российское общество мигрантов из Средней Азии и Кавказа не происходит. И к ним уже можно добавить мигрантов из Китая и Турции. Прибывающая масса людей из кавказских и среднеазиатских государств (во многом это относится и к внутренним мигрантам из республик Северного Кавказа), не говоря уже о мигрантах из «дальнего зарубежья», не настроены на интеграцию, сколь бы их к тому ни призывали. Мигранты видят слабость государства в поддержке русской культуры, традиционных ценностей в целом, что даёт им дополнительную мотивацию игнорирования интере-

сов русского народа и хамского поведения. Если и происходит «интеграция» части мигрантов, то не в русское общество, а в насаждаемое либеральной пропагандой аморальное общество псевдокультуры с соответствующими проявлениями аморальности, вседозволенности, вольности поведения и т.д. В стране, таким образом, создается мультикультурная русофобская среда. И картина в этом аспекте, скажем, за последние 10 лет никак не изменилась, точнее — из года в год происходит наращивание проблем, создаваемых увеличивающейся массой мигрантов.

На Госсовете 23 декабря 2020 года В.В. Путина попросили поручить правительству «проработать вопрос организации точечного въезда мигрантов» на объекты строительства. Кто просил? Вице-премьер Марат Хуснуллин. Также — президент Татарстана Рустам Минниханов, заявивший о дефиците рабочих на стройках и необходимости «точечного въезда мигрантов на объекты». С подобной «инициативой» уже по сельскому хозяйству выступил замминистра сельского хозяйства Джембулат Хатуов. И вновь обоснование узких экономических вопросов они поднимают выше глубинных национальных интересов России.

Не дожидаясь соответствующего обсуждения в высшем исполнительном органе страны, Минстрой России запустил механизм точечного ввоза мигрантов на российские стройки, о чем заявил 23 января глава ведомства Ирек Файзуллин. *«Процедура ручного управления ввоза иностранной рабочей силы уже есть и работает. Для этого крупная компания обращается в Минстрой, представляющий регион, либо руководитель субъекта РФ. Создана комиссия по Узбекистану, Таджикистану, Казахстану и Турции. Эту процедуру мы уже наладили»,* — сказал Файзуллин.

Попутно возникает вопрос. Федеральные руководители, выходящие из Татарстана, представители негласного татарского лобби, отдают себе отчет в геополитических притязаниях Турции? Уже открыто, на главном и государственном турецком телеканале TRT1 показывают политическую карту мира, на которой выделили регионы, которые должны быть под турецким влиянием. К 2050 году в состав Новой Османской Империи, по замыслам неоосманистов и турецких националистов, должны войти Армения, Греция, Кипр, Грузия, Абхазия, Южная Осетия, Азербайджан, Египет, Ливия и... юг России, включая Кавказ, Ставропольский и Краснодарский края, Крым, Севастополь, Ростовская, Волгоградская, Астраханская и другие области. В самом Татарстане не всё ладно с пресечением татарского национализма и сепаратиз-

ма, идеи татарского национализма распространяются как в республике, так и за её пределами. В этих условиях, такой «точечный въезд» разве не будет способствовать реализации планов неоосманов?..

Недавно зампреда Совета Федерации РФ Дмитрий Медведев высказался в своём духе: мол, необходимо придать новый импульс реализации современной миграционной политики в стране. Он подчеркнул, что «эта работа нужна и для развития экономики, и для сохранения социальной стабильности». Надо сказать, что правительством под его руководством (когда он был премьером) уже многое сделано в этом старом «новом» импульсе. Но ему мало. Насколько это соответствует национальным интересам да и просто здравому смыслу? Давайте посмотрим, каково это «сохранение социальной стабильности».

Численность трудовых мигрантов из стран СНГ в 2020 году, как известно, из-за пандемии сократилась на 40—50 %. В конце прошлого года, по статистике столичного ГУВД, за полгода число умышленных убийств снизилось на 19%, грабежей и разбойных нападений — на 30%, изнасилований — почти на 35%. А по московскому региону преступность сократилась гораздо существеннее. И как тут не предположить, что одно напрямую связано с другим?

В начале 2020 года, до пандемии, фиксировался по стране резкий рост числа изнасилований и покушений на изнасилование. Согласно статистике Генпрокуратуры, количество изнасилований и покушений на них в январе года подскочило на 72,1% по сравнению с тем же периодом 2019 года. По словам замначальника Управления уголовного розыска Москвы Трубникова, сказанным в 2019 году, 90 процентов насильников — выходцы из стран Азии: Таджикистана, Узбекистана, Киргизии. Причем многие мигранты оказываются педофилами. *«Эта проблема стоит даже выше, чем проблема изнасилований», — заявил Трубников. — Если же смотреть на общероссийскую картину, то здесь доля насильников-азиатов — 75 процентов».*

Про резонансные убийства русских парней летом 2019 года я писал неоднократно. 1 июня 2019 года в поселении Путилково близ Москвы выходцами из Армении был убит Никита Белянкин, 7 июня 2019 года в Южном Бутово Москвы выходцами из Таджикистана убит Сергей Чуев, 13 июня 2019 года в селе Чемодановка под Пензой — цыганами Владимир Грушин. Напрягают не только цинизм и беспредел преступлений, но и бездействие Фемиды. Скоро уже будет два года с совершения убийств, а убийцы не просто не наказаны, но не

видно даже перспектив судебным процессам над ними. Центральные СМИ даже не напоминают о резонансных преступлениях. Совершенно очевидно, что затягивание процессов над убийцами русских работает на преступников и их адвокатов.

Если говорить в целом по преступлениям, как констатировали участники совещания в Совете Федерации в ноябре 2020 года по проблемам адаптации и интеграции иностранных граждан, *«количество преступлений мигрантов в России поражает»*. При этом на адаптацию одного гастарбайтера власти тратят 58,2 руб. И происходит ли адаптация? Как тут же отмечается — скорее наоборот. Участники совещания отметили, что в последнее время наблюдается тенденция к ещё большей маргинализации гастарбайтеров, увеличению числа совершаемых ими преступлений и усилению напряженности на межэтнической и социально-бытовой почве. А представитель НИИ при Генпрокуратуре Максим Маматов обратил внимание на то, что после того, как комплексный экзамен для мигрантов стал обязательным, количество совершаемых ими административных правонарушений не только не снизилось, а, наоборот, выросло на 21%. И это только о том, что касается преступности, не углубляясь в вопросы разъедания культурного кода России бесконтрольной миграцией.

«Мы достаточно молодая нация», — сказал В.В. Путин 14 февраля. И добавил: «У нас бесконечный генетический код, он основан на смешении кровей, если так по-простому, по-народному сказать».

Президент сказал по-простому. Но этого упрощения на уровне исполнительной власти, похоже, не понимают. Если не происходит культурного интегрирования мигрантов, то ими размывается сама духовная основа государства. Так Россия рискует превратиться в полную нерусь. Хотя ситуация на Западе с его «мультикультурализмом» и всеми его показательными последствиями должна была указать российским властям на порочность такой миграционной политики. Поразительно, но она их ничему не учит, создается впечатление, что власти в России делают всё, чтобы и в этом вопросе «догнать» «цивилизованный Запад».

Согласно здравому смыслу, приоритет для переезда в Россию должен отдаваться соотечественникам, уже интегрированным в русскую культуру, но волею судеб оказавшимся на чужбине. А также — беженцам из Украины и просто желающим оттуда переехать в Россию. Если речь идет о мигрантах из Средней Азии или Кавказа, а тем более — из Турции, то

здесь, выходит дело, «смешение кровей» на 75% происходит, как показывает общероссийская статистика, посредством изнасилований. Это нужно нашему государству?

Необходимо прекратить эти игры с т.н. «точечным въездом мигрантов» и «новыми миграционными импульсами», что, как обычно, приводит к бесконтрольному и неограниченному потоку мигрантов, разьедающему сам стержень государства.

P.S. 28 февраля в Нижегородской области нашли убитыми четырёх членов одной семьи. В поселке Кудьма жертвами мигранта стали пожилая супружеская пара и мать с маленьким сыном. На телах были обнаружены множественные ножевые ранения, у женщины — следы изнасилования, а у ребёнка — удушения. Сотрудники правоохранительных органов задержали насильника и убийцу. Им оказался выходец из Узбекистана, предложивший семье услуги в помощи по хозяйству. Совершив расправу, он попытался уехать в Москву...

ПРОТУБЕРАНЦЫ

*РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ*

2021 год
(Февраль — март)

Российское телевидение из суда над Навальным устроило какое-то многосерийное, нескончаемое представление — одновременно и политическое шоу, и шумный концерт, и абсурдистский спектакль — с публичным обсуждением этого представления «критиками» самых разных направлений: от режиссеров и филологов до депутатов и официальных государственных лиц. Собственно, — то, чего и добивался современный Хлестаков-Навальный и его западные кукловоды. Все в этом умопомрачительном представлении исполняли свою роль — и российские телеканалы, и либеральная русофобствующая тусовка, и политические «эксперты», и оскорбляемые истеричным Хлестаковым судьи, и западные кукловоды, и наши государственные лица. С помощью российского телящика Хлестаков-Навальный стал фигурой мирового общественного мнения. Не просто «сто тысяч курьеров», а сто тысяч сетевых блогеров разнесли по миру каждое слово героя этого абсурдистского спектакля, брошенное им «в лицо власти».

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Давно у нас не было подобного скандального представления. Ну, если не считать прошлогоднего многодневного телеспектакля с участием уголовно-алкогольного артиста Ефремова. Что ни говори, а умеет российское телевидение создавать запредельную славу ничтожным медиакумирам и морально разложившимся «героям» нашего времени.

* * *

Интересно проследить по смысловому значению этимологию слова «пандемия». Слово это состоит из двух корней — «пан» и «дем». Пан — в греческо-языческой мифологии является богом скотоводства или всех животных. Изображается с рогами, бородой, хвостом и копытами. Кроме того, это слово в переводе с греческого означает «все» или «всё». То есть, к примеру, слова «пантюркизм» или «панславизм» значат — все тюрки или все славяне. Также в латинских языках слово «пан» нередко используется в значении *части* кого-либо — животных или людей...

Корень «дем» опять же в переводе с греческого одновременно имеет отношение и к демону (дьяволу), и к народу (демосу).

Попытаемся теперь осмыслить этимологию русского значения слова «пандемия». Во-первых, слово это можно с полным основанием отнести к проявлению демонизма (в окружающем мире или в общественной жизни). Оба корня являются демоническими — и «пан», и «демо». Во-вторых, даже если корень «пан» иметь в виду в значении «весь», то в одном случае мы получаем *всех демонов* (или всего дьявола), а в другом — *весь народ* (в значении: народ-скот), который надо *паст*.

Да, не откажешь в хитро-мудрости тем, кто придумывает и внедряет в нашу жизнь подобные термины... Вот они, *интер-мудрецы*, объявляя *пандемию*, и пасут нас, как неразумный скот, — ограничивают передвижение, загоняют в квартиры, блокируют проездные, вводят пропуска и жестко наказывают за нарушение введенного ими «режима самоизоляции»... Хотя на самом деле их руками нас пасёт он, главный демон, князь мира сего, пытаясь всех загнать в свой цифровой концлагерь...

Другой вопрос: откуда взялся этот «Ковид-19» (или коронавирус)? Даже среди сотрудников ВОЗ обсуждается проблема его искусственного происхождения...

* * *

Кремлёвские подарки.

20 мая 2005 года В.Путин подписал договор, согласно которому остров Тарабаров и часть острова Большой Уссурийс-

кий стали китайскими. Хабаровский край потерял 337 квадратных километров своей земли. Это, между прочим, территория г. Ростова. На этих островах находилось 16 000 дачных участков. Никакой компенсации за них люди не получили.

В 2010 Д. Медведев безвозмездно подарил Норвегии около 175 000 кв. км Баренцева моря, принадлежавших Российской Федерации. Это территория, равная 6 полуостровам Крым. Через три года норвежцы в этих водах обнаружили залежи 2 млрд. баррелей нефти, стоимость которых около тридцати миллиардов долларов.

В 2011 году Путин подарил Азербайджану два горных дагестанских села Храх-Уба и Урьян-Уба вместе с людьми, домами и окрестными пастбищами. А через два года Азербайджан получил в дар еще 3 тысячи гектаров Дагестана. Зачем? Почему? Эти территории никогда не были спорными.

В 2017 году Казахстан тоже получил свой лакомый кусок Новосибирской области — озеро Сладкое, которое раньше было наполовину российским. Теперь местных российских жителей даже на берег озера не пускают.

* * *

10 февраля состоялась тайная встреча (вернее, онлайн-конференция) президента Путина с главными редакторами «оппозиционных», т.е. либеральных СМИ («Эхо Москвы», «МК», «Коммерсант», «Дождь», «Новая газета» и т.д.). В течение нескольких дней ни в каких новостях об этой тайной «конференции» не было сказано ни слова. Но некоторые участвовавшие в этой встрече СМИ не удержались и слили в интернет некоторую о ней информацию. По их сообщению, Путин оправдывался перед этой либеральной «оппозицией» за Навального, а также, видимо, в угоду ей же клеймил «пещерный национализм». Чей именно национализм в его понимании является «пещерным», думается мне, разжёвывать не нужно.

Сам факт сокрытия этой встречи от народа и от патриотических СМИ, многие из которых тоже являются оппозиционными по отношению к этой власти, говорит о многом.

Д. Пескову очень не понравился слив информации в сеть об этой конференции. «Это нарушение договоренности не способствует укреплению доверия», — отозвался он в интернете.

Не потому ли столь развязно, оскорбительно и хамски по отношению к властям ведут себя либеральные СМИ, что видят заискивающее перед ними поведение этой власти? Вот

по этой причине «Эхо Москвы» может себе позволить издевательские высказывания и о России, и о президенте, и о ветеранах войны... Может приравнять Сталина к Гитлеру или смаковать блеф об изнасилованных немках советскими солдатами, о «фанатичке» Зое Космодемьянской, и т.д., т.п. Они знают, что Путин будет встречаться и устраивать тайные (в «закрытом формате») онлайн-конференции исключительно с ними, а не с руководителями патриотических СМИ.

В тот же вечер Сергей Михеев в политическом ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьевым» произнёс такую фразу: «Для российской власти западные пи...сы всегда были важнее и дороже русских патриотов». Повторяю, это цитата, прозвучавшая без купюр на государственном телеканале «Россия-1» 10 февраля 2021 года. И любой желающий может ее услышать.

* * *

Российский суд оказался неспособным защитить ветерана войны Игната Артёменко от оскорблений в его адрес ублюдка Навального. И ветеран вынужден был отказаться от участия в суде, чтобы не выслушивать омерзительные гадости ублюдка. Но суд готов выслушивать эти гадости и дальше. Как видим, никакие судебные санкции по отношению к американскому агенту и ублюдку у нас недопустимы. Судья сделала ему более двадцати замечаний и на этом исчерпала свои процессуальные возможности воздействия на защищаемого либералами мерзавца.

Ни президент, ни министр внутренних дел, ни главы СФ и Госдумы также не способны публично выразить своего отношения к происходящему на глазах у всей страны театру абсурда и дичайшего маразма. Ведь это же очень важно: что скажут на Западе?..

После всех истерических оскорблений судьи и прокурора *отравленным берлинским пациентом* сильно впечатлившийся прокурор (женщина) выступила с ходатайством о сокращении срока заключения *пациента* на 50 дней... Наверное, таким способом после следующей серии судебных оскорблений можно будет довести срок его заключения до нуля... И это не шутка, ведь в приговоре *пациенту* по делу о клевете на ветерана войны суд принял во внимание некие «смягчающие обстоятельства»...

Подобной абсурдистской пьесы еще не ставилось ни в каких театрах мира ни в какое время.

* * *

Грозное ведомство г-на Лаврова продолжает свою кем-то предписанную роль, которую оно из года в год играет на мировой арене, — нескончаемую роль посмешища. После того, как США в конце февраля 2021 г. нанесли очередной авиаудар по Сирии, в которой мы, по убеждению кремлевских менеджеров, давно всех победили, лавровский МИД разразился громким заявлением о том, что им, Соединенным Штатам, необходимо *уважать суверенитет других государств...*

Новый госсекретарь вместе с новым президентом Пиндосии, по всей видимости, были очень впечатлены этим жёстким заявлением и, надо думать, исполнились искренней благодарностью российскому МИДу за напоминание об «уважении» чужих суверенитетов... Это напоминание, конечно же, надолго отобьет у них *неуважение* к чьим бы то ни было суверенитетам...

И если при февральском авиаударе США предупредили Минобороны РФ об этом за пять минут, то в следующий раз, после этого грозного напоминания о *суверенитетах*, так уж и быть, предупредят минут за семь.

* * *

По сообщению ИА Regnum, Центробанк в декабре 2020 года на 1 млрд. долларов увеличил вложения в государственные облигации США. Как заявил корреспонденту этого агентства депутат Госдумы Сергей Миронов, «Деньги — это оружие. Никто в здравом уме не станет его хранить в арсенале государства, которое считает вас врагом и не скрывает своих враждебных намерений. Рост вложений наших резервов в американские активы — это антироссийская диверсия, какими бы псевдо-экономическими причинами такой шаг ни объяснялся».

За последние несколько лет США ввели около 90 пакетов санкций против российских государственных банков и корпораций, нефтегазового сектора, а также высокопоставленных чиновников и крупных бизнесменов. Но у Центробанка России **своя** политика и **свое** отношение к враждебным для нас государствам.

* * *

2 марта исполнилось 90 лет иуде Горбачеву. Весь этот день основные центральные каналы российского ТВ воспевали этого изменника Родины и морального мерзавца, по вине которого погибли миллионы людей в нашей стране. Факт телевоспевания иуды говорит о том, КТО находится в руководстве российских телеканалов.

В. Путин поздравил Горбачева с юбилеем. Это и понятно: без Горбачева и Ельцина он никогда не оказался бы у власти в стране. *«Вы по праву принадлежите к плеяде ярких, неординарных людей, выдающихся государственных деятелей современности, оказавших значимое влияние на ход отечественной и мировой истории»* — сказано в поздравлении. Интересно будет посмотреть, поздравит ли Путин журнал «Молодая гвардия» со столетием?

Политтехнолог Глеб Павловский 5 марта в интервью «Ленте.ру» рассказал о том, как они во главе с Березовским и Чубайсом «творили победу» Ельцину на президентских выборах 1996 года. Павловский признался, что сценарий президентской кампании ему заказали в январе 1996-го. Далее он поведал: «В марте мы защищали этот сценарий перед группой Чубайса, он был принят. И понеслось». По его словам, в первую десятку тех, кто осуществлял этот сценарий, входили миллионеры во главе с Березовским, которые выделили деньги. «Если бы этого не было, не было бы ничего. Ельцин продул бы с разгромным счётом», — сказал в заключение ельцинский политтехнолог (ИА Regnum).

Может быть, Г. Зюганов всего этого не знал, когда в пять утра после дня выборов первым позвонил Ельцину и поздравил его с победой?..

И что же из сказанного Павловским следует? То, что нынешняя власть как преемница ельцинской власти — нелегитимна?.. И не потому ли, не в знак ли большой признательности в Екатеринбурге построен помпезный, финансируемый государством Ельцин-центр (с памятником «царю Борису»), а в Москве сооружается его филиал?..

В России 160 лет назад было отменено крепостное право. В США в это время еще продолжалось рабство.

Как сообщали СМИ в феврале этого года, В. Путин дал согласие на введение в нашей стране продовольственных карточек для бедных. И в этом же месяце появилось сообщение о том, что Роман Абрамович приобрел яхту «Солярис» стоимостью в 44,5 миллиарда рублей. Таковы парадоксы российской действительности, с которыми здесь легко уживаются власти предрержащие.